

К1441309

В.А. Цветков

НА ДРЕВНЕМ ВОЛОКЕ

В.А. Цветков

НА ДРЕВНЕМ ВОЛОКЕ

**(Быт и нравы крестьян Тотемского края
Вологодской губернии
конца XIX – начала XX века)**

к 1441309

Калуга
2012

ББК 84(2-Рос=Рус)6-5
Ц 27

Ц 27 **Цветков В.А.**
На древнем волоке (Быт и нравы крестьян Тотемского края Вологодской губернии конца XIX – начала XX века). - Калуга: Издательство «Эйдос», 2012.- с.128

ISBN 978-5-905697-16-6

Деревни Арганово и Рубцово относятся к древнейшим славянским поселениям на вологодчине. Местный фольклор и обряды своими корнями уходят в эпоху Великого Новгорода. Книга написана на основе воспоминаний близких родственников автора – коренных жителей Тотемского края.

ББК 84(2 Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-905697-16-6

© В. Цветков, 2012

ОТ АВТОРА

Время, подобно жернову, перетирает в муку не только скоропроходящие события и факты, но и целые пласты народной памяти. С каждым поколением уходит частица бытия, традиции и обычаи наших предков. Скудеет язык, теснимый газетными штампами и засильем иностранщины, иссякают родники народного творчества. Телевидение и прочие массмедиа нивелируют менталитет наций и народов, диктуют единую моду на всё – от одежды, автомобильных марок и интерьера жилищ до форм проведения досуга включительно.

Если процессы, идущие в информационном поле, не корректировать, то человечество ждёт довольно унылая картина торжества английского языка как единственного средства общения, а американского образа жизни как довлеющего типа ментальности – прагматического. Дабы избежать такого финала исторического развития, не впад в состояние духовного примитивизма, необходимо со школьной скамьи изучать историю своего народа не в плоском, событийном ключе, а как рельефное, многомерное явление – с традициями, обычаями и языковым богатством. Короче говоря, не надо быть Иванами, непомнящими своего родства.

Больше полувека назад, будучи зелёным юнцом, я записал устные воспоминания моей бабушки по отцу Марии Васильевны Цветковой (в девичестве Муравьевой) и моей мамы Градиславы Степановны Цветковой (в девичестве Первунинской). Они родились и выросли в самом сердце Вологодской губернии – на Верховажье, в глухом, таёжном углу – своеобразном этнографическом заповеднике.

В образах и традициях жителей Арганова и Рубцова – эти деревни стоят на древнем волоке, проложенном новгородскими ушкуйниками, – вплоть до двадцатого века сохранялись реалии Средневековья. Так, невеста-сирота плачет, причитает накануне своей свадьбы, горько сетуя на свою сиротскую участь.

Из ордов люди выходят,
Из тюрем выкупаются.
Со того свету белого
Нет ни вестки, ни грамотки,
Ни низка челобитьца.

Подобного варианта – с упоминанием ордынского ига, долговых тюрем – нам не удалось найти ни в одном из многочисленных сборников устного народного творчества.

Ещё пример. В Арганове бытовала такая святочная игра. Двое взрослых мужчин становились на колени задом друг к другу. Их покрывали дерюжкой, как попоной. Третий мужчина садился верхом на «коня» и с плёткой в руке объезжал всю избу, требуя деньги с участников вечеринки. Тех, кто отказывался платить, стегал кнутом. Что это, как не глухое воспоминание о той поре, когда завоеватели–степняки объезжали верхом на конях покорённые ими русские селения и взимали дань, угрожая расправой?

На территории Вологодской области работали многочисленные научные экспедиции, исследовавшие народные обычаи, традиции и ритуалы, велись археологические раскопки, но никто из историков, этнографов и фольклористов, насколько мне известно, не проявил интереса к вымирающим русским деревенькам – Арганову и Рубцову, стоящим в стороне от оживлённых автострад и центров цивилизации. Пришла пора восполнить этот пробел.

Автор будет благодарен всем читателям, не только проявившим интерес к поднятой в книге теме, но и указавшим на возможные ошибки и неточности, допущенные мною. В силу преклонного возраста я не смог, к сожалению, приехать в Вологду для консультаций со специалистами. Да простят они своему земляку это невольное упущение!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ВГЛУБЬ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Глава первая Таёжные аборигены или тайны географических названий

Как ни странно, даже сегодня, в начале XXI-го века не стихают споры о том, какие народы первыми заселили обширные северные территории, включая нынешнюю Вологодскую область.

В журнале «Пятницкий бульвар» (№ 9 за 2008г., Вологда) опубликована обширная статья краеведа Дмитрия Семёнова «Древнейшее население территории Вологодской области». Автор с патриотических позиций пытается доказать, что первопоселенцами на вологодчине были не финно-угры, как принято считать в официальной науке, а арии и сменившие их славянорусы. Цитирую: «Таким образом, древнейшее население территории Вологодской области – это предки славян (русских): славянорусы и балтославяне, а ещё более ранние – арьи (арийцы)».

При всем уважении к славянофильским настроениям автора (я сам коренной русский человек) совесть учёного не позволяет мне согласиться с его выводами. Стоит только взлелеять в себе национальную гордыню, как возникнет опасность для научной объективности и непредвзятости.

Приведённые в статье Дмитрия Семёнова доказательства в пользу арийско-славянской версии древнейшего населения Вологодской области не выдерживают критики. Во-первых, стоянки первобытного человека на Вологодчине датируются седьмым тысячелетием до н.э., тогда как арийские племена стали расселяться со своей прародины – Балканского полуострова не ранее второго-третьего тысячелетия до н.э. Во-вторых, нельзя отнести к числу аргументов автора и тот факт, что на территории Вологодской области обнаружены погребения с возрастом 6-9 тыс. лет человека явно европеоидного типа. Ну что из того? Или автор забыл, что финно-угры так же относятся к европеоидной расе, а не к монголоидной и тем более, к негроидной? У ариев и финнов одни общие предки – кроманьонцы.

Когда встаёт вопрос о том, какой народ населял ту или иную местность в дописьменные времена, самое веское слово остается за лингвистикой в целом и топонимикой в частности. Ещё авторитетнейший историк, академик Б.А.Рыбаков писал: «В научном поиске древнейших судеб славянства первое место принадлежит лингвистике».

Посмотрите, читатель, на карту Вологодской области! Подавляющее большинство значительных рек и их притоков носят отнюдь не русские названия, а финно-угорские: Вага, Онега, Вычегда, Сямжена, Кокшеньга и т.д. И это неслучайно. Топонимика — наука о географических названиях давно уже установила повсеместно действующую закономерность: имена рекам, озерам, урочищам дают первые поселенцы. Следующие миграционные потоки, как правило, воспринимают уже существующие топонимы. Исключения редки. Кроме Сухоны да озера Белое на вологодчине и вспомнить нечего. Важно помнить также, что многие финно-угорские топонимы славяне переозвучили, облегчив их произношение. Так Валага стала Волгой, Моксава — Москвой, а Вачуга — Вычегдой...

Возникает естественный вопрос: а откуда взялись сами-то финно-угры? Где их прародина? Никаких письменных документов на этот счет, разумеется, нет. Остаётся только опираться на данные исторической науки, археологии, на сохранившиеся мифы и предания, опять же на лингвистику — сравнительное языкознание.

Как говорилось выше, общими предками двух мощных ветвей — арийских, то есть индоевропейских народов и финно-угорских являлись кроманьонцы. И арии, и финны относятся к европеоидной расе — в пользу этого говорят данные антропологии (форма черепа, тип оволосения и т.п.). Типичного финна или эстонца в толпе большого города вы не отличите от типичного русского с голубыми глазами и белокурыми волосами. То же самое и с мордвой.

Доказанный факт, что кроманьонцы появились около сорока тысяч лет назад и обитали они в Центральной и Южной Европе. Это была эпоха последнего великого оледенения, когда южная граница вечных льдов проходила на широте современного Киева. Жили кроманьонцы в пещерах, орудия изготавливали из кремня, а пропитание добывали себе охотой, рыбной ловлей и собирательством. Главные объекты охоты — мамонты, шерстистые носороги и мелкие парнокопытные.

Логично предположить, что большая группа первобытных охотников (а возможно, и не одна) в поисках новых охотничьих угодий двинулась на восток вдоль кромки ледника. Миграция проходила вместе с женщинами и детьми — всем

держась кавказского берега. Так они вышли в Иран, а затем и в Индию задолго до ариев и дали названия многим рекам Индии. Ганг (а) – «гусиная река». Инд – «утинная река». Амбала – «река с опасными мелями» и др. Возможны ли такие дальние путешествия для людей каменного века? А почему нет? Полинезийцы на плотах пересекали даже Тихий океан. В девятом веке нашей эры, по свидетельству летописца, «чёрные угры прошли через Киев». Представьте себе! С Южного Урала пройти в Центральную Европу, преодолев без плавсредств, с жёнами и детьми, Волгу, Дон, Днепр и Дунай. Так что путешествие на плотах по Каспию, держась вблизи от берега, куда менее трудное и опасное предприятие.

По реке Чусовой расселилось племя, тотемным животным которого была щука. Само название реки расшифровывается так. Чусава. Чу-щука. Са – род, племя. Ва – река. «Чусава» – река племени щуки. «Чуса» – это известная нам чудь. Рыжеголовые, голубоглазые обитатели Среднего Урала – в их крови стали преобладать рецессивные гены, отсюда и светлый колер. «Чудь белоглазая» – по выражению новгородцев.

Чудь – мощное племя. Когда закончился ледниковый период, и огромная территория от Урала и до Балтики покрылась лесами, люди племени чудь сначала освоили Приуралье, а потом двинулись на Запад и Северо-Запад. Финны дошли до рек Эльбы (Лаба, Лава) и Одера (Одра), заняли весь Скандинавский п-ов, вышли на побережье Северного Ледовитого океана. Коми считают себя потомками чуди. На юге Нижегородской области есть река Кудьма, что в переводе на русский означает «Река племени чудь (кудь)». Вот таков ареал обитания чуди со Среднего Урала, которая в процессе расселения разделилась на разные племена и народы – финны, эстонцы, карелы, мордва, марийцы, меря, весь, мурома – всего семнадцать финно-угорских языков, живых и мёртвых.

Однако пора возвращаться на вологодчину, в наш родной Тотемский край. В доисторические времена здесь обитали в основном два финских племени – велсы (весь) и «чудь заволочская», согласно «Повести временных лет». Заволочская (заволоцкая) – живущая за волоками. Это территория, охватывающая бассейн р. Кубены и Верховажье.

Чудь смешалась со славянами, растворилась в них, ассимилировалась, выражаясь языком науки. Отдельные представители чуди заволочской дожили до 70-х годов XX-го века. О быте и нравах древних чудинов почти ничего не известно, если не считать короткого свидетельства древнеримского историка Тацита. Если верить ему, то древние

родовым сообществом. Никаких серьёзных водных преград на пути переселенцев не встретилось (Волга, Дон и прочие могучие водные потоки появятся позднее, при таянии ледника), так что за более или менее длительный период кроманьонцы вышли к Среднему Уралу, где и поселились по реке Чусовой.

Урал – одно из древнейших мест обитания первобытного человека на европейском континенте. Там не было обледенения, за исключением приполярной области. Умеренный климат, богатые дичью леса и рыбой – реки позволили первопоселенцам быстро размножиться. Часть кроманьонцев откочевала к югу и смешалась с тюркскими племенами. Возникла смешанная, так называемая, «уральская раса», соединяющая в себе признаки европеоидной и монголоидной рас. Это не переходная раса, как иногда ошибочно её называют, а именно смешанная – метисы.

Прауральцы, жившие на Среднем Урале, и дали начало финно-угорским народам. Никаких ариев в те далекие времена (12-15 тыс. лет назад) в этом регионе не было, и быть не могло. Прародина арийских народов – восточная часть Балканского полуострова. Да, в священных книгах индо-ариев есть глухое упоминание о том, что родина ариев находится на севере, и что там есть горы, протянувшиеся с запада на восток. К разочарованию сторонников «Теории славяноцентризма», нужно сказать, что эти горы – не Северный Урал, а Балканские горы. Для ариев, переселившихся в Индию, Балканский п-ов мог восприниматься как территория, расположенная на северо-западе, и никак иначе.

О родстве арийских и финно-угорских народов говорит и лингвистика. В языке прауральцев сохранились слова, главным образом, односложные, которые были общими для кроманьонцев, обитавших в Европе. Назовем некоторые лексемы. Это «ар» – солнце. Арии, в буквальном переводе, – это солнцепоклонники, люди Солнца. «Ва» – вода. «Та» – трава. Сравните с русским «отава». «Ш» (ска) – шкура. «Шай» – свет. «Рос» – рысь. Сравните с русским «сияние», с немецким «sehen». «Са» – род, племя. Сравните с немецким «саксы». «Инд» (инт) – утка. У немцев «ente». «Ган» – гусь. У немцев «gans» и т.д.

Охота – экстенсивный вид хозяйствования, постоянно требующий расширения территорий. Когда прауральцы размножились, начались миграционные процессы, переселение народов. На востоке уральские племена дошли до Тянь-Шаня, озера Байкал и верховий Амура.

Угры с Южного Урала двинулись на юг, спустились, надо полагать, на плотках по реке Урал, а дальше пересекли Каспий,

финны вели чрезвычайно примитивный образ жизни. Оружия не имели, питались травой, постоянных жилищ не имели — строили шалаши из ветвей для укрытия от непогоды. Может быть и так. Пока чудины не вступили в постоянный контакт со славянами и не перешли от первобытного образа жизни к земледельческому, из каменного века не шагнули в век железный.

Заволочская чудь исчезла, но остался след от её пребывания на вологодской земле — названия многих рек и озёр. Для слуха наших современников эти гидронимы звучат совершенно непонятно. Попробуем разобраться, дело сложное. Для его успеха нужно восстановить, реконструировать хотя бы несколько десятков слов, восходящих к прауральскому языку, давшему начало всей финно-угорской языковой семье. Автору этих строк, лингвисту по образованию, удалось частично решить эту задачу с помощью сравнительного языкознания и структурно-лингвистического анализа. Вот результат.

На прауральском «ва» означало не только вода, но и река. «Га» — большой, много. «Ма» — маленький, речной приток. «Ра» — гора, берег. «Ла» — мель, перекат. «Ши» — омут, водоворот. «Дрес» — песок. «Пек» — глина. «Чу» — щука. «Ёр» — ель. «Кон» — сосна. «Та» — трава. «Тай» — дерево. «Амба» — медведь, опасность. «Олон» — олень, лось. «Тал» — кустарник. «Ти» — тина. «Сём» — рыба. «Кол» — изгиб, петля. «Шай» — свет. «Шань» — белый, светлый. «Бол» — моховое болото. «Вань» — ручей. «Вырь» — болотная топь. «Кар» — чёрный (заимств. из тюрского). «Рос» — рысь. «Ар» — солнце. «Мор» — мёртвый. «Же» — журавль. «Ган» — гусь. «Инд» — утка. «Са» — род, племя. «Мы» — стоянка, стойбище. «Моку» — мох, волосы. «Колга» — охотничий лук. «До» — два. «Пи» — птица. «Ша» — покрытый.

Опираясь на этот словник, нам нетрудно будет раскодировать многие топонимы, восходящие к древнефинскому языку. А точнее — к прауральскому. «Ва» — река. «Га» — большой. Вага — «большая река». Так оно и есть. Вожега (ва — река, же — журавль, га — много) — «журавлиная река». Вожбол (Важебол) — ва — река, же — журавль, бол — моховое болото, «река, вытекающая из журавлиного болота». Вычегда (Вачуга) — ва — река, чу — щука, га — много, «река, где много щук». По крайней мере, такой была эта река несколько тысячелетий назад. Шиченга (Шичуга) — ши — омут, чу — щука. Га — много. «Река, где много щучьих омутов». Печенга. Пек — глина, га — много. «Глинистая река». Печора — «река с глинистыми берегами». Тара (та — трава, ра — берег). «Река с травянистыми берегами». Емба (Амба — медведь). «Медвежья река». Ерга

(ер – ель, га – много). «Еловая река». Истра – «река с песчаными берегами». Москва (Мокса – мокша, ва – река). «Река племени мокша». Кондопога. Кон – сосна, Конга (да) – большая сосна. Га – много. «Место, где растет много больших сосен». Онега (Олонга) – «Лосиная река». Тотьма (Татима) – та – трава, ти – тина, ма – речка, приток. «Тинистая, зарастающая речка». Толшма (Талшама) – тал – кустарник, ша – покрытый, ма – речка. «Речка с берегами, поросшими кустарником». Ентала – «утиная река». У(ю)гра – южные горы (Южный урал). Колва – «петлистая река». Воря – «река, вытекающая из болотной топи». Волга – «река со многими мелями, перекатами». Кама (Гама) – «большой приток» и т.д.

Названия множества рек (только на вологодчине их больше двадцати) связаны с прауральским словом «вахта» (ва – вода, та – трава). То есть «водяная трава». Речь идет об известном лекарственном растении – «водяном трилистнике» по В.Далю. Это растение обладает удивительными целебными свойствами, настоящий северный женьшень. Древние финны, большие травознаи, широко использовали вахту в лечебных целях и запоминали места, где она росла в изобилии. Так и появились гидронимы с корнем «охт», «уфт», «ухт»... «Вохтога» (вахта+га) – река, где много растет вахты. «Вохтома» (вахта+ма – речка) – речка, где растет вахта. По тому же принципу образованы топонимы «Ухта», «Уфтуга», «Охта» (в Питере), «Вахтома» (Нижегородская обл.) и множество других.

Спорный вопрос о происхождении гидронима «Вологда». Есть такая поговорка: «Волок да волок и будет Вологда», сложившаяся во времена ушкуйничества. Два раза протащив свои узконосые лодки-ушкуи, новгородцы добивались до устья реки Вологды, где они основали своё поселение. Только не реки называются по городам, а наоборот – города по рекам, на берегах которых они возникают.

Смеем утверждать, что название реки Вологда – не славянское, а финское, только звучало оно в древности иначе – «Валага» (Ва – река, ла – мель, пережат; га – много). Река со многими мелями, перекатами. Так оно и было до строительства канала, ибо Вологда протекает по возвышенным, холмистым местам с перепадами высот. Под влиянием северного оканья Валага стала произноситься как Волога, а это уже созвучно с привычным для русского уха «волоком». Так и возник топоним «Вологда».

Несколько слов о Сямже и Сямжене. Исконные обитатели этого края были чудины. Они-то и дали название красивой и тихой реке, впадающей в Кубену. Только звучало это название в глубокой древности иначе – «Сямга», по типу

Вага, Вожега, Онега... Новгородцы, пришедшие сюда в десятом веке, переозвучили топоним на русский лад – «Сямжена». (Как Двина, Кубена, Березина).

«Сямга». Что значит это слово? «Сём» – рыба на прауральском, «га» – много или большой. «Сёмга» – большая рыба. «Сямга» – много рыбы. Видимо, Сямжена была тысячи лет назад одной из самых рыбных рек нашего края. Кстати, в русском языке наблюдается чередование звуков «г» и «ж». Луг – лужок, друг – дружок. Потому и Сямга стала Сямжей, а река – Сямженой.

Далеко не все древние географические названия, оставленные нам в наследство выходцами с Урала, мы можем сегодня расшифровать, определить их первоначальное значение. Занятия топонимикой увлекательны, но не так просты, как многим кажется. Заметных успехов здесь можно достичь, если объединить усилия трёх наук – лингвистики, истории и географии. Причём, напоминая, приоритет здесь принадлежит лингвистике. Мой совет молодым краеведам: если вы хотите докопаться до сути, до коренного значения этих странно звучащих названий – Яхреньга, Андога, Сингойма и прочих, обложитесь словарями финских языков – там найдете ключ к открытию.

Итак, нет никаких сомнений в том, что абorigенами, первыми насельниками Русского Севера, и Тотемского края в том числе, были не славяне, а финно-угорские племена, пришедшие с Урала в незапамятные времена – задолго до того, как сформировалась этническая общность славян и выделилась из протоарийских обитателей Балканского полуострова. Это давно доказанный факт, так что нет необходимости тратить время и силы для его опровержения. Объективные истины требуют уважительного к себе отношения. Оспорить же можно всё – даже то, что Земля круглая. Но такие споры носят непродуктивный характер.

Глава вторая **Первопроходцы Севера**

Протоарии, обитавшие на Балканском полуострове, с переходом к земледелию и скотоводству стали быстро увеличивать свою численность, что и привело к разделению единой этнической общности и единого языка на несколько крупных племенных объединений и языковых семей – германскую, романскую и славянскую. Началось расселение ариев.

Одними из первых покинули прародину славяне и индоарии. Само слово «славяне» (словене) означает «свободный» (слободный), отделившийся. «Слобода» – посёлок вне города, за городскими стенами, отделившийся. Местом своего нового поселения предки русского народа избрали озеро Ильмень и реку Волхов. Летопись сообщает, что в отличие от близкородственных народов – полян, древлян, чехов и прочих – поселенцы на озере Ильмень так и называли себя «словене».

Точную дату переселения славян на озеро Ильмень назвать невозможно, но есть косвенные данные. Научкой установлено, что арийские племена мигрировали в Индию в середине второго тысячелетия до н.э. Так вот, санскрит – литературно обработанный язык индоариев наиболее близок по своему лексическому составу русскому языку. Это поразительное сходство можно объяснить только тем, что и предки русских, и индоарии практически одновременно покинули свою прародину и оказались в самоизоляции, что способствует консервации языка, сохранению в нём многих лексем древнего происхождения.

Ещё один немаловажный момент. Арии были солнцепоклонниками («Ар» – солнце). Отсюда русские слова – «жар», «вар», «заря» и другие. Одним из шести главных славянских богов был Сварог (опять же корень – «ар») – покровитель кузнечного ремесла, связанного с огнём. У индоариев весьма почитаемым был Варуна (корень – «ар»), изображавшийся с солнцем во лбу. Такая близость религиозных воззрений также говорит в пользу версии одновременной миграции с Балкан индоариев и предков русского народа, а именно – три с половиной тысячи лет назад.

Разумеется, никаких городов у наших пращуров на протяжении многих столетий не было. Это потом, уже в первом тысячелетии н.э. появились Старая Ладога, Новгород и другие городские поселения. О новгородских славянах написано множество солидных научных трудов, так что нет нужды повторять уже известные факты. Тем не менее, спорных моментов остается ещё немало. Больше ста лет противники т.н. «норманнской теории» пытаются оспорить сообщение летописца о приглашении варягов на княжение в новгородскую землю.

В «Повести временных лет» сказано, что в Новгород пришли со своими родами Рюрик и его два брата из племени «Русь»: сменивший Рюрика князь Олег перенёс свою резиденцию из Новгорода в Киев. О судьбе прочих «русов» ничего не известно. Остаётся только предположить, что варяги – русы смешались с более многочисленным местным

населением. Отныне славяне стали называть себя «русскими». Уже в третьем поколении почти полностью исчезли скандинавские имена. Или же изменились до неузнаваемости. Так, Хелег стал Олегом, Хельга – Ольгой, Носкульд – Аскольдом, а Ингварр «мутировал» в Игоря.

К сведению читателей, далёких от науки лингвистики, слово «русый», «русский» имеет своей основой «руд» (красный, рыжий). У Н.Гоголя – «Рудый Панько», «Руда» – кровь у белорусов и украинцев. По-немецки красный – «rot», по-английски – «red». Рыжеголовые скандинавы – русы и дали имя славянам, с которыми слились.

Приход на княжение в Новгород Рюрика – вождя скандинавского племени «Русь», явился переломным моментом в становлении молодого государства «Киевская Русь», в образовании этнической общности «русский народ». Не все отечественные историки разделяют «норманнскую теорию», но лично я не вижу ничего в ней оскорбительного или уничижающего для нас, русских. Разве это единственный случай в истории человечества, когда приход правителя со стороны, «варяга» был единственным способом погасить внутренние распри, истошающую междоусобицу? Наши пращуры поступили мудро, перейдя от родового строя к государственному началу, к княжеской власти. А первыми боярами в Новгороде стали приближённые князя Рюрика, лучшие воины его дружины. Само слово «боярин» происходит от слова «боец».

Обновление генофонда новгородских славян с помощью отважных северных викингов заметно изменило стереотип поведения дотоле мирных земледельцев, торговавших с варягами хлебом и пушниной. У хлебопашцев появились несвойственные им ранее черты – авантюризм, воинственность, страсть к перемене мест. Начинаются походы на Царьград, а в конце IX – начале X-го века в Новгороде появляются ватаги ушкуйников, предпринимавших на своих остроносых лодках – ушкуях, походы на Север – в необозримые таёжные дебри, где водный путь по рекам и речкам был единственно возможным.

Из учебников истории мы знаем, что первопроходцами русского Севера, в его освоении были новгородские ушкуйники (от слова «ушкуй» – лодка). В.Даль вслед за летописью, даёт им краткое определение – «речные разбойники». В современном «Словаре русского языка» С.И.Ожегова подтверждается это определение: «Ушкуйник. В Древней Руси – вольный человек, совершавший набеги с вооруженной дружиной и промышлявший на ушкуях по Волге и Каме». Ушкуй,

как сказано в словаре, — это большая плоскодонная лодка с парусом и вёслами.

Вот те раз! Речные разбойники, занимавшиеся грабежом, и есть первопроходцы Севера? И кого же они грабили на обширной территории, протянувшейся до Уральских гор и Северного Ледовитого океана? Полудиких и вовсе диких обитателей лесных дебрей, не имевших ни золота, ни серебра, ни прочих драгоценностей? Посуда деревянная, орудия труда — каменные. Как говорил древнеримский историк Тацит, сама бедность служила финским племенам защитой. Именно так.

С ушкуйниками у авторов энциклопедий вышло недоразумение. Ушкуйничество появилось в конце IX — начале X-го века и продолжалось вплоть до присоединения Великого Новгорода к Московскому княжеству в 1478 году. Без малого пятьсот лет насчитывает история новгородского ушкуйничества. За такой огромный исторический период ушкуйничество, как социальное явление, претерпело глубокие изменения. Да, в период позднего Средневековья ушкуйники выродились в речных разбойников, но в десятом веке это были действительно первопроходцы Севера, а отнюдь не грабители и завоеватели новых земель. Аборигены не истреблялись и не изгонялись в резервации подобно индейцам в Северной Америке. В финском эпосе — в «Калевале» и «Калевапоэге» ничего не говорится о русских пришельцах как о завоевателях и притеснителях.

Исторические факты таковы. В начале десятого века в Новгороде образовалась достаточно многочисленная прослойка молодых, энергичных людей, не имевших ни земельных наделов, ни собственного состояния, ни ремесла, ни постоянных занятий. Этих праздношатающихся молодцев историки называют «новгородской гольтьбой». Они-то и стали сбиваться в ватаги и на ушкуях уходить в дальние странствования по северным пустынным территориям, очень слабо заселённым малочисленными финскими племенами.

Что погнало ушкуйников на Север? Что заставило их терпеть нужду и лишения, опасности, подстерегающие в пути? Не тяга же к научным изысканиям? Не простое же любопытство толкало в таёжные дебри? Нет, конечно. Ушкуйниками двигал сугубо меркантильный интерес — добыча пушнины. Меха в то время ходили наравне с золотом. Хазары и прочие завоеватели брали дань со славян и чуди шкурками — «по белке или кунице с дыму».

Ушкуйники также наложили дань на аборигенов тайги — финнов, но занимались и меновой торговлей. Особенно ценными были для чудинов, живущих в каменном веке, изделия

из металла – топоры, ножи, наконечники для стрел, а также ткани и мука. Чудины быстро научились печь в своих очагах шаньги – оладыи, от слова «шань» – белый.

Ушкуи первопроходцев Севера выглядели иначе, чем сотни лет спустя, когда эти судёнышки стали напоминать ладьи – с парусами и многочисленной командой. Первые ушкуи – это узконосые, плоскодонные лодки, ходившие только на вёслах. Их «экипаж» состоял, предположительно, из 10-12 человек и не более. Иначе лодка становилась громоздкой и теряла маневренность на узких, извилистых речках.

Есть косвенное подтверждение сказанному выше. У жителей д. Арганово, основанной новгородскими ушкуйниками, сохранилась старинная обрядовая песня, в которой есть и такие слова.

Из-под камушка быстра речка бежит.
А по речке-то судёнышко плывёт.
На судёнышке-то семь человек.
А восьмой-то водонос воду носил.
А девятый винокур вино курил.
А десятый удалой молодец.
Как Иван-то Константинович.

Десять человек на судёнышке, ушкуе – это три пары гребцов, седьмой на рулевом весле – загребной. Двое с луками наизготовку по обоим бортам лодки зорко всматриваются в лесную чащу, подступающую к берегам. Мало ли какая опасность подстерегает в глухой тайге? Край неизведанный. Это потом, позже ушкуйники убедились в миролюбии коренных обитателей северных территорий. Ну, а десятым членом экипажа был большак, атаман ватаги – самый удалой, решительный и сметливый ушкуйник.

Не все ушкуйники возвращались с добычей домой. Находились и такие отчаянные головы, не терпевшие над собой ни боярской, ни отцовской власти, что оставались в тайге. Место для поселения выбирали поближе к стойбищу лесных жителей – финнов. Срубив себе избушку, добрый молодец брал в жёны местную финнку поприятнее на вид. Средства к жизни добывал охотой и рыболовством. К первому поселенцу присоединялись другие, и когда возникала деревня, общими усилиями валили лес, сжигали деревья, расчищали участок и начинали обрабатывать его, заниматься земледелием. Глядя на пришельцев, и чудины постепенно перешли к осёдлому образу жизни, из охотников переквалифицировались в хлебопашцы.

Так и шла мирная колонизация Севера. Территории хватало всем, только не ленись. Подсечно-огневое земледелие постепенно стало основным занятием и аборигенов. Охота и рыболовство отошли у чудинов на второй план, превратились в подсобный промысел. Русский язык стал общим для всех, а затем, в течение столетий, чудь заволоцкая и вовсе слилась со славянами.

Глава третья Забытый волок

Общеизвестный, хрестоматийный факт: Русский Север открыли и освоили новгородские славяне, о чем мы говорили в предыдущей главе. Однако не все знают, что проникновение славян на северные территории началось не с возникновением ушкуйничества, а гораздо раньше. Белозерск на земле племени весь впервые упоминается в летописи под 862 годом, но основан был в седьмом веке, одновременно с появлением городищ вятичей на Угре и других реках Окского бассейна. Видимо, в это время началась мирная экспансия славян в восточном и северном направлениях.

Первыми в неизведанные таёжные дебри проникали, как водится, охотники за пушным зверем. Они сыграли такую же роль в освоении новых территорий, как и трапперы в Северной Америке. Небольшими группами, а порой и в одиночку, добытчики «мягкого золота» продвигались на север вдоль речных русел, ставили в тайге заимки, вступали в контакты с аборигенами здешних мест – с угро-финскими племенами.

Так были исследованы и освоены берега Белого и Кубенского озер, бассейн реки Кубены. В пользу такого предположения говорят русские топонимы – «Белое», «Сухона», «Усть-Река»... Чем дальше на север, тем чаще встречаются финские названия рек и урочищ – Вага, Онега, Тотьма, Вожега, Шиченга и другие.

Совершенно неизведанными землями для новгородцев оставались безбрежные лесные массивы за пределами низовий Кубены и верховий Сухоны, где обитала чудь заволоцкая. По свидетельству современников, даже во второй половине XIX-го века леса Вологодской губернии «кишели дичью, а реки – рыбой». Что же говорить о временах, отстоящих от нас на многие сотни лет?

Одним из ареалов с богатыми охотничьими угодьями издавна было Верховажье. Очередь дошла и до этих краев,

когда сюда добрались ушкуйники на своих узконосых, плоскодонных лодках, способных проникать в самые глухие уголки по мелким речушкам и речным протокам. Достаточно взглянуть на географическую карту, чтобы понять: кружной путь на Верховажье – по рекам Сухоне и Двине был слишком долг. Наши предки были достаточно разумны, чтобы поискать кратчайший путь к заветной цели. Оптимальный вариант – устроить волок, который соединил бы бассейн реки Кубены с Вагой. И такой волок появился предположительно в первой половине десятого века.

Что такое волок? Открываем словарь С.И. Ожегова. «Участок между двумя судоходными реками, через который в старину перетаскивали судно для продолжения пути».

Владимир Даль даёт более широкое понятие волока. «Волок – переволок, перешеек между двух рек, где переволакивают лодку или товар с них, с одной речки на другую». Позднее «волоком» стали называть дорогу, идущую через дремучий лес от селения к селению.

Первые волоки появились на торговом пути «из варяг в греки» ещё в середине девятого века. Затем новгородцы соединили волоками озеро Ильмень с Кубенским озером, открыв тем самым путь на Север до самого Поморья.

А где же был устроен Верховажский волок? Раскроем географическую карту и посмотрим. Трудно найти более удобное место для устройства волока, чем перешеек между рекой Войдуш, впадающей в Шиченгу – приток Сямжены, несшей свои воды в Кубенское озеро, и рекой Пойдугой, впадающей в Вагу. Два речных бассейна – Кубенский и Северо-Двинский на этом участке водораздела отстоят друг от друга всего на четыре километра. Войдуш и Пойдуга – речки небольшие, но судоходные для лодок-плоскодонок. Тем более что в древности они отличались полноводностью, пока топор дровосека не проредил тайгу.

Посмотри, читатель, ещё раз на крупномасштабную карту Вологодской области. У истока Войдуша стоит деревня Арганово. В устье Пойдуги – ещё одна деревня, название которой не указано. Как раз посередине, на равном расстоянии между истоками двух речек стоит Рубцово. На расстоянии всего лишь в несколько километров, вытянувшись в одну линию, построены три деревни. Случайно ли это? Нет, конечно. Эти деревни расположены на древнем волоке, устроенном ушкуйниками.

Мы можем представить себе, вообразить путь ушкуйников из Кубенского озера на Вагу. Первый пункт отдыха – Усть-Река. Вторая длительная остановка – в поселке Сямжа.

И, наконец, долгожданное Арганово у истока Войдуша. Здесь база ушкуйников. Здесь они отсыпаются после долгого пути из Новгорода, лечат натёртые вёслами мозоли на руках, плотно обедают не с надоевшими сухарями, а со свежим, выпеченном на поду караваем ржаного хлеба.

Отдохнув и набравшись сил, добры молодцы ставят на деревянные катки свои ушкуи, заранее выгашенные из воды, чтобы они обсохли, и с гиком, с песнями волокут лодки через просеку. За день, видимо, удаётся преодолеть половину волока – два километра и остановиться на ночёвку в деревне Рубцово. А там ещё два километра и снова большой отдых уже в селении в устье Пойдуги.

Изложенная мною гипотеза о существовании в древности Верховажского волока требует доказательств – прежде всего, археологических. Однако мне не приходилось слышать о том, что в Арганове или Рубцове проводились раскопки. Это дело будущего. Тем не менее, есть аргументы лингвистического характера в пользу моего предположения.

Деревня Арганово и прилегающий к ней куст населённых пунктов объединялись до революции 1917 г. в Рубежскую волость Кадниковского уезда. В просторечии этот угол Сямженского района и сегодня называют кратко и просто – «Рубеж», с ударением на первом слоге. По В.Далю слово «рубеж» означает «большая рубка леса». («Такой рубеж стоит!»). При прокладке волока через тайгу действительно идёт масштабная вырубка леса. И деревня Рубцово получила своё название по той же причине – «рубить, прорубать просеку», а вовсе не от фамилии основателя деревни – до XV века у русских фамилий не было.

Время, когда был проложен Верховажский волок, можно было бы определить более-менее точно радиоуглеродным методом, имей мы под рукой остатки деревянных катков, по которым тащили ушкуи, или фрагменты самих лодок. Но их пока нет. Остаются косвенные свидетельства и логические рассуждения. Я полагаю, что волок, о котором идет речь, был устроен в первой половине десятого века. Раньше, до появления ушкуйничества, в нём не было нужды. Позднее же, в одиннадцатом столетии, основной маршрут новгородских первопроходцев сдвинулся на Сухону и Вычегду.

Далее стоит обратить внимание на тот факт, что атаманами ватаг ушкуйников часто становились обрусевшие сыновья и внуки пришедших в Новгород варягов – викингов. В первых поколениях в их среде в ходу были скандинавские имена. Деревня Арганово названа, очевидно, по имени её основателя. Арган – уменьшительная форма давным давно

исчезнувшего имени Аргенид (от лат. Argentum – серебро). Имя звучит на скандинавский лад.

В Арганове же, и нигде больше, дожила до наших дней поговорка: «С Астрадамы вырос, а ума не вынес». Озорника – подростка аргановцы укоряли: «Астрадам большой! Как тебе не стыдно?» Астрадам – это, скорее всего, искажённая форма скандинавского личного имени Амстердам. Видимо, был среди ушкуйников детина богатырского роста, так что вошёл в поговорку. Пословицы, идиоматические выражения нередко живут столетия, и даже тысячелетия. «Незванный гость хуже татарина», «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день», «Дунай воевал» («Гости пришли, а у меня Дунай воевал – угостить нечем»). Воинственные славянские племена жили по Дунаю в незапамятные времена, ещё в начале нашей эры. А их всё ещё не забыли. Такова глубина народной памяти.

Стоять на волоку, то есть на торговом пути, дело выгодное. Арганово и Рубцово доминировали среди растущих, как грибы, сёл и деревень Верховажья. Но это положение продлилось недолго – лет сто. В XI веке в Европе вошли в моду собольи меха. Ближайшим ареалом обитания соболя была река Печора с притоками. Туда и устремились ушкуйники, сплавливались по Сухоне и Вычегде. Тогда же, видимо, были основаны Вологда и Тотьма как опорные пункты. По Сухоне и Двине заскользили не утлые ушкуи, а лады под парусами.

С переносом главного объекта интересов новгородцев с Ваги на Двину и Печору, старый, Верховажский волок потерял своё значение, был заброшен и забыт. Там, где была просека, пролегла торная, полевая дорога от Арганова к Рубцову. Сами деревни не только не исчезли с лица земли, но и продолжали расти и развиваться, надёжно укрытые лесами и болотами от нашествия чужеземцев.

От Арганова отпочковался куст деревень (всего четырнадцать), объединённых в Рубежскую волость. Все деревни стоят вдоль дороги. Названия деревень русские (кроме самого Арганова и Ескина) – Шишаково, Завраг, Коростелево, Зайцево, Волоково и другие.

От Рубцова пошёл куст деревень, входящих в Куракинскую волость Тотемского уезда. Деревни разбросаны на возвышенностях (горушках). Названия некоторых деревень явно восходят к именам их основателей из чуди заволочской: Куракино, Самылково, Пудково, Кушково, Голыгино, Нишма.

Очевидно, что Рубежская волость имеет славянские корни, а Куракинская (с Ескиным впридачу) возникла на месте бывших стойбищ чуди заволочской. Еска, Путка, Курак, Самык, Голыга – это всё имена чудинов – первопоселенцев здешних мест.

Даже столетия спустя, аргановцы (рубежаки) называли Куракинскую волость «диким семенжевым» (от названия р. Сямжена). К семенжакам относились с иронией, подтрунивали над ними, считали их «серыми». Даже во внешности и характерах у семенжаков были заметные отличия от рубежаков. Семенжаки были светлее, глаза бледно-голубого цвета. Финские гены переходили из поколения в поколение, хотя от чуди заволочской и следа не осталось.

Вот и закончилось наше путешествие вглубь тысячелетий. Знать историю родного края, чтить память своих предков – святой долг каждого, кто считает себя патриотом.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ **ВОСПОМИНАНИЯ МАРИИ ВАСИЛЬЕВНЫ** **ЦВЕТКОВОЙ (МУРАВЬЁВОЙ) 1879 (1880) г.р.**

Глава первая **Свадьба в деревне Арганово. 1895г.**

Колонизация северных территорий проходила в два этапа. Первыми сюда пришли, как говорилось выше, новгородцы. В конце XIII – начале XIV-го века поднялась вторая, более мощная волна переселенцев, вызванная татаро-монгольским нашествием. Простой люд из Ростово-Суздальской земли, спасаясь от ненавистного ига, уходил на север, в необозримые леса, недоступные коннице степняков.

Новоприбывающие русские люди селились в основном по долинам рек – Сухоне, Северной Двине, Кокшеньге, смешиваясь с уже обитавшими там новгородцами. Естественным образом смешались, переплелись и народные традиции, обычаи. Куст же деревень, примыкающих к Арганову и Рубцову, остался в стороне от главных направлений движения мигрантов. От Арганова до Тотьмы 90 км, до Сямжи – 40. И не чистым полем, а глухими, таёжными лесами и непроходимыми болотами. Две волости – Куракинская и Рубежская оказались отгороженными, образовался своего рода этнический заповедник, где сохранились вплоть до конца XIX века в традициях, а особенно в фольклоре, элементы, восходящие к временам Великого Новгорода.

Из всех народных обрядов у славян всегда стояла на первом месте свадьба. Женидьба (замужество) – главное событие в жизни крестьянина. От удачи или неудачи в браке зависела дальнейшая судьба человека. Вот почему таким поразительным богатством отличается фольклор русской народной свадьбы, сопровождаемой причетами невесты, величальными песнями в честь молодых, корильными песнями в адрес сватов и т.д.

В середине 70-х годов XX-го века в Тарногском районе Вологодской области работала научная экспедиция из Ленинграда. Учёные собрали богатый материал, обобщённый в монографии «Русская свадьба». (М., «Современник», 1985г.).

В середине 50-х годов XX века мне удалось полностью записать свадебный ритуал со слов моей бабушки по отцу,

коренной жительницы деревни Арганово Марии Васильевны Цветковой (в девичестве Муравьевой). Сравнение аргановского (новгородского) варианта с тарногским (ростово-суздальским) показывает, что первый из них заметно древнее, сохранил реалии Великого Новгорода, в чём мы убедимся далее.

Свадебный обряд в древнем Новгороде совершался в общих чертах одинаково и у крестьян-земледельцев, и у городских простолюдинов, и у верхушки общества – бояр. Об этом говорит тот факт, что в песнях и причетах аргановцев вперемешку упоминаются реалии как крестьянского быта, так и боярского. Курная изба с печью и кутью, дровни, осек, лапти и тяжевки (зипуны) – всё это из крестьянского быта. А рядом с этими реалиями – тысяцкий и бояре, золотые украшения и жемчуг в косе у невесты, полог в терему, каменные церкви и площади, цветные стекла на входных дверях боярских теремов. Витражные стекла доставлялись в Великий Новгород из далёкой Венеции торговым путем «Из варяг в греки», существовавшим с 9 по 12 века.

Ни в одной свадебной песне, пропетой аргановской причетницей Марией Васильевной Цветковой, жених не величается «князем», а невеста «княгиней», что характерно для свадебных обрядов в губерниях на территории бывшего Московского княжества. Это ещё одно свидетельство того, что аргановский свадебный обряд зародился в Новгородской республике, где не было княжеской власти.

В науке советского времени бытовало мнение, что русский фольклор имеет своим истоком исключительно трудовые народные массы, преимущественно – крестьянство. На самом деле песни, пословицы и поговорки складывались и в других слоях населения – в купеческой среде, в казацкой вольнице, да и многочисленная боярская челядь могла рождать таланты. Возьмём, к примеру, песню Марии Васильевны «Не ясён сокол вылетывал», аналогов которой нам не удалось обнаружить ни в одном сборнике устного народного творчества. Эта песня могла зародиться только в боярском тереме. Судите сами.

Не ясён сокол вылетывал.
Добрый молодец выезживал.
Он выезживал, поезживал,
Спрашивал, выпрашивал.
Тестева широка двора.
Да он и тещина терема,
Парасковьяна полога.
Пойди-выйди, Парасковья – душа,

Пойди-выйди, Ивановна.
За свои-то за белые ворота.
Уж мы станем с тобою играть,
Золотые шары метати.
Проигралась Парасковья — душа,
Проигралась Ивановна.
Проиграла волю батюшкову,
Проиграла негу матушкину.
Проиграла русу косу
Она со алой со ленточкой.
А проигрался Иван-господин.
А проигрался Михайлович.
Проиграл свой золотой перстенёк
Со правые рученьки.
Да со любимого перстенёка,
Со малого мизинчика.

Добрый молодец «выезживал-поезживал» не на крестьянских же дровнях, а верхом на коне. И сокол не зря упоминается. Соколиная охота — любимое занятие у русской знати в эпоху Средневековья. Ищет свою невесту герой песни не в крестьянской избе, а в тереме. Только там и были полога, отделявшие женскую половину дома. А золотой перстень не у боярского ли сына был на руке? Да и золочёные шары для игры в касло могла позволить себе только боярская знать.

В хоровой песне «Я в саду была» молодая жена застилает постель «бумажным» (белым) бельём, кладёт в изголовье парчовые подушки, укрывает мужа собольей шубой... Все эти реалии отнюдь не из крестьянского быта, а из боярского.

Цветкова (Муравьёва) Мария Васильевна родилась в деревне Арганово в 1879 (1880) году. Она была единственной дочерью рано овдовевшей матери-крестьянки. Опасаясь оставить дочь круглой сиротой, мамаша поспешила выдать её замуж в 16-летнем возрасте. Жених Степан Цветков был на десять лет старше невесты, пришёл из деревни Завраг «в зятья», то есть в примак.

Мария Васильевна была профессиональной причетницей (плакальщицей), её с пятнадцати лет приглашали на свадьбы исполнять положенные причеты, если невеста не умела этого делать. Мария Васильевна и в старости имела отменную память и воспроизвела весь аргановский свадебный обряд полностью. Свадьба же моей бабушки состоялась в 1895 году. По её словам, это была в их волости последняя свадьба, где был исполнен древний ритуал без всяких изъятий. Чем он и

ценен для этнографов и фольклористов. А теперь послушаем рассказ самой Марии Васильевны.

«Матка выдала меня замуж шестнадцати годков, а я три года потом ещё на себе не носила (то есть не было регул). Ни титек, ни задницы. Бывало, муж в поле, а я выну игрушки да сижу, играю. А Степан-то мой бабник был. Не любила я его, покойника, и теперь не люблю!»

Так говорила 70-летняя старушка, горестно махнув рукой и перекрестившись на иконы.

Порядок аргановской свадьбы

Сватовство

Свадьбы в Арганове играли в зимний мясоед – от Рождества и до Масленицы, время и сытное, и свободное от тяжёлых полевых работ. И до Великого поста надо успеть, ибо физическая близость в пост считалась грехом. Тут был и чисто крестьянский расчет: женщина, зачавшая ребенка ранней весной, могла участвовать в полевых работах в самую страдную пору – и рожь жать, и лён дёргать. Разreshалась от бремени она поздней осенью, когда уже и хлеб обмолочен – наставал роздых для крестьянки.

Свадебный ритуал начинался с засылки сватов в дом невесты. В Арганове было принято, чтобы сам жених принял участие в этом обряде. Парни знали всех невест наперечёт в своей округе. Ценили ту, у которой выряды больше, холстины. Заневестившуюся девушку называли «славницей». Невесту также выбирали по родству, следуя поговорке: «Корову выбирают по рогам, а девушку по родам». Если родители девушки были не в почёте, над ними подтрунивали, то такую девушку хорошие ребята в жены не брали. Иной раз такой девушке приходилось уезжать в Ярославль, чтобы не оставаться вековухой, и там выходить замуж.

Из ребят на славе были парни-одиночки, то есть один сын у родителей – делиться не надо. Таких особенно любили. Если в семье было несколько сыновей, то кто-нибудь из них уходил в зятья, то есть в примак. Парень знал о своей участи и заранее подыскивал такую девушку себе в невесты, чтобы у неё не было родных братьев. Вот так женился Степан Цветков из деревни Завраг на Марии Муравьёвой из Арганова – единственной дочери матери-вдовы.

Женихи тоже были известны, если только не из дальних краёв. Село – не город, молва бежит впереди человека. Ленивых да беспутных знали не только в своей волости, но и в соседних.

Таким свататься в хороший дом напрасно – получают от ворот поворот. Оставалось жениться только на бедной девушке или с каким-либо изъяном.

Итак, девка заневестилась, пришла пора замуж отдавать. Девка в доме – лишний рот, земельный надел на неё не полагался. Да невеста и сама знала: пора уходить из родительского дома, свою семью заводить. Да только страшно было девушке – не по любви ведь замуж шли, а по родительской воле. А ну как выдадут в дальнюю деревню, в большую, недружную семью, где свекровь с заловками будут поедом есть молодую. Потому и гадали на святках девушки «на женишка», пытаясь ворожбой выведать о своей грядущей судьбе.

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали
За ворота башмачок.
Сняв с ноги, кидали.

В Арганове было принято, чтобы свататься приезжали втроём – сам жених, мать его и сваха. Приедут на расписных, лёгких санях, лошадь сначала поставят под окнами. Зайдут все трое в избу, поздороваются, перекрестившись на иконы. Хозяева приглашают гостей проходить в избу. Те проходят и садятся так на лавку, чтобы половицы лежали вдоль между ног, а не поперёк. Примета была – сватовство удачливей будет. Магическое действие с намёком на половую щель.

Разговор с гостями начинали хозяева. «Далеко ли вы поехали? Далеко ли путь держите?» Сваха отвечает нараспев. «А приехали мы к вам, Иван Петрович и Катерина Семёновна. У вас есть товар, у нас купец. У вас невеста, а у нас женишок. Не можно ли новую родню завести?» Если родителям невесты «не глянется» жених или его мать, то ответ будет уклончивым – мол, невеста молода ещё, поищите в другом месте и т.д. А если жених пригож и слава о нём хорошая, то родители невесты отвечают согласием – «можно, можно».

Хозяин идёт на улицу и заводит лошадь гостей на сарай. Хозяйка же раздувает самовар, замешивает солomat (овсяная крупа на коровьем масле) и ставит его в печь – томиться, упревать. Гости разболакаются (раздеваются), садятся к столу. Невеста в это время скрывается в другой половине дома, в горнице, – выражается.

Но вот самовар готов, его ставят на стол, бутылку вина. Достают из печи солomat – он уже готов, его ставят в глиняной плошке. Тут появляется принаряженная невеста, кланяется

гостям, начинает их потчевать. Едят только сваты. В избу набиваются любопытные – всё больше невестины подружки. Стоят у порога и считают, сколько ложек соломата съест жених: если чётное число, то отдадут невесту, а нечётное – откажут. Иной жених шутник – нарочно быстро ест, ложка за ложкой, чтобы сбить девок со счёта. Хоть примета и пустая вроде бы, да лучше не рисковать.

Просватки

В договорной день родители невесты, её братья и сёстры запрягают лошадей и едут к жениху «смотреть место». Дома остаётся только невеста. Прибыв к жениху, коней ставят опять же под окнами. Если невестиной родне «место погленеться», тогда уж лошадей заведут на сарай, во двор.

Жених вместе со своими родителями водит гостей по всему дому, а те смотрят, хороша ли изба, много ли хлеба в сусеках и скотины во дворе. Если невестиным родным место понравилось, достаток есть, тогда родители с обеих сторон и жених уходят в горницу договариваться. А в избу опять набираются девки и народ. Отец невесты спрашивает жениха: «Что приданого нужно?» Тот отвечает: «Корова уж, как положено. И денег рублёв пятьдесят». Вместо коровы могут попросить хлеба пудов двадцать. Отец невесты и жених хлопнут по рукам друг друга. Сговорились, значит.

После рукобיתья и гости, и хозяева идут в избу. Народ кричит: «Запросватали! Запросватали!» Лошадей заводят во двор. Дают им корм, а сами садятся за стол – гостей начинают потчевать. Вино, пироги, закуска всякая... Ставят самовар. Гостей поят допьяна.

Отгостившись, невестина родня уезжает домой. Жених завязывает в платок пряников, а его мать кладёт пирог и узел с гостинцами передают в руки матери невесты. Приехав домой, мать кладёт узелок дочери-невесте на голову. Та отбросит узел в сторону и заплачет. Мать с отцом начинают дочь уговаривать: «Жених хороший, место хорошее – живут в достатке». А в избу уж народ набьётся: «Запросватали! Запросватали!» Невеста успокоится, оправится и пряники раздаст народу.

На другой день жених один приезжает к невесте в дом. Девки опять сбегутся. Мать обнесёт жениха с невестой три раза иконой. После этого отец невесты с женихом едут в церковь и сговариваются с попом, на какой день свадьбу назначить. Вернувшись от попа, жених договаривается с родителями невесты, в какой день ему приехать с пряниками. После того уезжает домой в свою деревню.

Между поездкой к попу и свадьбой обычно проходили две недели. Обе стороны — женихова и невестина готовились к торжеству; варили пиво, покупали вино, резали скот... Невеста же каждый день — утром и вечером, одевшись потеплей, идёт в нежировую половину избы, садится у раскрытого окошка и причитает. Плачет о своей горькой доле. Народ сходится под окнами послушать причеты. Если жених из своей деревни, то приходит и не даёт причитать, отговаривает.

В назначенный день приезжает жених с матерью и сестрой. Везут с собой пирог. Гостей усаживают за стол. Ставят самовар, вино, закуски... Потчуют гостей. В избы опять набегут девки. Жених просит тарелку. Невеста приносит её и ставит на стол перед ним. Жених насыпает полную тарелку пряников, кладёт сверху новый головной платок и подаёт невесте, обращаясь к ней по имени-отчеству. Та берёт тарелку, кланяется и уносит в куть. Пряники высыпает, а на тарелку положит заранее сшитый кисет для табака — атласный или кашемировый с шёлковыми завязками. С этой тарелкой невеста возвращается, кланяется жениху и говорит ему: «Иван Николаевич, примите от меня подарок!» Тот принимает, благодарит невесту.

После этого мать или сестра жениха кладут на тарелку пирог и отдают невесте. Та уносит пирог в куть, а на тарелку кладет новое, расшитое полотенце. Отдав подарок матери жениха или его сестре. Невеста продолжает потчевать гостей. Посидев за столом, жених, мать и сестра его, поднимаются, благодарят за угощение и уезжают, договорившись о просватках. Но можно и не договариваться — просватки всегда бывают накануне свадьбы.

Девичник

Накануне свадьбы утром вся невестина родня уезжает в гости к жениху на просватки, где их будут поить вином и потчевать. Дома остаются невеста со своей матерью. Приходят девушки, подруги невесты — пьют чай, едят пироги. Иногда и вина им дают немного. Потом начинают выражать невесту в самое лучшее платье, её лицо закроют фатой. На плечи и спину навешают шёлковые платки — «домоседки». Поверх фаты шляпку оденут всю в бумажных цветах. Невесту выряжают, а она плачет. Мать стоит у печки, а невеста у стола. Нарядили невесту, две подружки подхватывают её под руки и подводят к матери. Невеста начинает причитать.

Посмотри-ка ты, матушка,
На меня молодешеньку (сиротиночку),
Каково нарядилась.
Я не белилась, не мазалась,
В зеркальцо не смотрелась,
Не сама выражалась.
Выряжали подруженьки,
Наложили подруженьки
Мою дивью красоту
На мою буйну голову
Поверх святых волосов.

Затем подружки ведут невесту на улицу. Там она причитает, прощается с родными местами – с речкой, с качелями, с околицей деревни, где молодёжь летом собиралась на гулянки. Невесту водят по деревне закрытую фатой. Вернувшись в дом, невесту разряжают и все выряды завязывают в большой платок. Узел кладут на стол. Невеста ходит вокруг стола. Причитает, хлопает руками о стол. Ей подкладывают узел, а она отбрасывает его в сторону. Затем узел развяжут, невеста берёт что-нибудь из своей «красоты», отдаёт подружкам и причитает. После этого «красоту» собирают, завяжут в платок и невеста отдаёт узел своей сестре или кому-нибудь из близких. Девки начинают кормить обедом – мясными щами, холодцом, пирогами... Поят чаем. Угощает невеста, но сама не ест.

Тут возвращается невестина родня. Невесту сажают за стол, девки тоже с ней и все начинают причитать. Каждого гостя (только из родных) подзывают к столу и он должен давать девкам денег. Родня разъезжается по домам, а тех, что остаются ночевать, покрывают. Девки сидят до вечера, беседуют. Когда подруги уйдут, невеста помоеется в бане и ложится спать.

День свадьбы

Утром съезжается родня невесты, их накормят. Приходят девки и без невесты идут по деревне, останавливаются под окнами каждого дома, поют и зовут хозяев в гости на свадьбу. Потом возвращаются к невесте. Та стоит в дверях, встречает подружек с причитаниями, ведёт их в избу, где будет кормить. Опять самовар, пироги, закуски... Поели девки, невесту усадили за стол. Сами вокруг неё. Все ждут поезд жениха. Как только крикнут, что поезд едет, все девки выскочат с песнями на улицу, а невеста остаётся с причитальницей.

Поезжане – вся женихова родня приезжают на четырех-пяти лошадях. Жених на тройке. Обрать крашенная. В гриву коня вплетены яркие ленты, также и к сбруе привязаны. А порядок (чин) женихова поезда такой.

1. Дружка или старший боярин с чинами (подарками) – обувью, притираниями, мазильцами-белильцами и другими подарками для невесты, с пряниками и орехами для невестиных подружек.

2. Большие бояре с благословенными образами жениха.

3. Сам жених с тысяцким, то есть с посаженным отцом, каковым обычно бывает крёстный отец.

4. Свахи.

5. Лагунные бояре – двое, едущие в конце поезда с лагуном пива или ведром водки, чем и угощают встречных, чтобы те не бросили на поезд недобрый взгляд.

Девки стоят на мосту (в сенях) и жениха с поездом в избу не пускают, пока не перепойют все положенные песни. Потом двери распахнут, девки бросятся в избу и усядутся вокруг невесты. Та плачет. Жених, свахи и все поезжане стоят у дверей. А девки поют, чтобы жених одарил их. Тот сначала даёт денег – если мало покажется девкам, то и добавит. Потом девки запоют, запросят пряников. Жених даёт им пряников, а сваха – пирог. Девки опять поют, просят поклона. Жених со всеми поезжанами подойдут к столу и поклонятся девкам.

Пряники жених первой даёт невесте. Та встанет, поднимется на лавку и уже не плача, но с причитаниями с пряниками уйдет в куть. Как только жених поклонится девкам, те вскакивают и волокут стол. Дружка стол хватает, держит. Девки убегают на улицу и в какой-нибудь избе разделят между собой подарки.

Невестина родня съезжается ещё утром, её покормят. А теперь за стол усаживают и потчуют женихову родню. Как только поезд уселся за стол, жених наливает стакан вина, дружка накрывает стакан носовым платком и несёт невесте на кухню. Это «подарок от жениха». Невеста вино выпивает, а пустой стакан накроет полотенцем и отдаст дружке. Тот кладёт полотенце в карман и возвращается назад. Две подружки и причитальница ведут невесту в другую избу или в горницу выражать. Поезжан потчуют. А когда накормят и скажут причитальнице, что всё готово, две подружки вместе с причитальницей поведут невесту в избу. Двери распахнулись, невеста начинает причитать, её ведут к столу, она ходит вокруг и причитает.

Все поезжане вместе с женихом вылезают из-за стола. Дружка усаживает невесту за стол, а там уже сидит её

двоюродный брат. Невеста причитает дружке и брату. Все бабы плачут. Жених подает брату невесты стакан вина, тот отдает стакан назад. Жених опять подносит. В третий раз брат-просватанник вино принимает, немного отопьёт из стакана, а остатки выплеснет на народ – «пропил невесту». Просватанник вылезает из-за стола, а жених и весь поезд садятся. Подходит мать невесты, берет за руки жениха и невесту – «сдала с рук». Девки, вернувшиеся с дележа подарков, поют песни.

Поезд встаёт, девки поют. Жених берёт за руку невесту и ведёт к своим лошадям. Сам сядет в санки, а вожжи отбросит в сторону. Невеста обойдет весь поезд, поднимет вожжи и с поклоном отдаст жениху. И так три раза. А девки всё поют.

Потом невеста идёт к своим саям. Там уже сидят две свахи из её родни. Вся забота этих свах – угощать гостей. Матери и жениха, и невесты никуда из своих домов не ездят в день свадьбы. Поезд трогается и едет в церковь к венцу.

Порядок (чин) поезда невесты.

1. Дружка.
2. Бояре с благословенными иконами.
3. Жених с тысяцким.
4. Особо сваха жениха.
5. Невеста со свахами (родными тетками).
6. Постельные бояре с приданым невесты.
7. Лагунные бояре.

Подъехав к церкви, вся родня входит в неё. Жених слезает с саней, берёт невесту за руку и ведёт в церковь, где и встают оба на правой стороне. Батюшка приносит аналой, Евангелие, крест. Дьякон положит на аналой венцы. Свахи стоят сзади жениха и невесты. Если венцы велики, свахи сзади подкладывают платки. Под ногами у жениха с невестой аршин холста. Поп спрашивает у обоих «Не обещал ли с кем?» – Нет, не обещал (а). Тогда свахи расплетут невесте косу. На головы брачующимся наденут венцы, им переменяют кольца и поведут вокруг аналая. Хор поёт, поп читает молитвы. Так три раза обведут вокруг аналая и поставят жениха с невестой на прежнее место – дадут целовать крест и Евангелие, вина церковного пригубить дадут. Потом батька говорит: «Целуйтесь!» Жених с невестой целуются три раза. На этом венчание заканчивается.

Выйдя из церкви, жених с невестой садились в одни сани, жениховы. С ними был только возчик. Дружка возил в церковь иконы и жениха, и невесты. Перед отъездом в церковь он трижды обходил поезд с этими иконами. Итак, поезд едет в дом жениха. Там всех сажают за стол, потчуют. Заранее, до

венчания в избе сделают полочку для икон над тем местом, где будут сидеть жених с невестой. Дружка, как войдет в избу, ставит иконы на эту полочку в переднем углу. Мать и отец жениха встречают гостей. Отец подаёт каравай хлеба жениху (сыну), а мать подаёт невесте пироги. Все проходят и садятся за стол. Девки запоют. Когда молодые идут к столу, одна из женщин метёт перед ними метлой, чтобы не было порчи какой-нибудь. Хлеб с пирогами кладут на стол и все садятся, гостей потчуют. Сначала несут студень, вино, пиво, пирогов целые столы. Гости выпивают, закусывают. Потом несут суп мясной, потом кашу яшную, потом пшённую, потом масло, мёд, говядину жареную, рыбные пироги – их обмакивают в растопленное масло. Самовар уже кипит, на подносе несут чашки – все пьют чай. А девки поют – те, что из жениховой деревни.

Эти девки заранее изготовили чучело зайца, разукрасили его лентами, бусами, брошками... Чучело ставят на поднос и с песнями подходят к жениху, просят оценить зайчика. И так к каждому гостю. Обойдут весь поезд и уйдут в какую-нибудь избу делить деньги.

Попируют, дружка со сватьями сведут жениха с невестой на покой. Дружка всё время ухаживает за молодыми. Девки песни поют и дружке, и тысяцкому – крёстному отцу жениха. Ребятишки, забравшись на печь, поют дружке: «Дружка-Петрушка, косые глаза на полицу глядят, они кашу хотят, каша быша, каша выхлебана». Дружка кинет ребятам пирога. Свахе поют: «Сваха-ломаха, худая рубаха». И сваха кидает пирога на печь. Тысяцкому поют: «Тысяцкий – неумоя, слазь в п.у, умойся».

Попоют, попляшут гости на свадьбе и разъезжаются по домам. На другой день молодые и вся их родня едут в деревню в дом невесты – на «хлибины». Там опять гуляют и разъезжаются, наконец, по домам.

Свадебные песни

Девки ходят по деревне, зовут народ на свадьбу. «Мы пойдёмте-ка подруженьки, на широкую улицу». Перед каждым домом поют.

Как ещё лебедь белая,
Как ещё лебедь белая,
Парасковья Ивановна,
В гости жалуй, голубушка.

А ещё лебедь белая,
Катерина Михайловна.

И так стоят посреди улицы, вызывают хозяек из каждой
избы.

Когда приезжает поезд жениха, то на улице поют.

Не ясен сокол вылетывал.
Добрый молодец выезживал
Он выезживал, поезживал,
Спрашивал, выпрашивал.
Тестева широка двора.
Да он и тещина терема,
Парасковьяна полога.
Пойди-выйди, Парасковья – душа,
Пойди-выйди, Ивановна.
За свои-то за белые ворота.
Уж мы станем с тобою играти,
Золотые шары метати.
Проигралась Парасковья – душа,
Проигралась Ивановна.
Проиграла волю батюшкову,
Проиграла негу матушкину.
Проиграла русу косу
Она со алой со ленточкой.
А проигрался Иван-господин.
А проигрался Михайлович.
Проиграл свой золотой перстенёк
Со правые рученьки.
Да со любимого перстенька,
Со малого мизинчика.

В сенях поют такую песню.

Вьют на воде, вьют на воде
Извивается, извивается.
Иван у ворот, Иван у ворот
Убивается, убивается.
Подайте моё, подайте моё,
Моё суженое, моё ряженое.
Запопрученное, запросатанное.
Вывели ему доброго коня,
Вывели ему доброго коня.
Это не моё, это не моё

И не суженое, и не ряженное,
Незапорученное, незапросватанное.
Вьюн на воде, вьюн на воде
Извивается, извивается.
Иван у ворот, Иван у ворот
Убивается, убивается.
Подайте моё, подайте моё,
Моё суженое, моё ряженное,
Запорученное, запросватанное.
Вынесли ему, вынесли ему
Стопу пирогов, всё и репников.
Это не моё, это не моё.
И не суженое, и не ряженное.
Незапорученное, незапросватанное.
Вьюн на воде, вьюн на воде
Извивается, извивается.
Иван у ворот, Иван у ворот
Убивается, убивается.
Подайте моё, подайте моё.
Моё суженое, моё ряженное.
Запорученное, запросватанное.
Вывели ему, вывели ему
Парасковью – душу да Ивановну.
Вот это моё, вот это моё.
Моё суженое, моё ряженное,
Запорученное, запросватанное.

В избе поют.

У Ивана-то хоромы высоки,
Сзади, спереди подпушенные.
На дворе-то скобы точеные,
Вереюшки позолоченные.
Ворота-то из венецкого стекла.
Подворотня-то серебряная.
Подворотня-то на камушках лежит.
Из-под камушка быстра речка бежит.
А по речушке судёнышко плывет.
На суденышке-то семь человек.
А восьмой-то винокур вино курил,
А девятый водонос воду носил.
А десятый удалой молодец,
Михаил-то Константинович.

Когда девки сядут за стол, а невеста уйдет в куть, поют.

Поприсядем-ка, подруженьки.
В светлое подоконнице.
Старого да поплотнее.
Прежнего да покрепче.
Нам милая-то подруженька
Она коналась да кучилась –
Не отдавайте, подруженьки,
Светлого полокошечка
За бесценки великие.
Обложите, подруженьки,
Светлое подокошечко
Дорогим-то недорого,
Дешёвым-то недешево.
Во четыре во тысячи.
Токо дорого кажется.
Мы и во три во тысячи.
Токо дорого кажется.
Мы и во две во тысячи.
Токо дорого кажется.
Во едину во тысячу.
Токо дорого кажется.
Да мы во рубль-то серебряный
Не уступим, подруженьки,
Ниже рубля-то серебряного.

Если девкам покажется, что дали им мало денег, они
поют.

Что вы долго выражались.
Да разве в лапти обувались?
В тяжевки оболокались?
А ты возьми, чужой-чуженок,
Да ты возьми кузовенчку,
Да обойди деревенечку
Со своим-то княжим поездом.
Да заплати, чужой-чуженок,
За изьяны великие.
Из-за тебя, чужой-чуженок.
Все белильца избилили,
Все мазильца измазали.
Зеркальца все приломали.

Тут все девки встанут на ноги и поглядывают в окошко.

Поглядите, подруженьки,
Да на широкую улицу.

На широкой-то улице
Торгованы наехали
С белильцами да мазильцами,
Да с зеркалами хрустальными.

Жених подойдёт и ещё денег даёт. Девки запоют.

Не пойдёте, подруженьки,
Мы без сладких-то пряников.

Жених даёт пряников. А девки поют.

Не пойдёте, подруженьки,
Мы без хлеба-то белого.

Жених подаст пирог. Девки поют.

Не пойдёте, подруженьки,
Да без поклона, без низкого
Подойдёт чужой-чуженек
Со своим княжим поездом,
Подойдёт да поклонится.

Жених со всем своим княжим поездом подходит к столу
и кланяются девкам. Те убегают на улицу.

Когда мать сдаёт за столом с рук свою дочь, девки
поют.

Что на столиках
Не чашечки бренчат,
Не стаканцы выговаривают
Парасковья ходит по терему.
Она белится, румянится,
У Ивана в гости просится.
Ты Иванушка – батюшка,
Отпусти меня к матушкѣ.
Дорогая, честна гостенька,
Посиди-ка у меня в терему.
Погляди-ка на меня, на молодца,
На Ивана Васильевича.

Когда пора ехать к венцу, девки выходят на улицу и поют.

Потяните-ка, буйны ветры
Ой, со все четыре стороны.

Ой, вереи-то пошатилися,
А пелички-то повалилися.
Воротечка отворилися.
Ой, вона едет разоритель мой,
Вона едет погубитель мой.
Вона едет расплести коса,
Вона едет потеряй краса.

Добрый молодец ответ держит,
Што не я же разоритель твой,
Што не я же погубитель твой.
Што не я же расплести коса,
Што не я же потеряй краса.
Разоритель твой — батюшка,
А погубительница — матушка,
Расплести-то коса — сватьюшка,
Потерять-то краса — друженька.

Другую песню поют девки.

Не по горенке не клубочек катався.
Ой, катався, ой катався, ой катався.
Што Ивано-т жениться собирався.
Ой собирався, ой собирався, ой собирався.
Ему матушка головушку чесала.
Ой чесала, ой чесала, ой чесала.
Расчесывала кудри да завивала.
Ой завивала, ой завивала, ой завивала.
Ты пойдешь, Иванушка, жениться.
Ой жениться, ой жениться, ой жениться.
Тебе станут девки песни пети.
Песни пети, песни пети, песни пети.
Припевочки да припевати.
Припевати, припевати, припевати.
Да и Анну-душу вспоминати,
Вспоминати, вспоминати, вспоминати
Андреевной величати.
Величати, величати, величати.

В доме жениха.

Кода гости приедут после венца и сядут за стол, девки
(из жениховой деревни) запоют.

Не трубонька трубила рано поутру.
Парасковьюшка плакала жалко о косе.

Кто у тебя, Парасковьюшка, косыньку плёл?
Поутру ранёхонько матушка плела.
Вечером позднёшенько подруженьки
Плели-уплетали косу всю золоту.
Вили-увивали косу всю жемчугом.
Золото оборвали, жемчуг обруснули.
На пол покидали, ногами притоптали.
Разделили косоньку на шесть долей.
Присватался к Парасковьюшке в женишки
Во судьи, во судьи Иван-господин.
Во судьи, во судьи Васильевич.
Егорий-то идет со милостью.
А Микола-то идет со радостью.
А Иванушка едет со жаластью,
Со жалостью, да с Парасковьюшкой.

Вторую песню поют.

Свечки топеться, притаивают.
А дружки к постеленьки припадывают
Кумушки, спите! Голубушки, спите!
Мне же, молодешеньке, вся ночька не спится.
Вся ночька не спать, господина своё ждять
Ой, света Ивана Васильевича.
Поманю малёшенько – стук у окна,
Стук у окна, у косерчатого.
Брал за кольцо, за серебряное.
Брала Парасковьюшка таяну свичку,
Пошла Парасковьюшка Ивана встречати
Где ты, Иванушка, был-спобывал?
Был я у тестя, у ласкового.
Был я у тещи, у совестливой.
Был я у шурьев, у ясных соколов.
Был я у сестёр, у белых лебедей.
Тесть-то дарил меня стояным конем.
Тесть-то дарил меня стояным конем.
Ой, теща дарила шаньгой да блинами.
Ой, теща дарила шаньгой да блинами.
Ой, шурьи дарили меня пивом да вином.
Ой, шурьи дарили меня пивом да вином.
А сёстры дарили меня ширинкою.
А сёстры дарили меня ширинкою.

Третью песню девки поют.

На крылосе книги лежали.
Лежали, лежали, пролеживали.
Некому книги читати,
Читати, читати, прочитати.
Иванушки в доме не случилось.
Васильевича не прилучилось.
У тестя в гостях пирует.
У тещи в гостях столует.
За дубовыми столами,
За бранными скатертями.
Теща ему да наказывает.
Придешь домой, не ломайся.
У нас Парасковья молоденька.
Васильевна да удаленька.
За столиками-то не бывала,
Винца-пивца не пивала.
У винные чары не стояла.
Тебя, молодца, не величала.
Поклонами да не дарила.

Четвёртую песню поют.

Я во горенке долго спала, долго спала.
Много сну видела, видела.
Как быть у нас во широком дворе
Ходит сын павин со павошкую.
Выронили перьяца золотые.
Выросла травушка шелковая.
Выросла травушка шелковая.
Расцвели цветики лазоревые.
Я тебе, Парасковьюшка, сон рассужу,
Сон рассужу, словесно расскажу.
Как быть у нас на широком дворе
Ходит сын павин – я у тебя.
Сизая павушка – ты у меня.
Выронили перьяцы – дити у нас.
Выросла травонька – люди при нас.
Расцвели цветы – мы с тобой
Мы с тобой, Парасковьюшка!

Песню свату поют, когда по невесту приедут.

Расшаталася вербица,
Расплакалася девица

Стоючи перед батюшкой,
Плакучи перед матушкой.
Уж ты батюшка – батюшка,
И родимая матушка,
Это дело не делайте,
Меня взамуж не давайте
Уж ты дитятко – дитятко.
У нас всё дело сделано,
По рукам всё ударено.
И дарами задарено.
Что ходил перелёстный сват
По полям, по заполицам,
Улицам по заповенницам,
По собачьим тропиночкам,
По свинячьим лазеечкам.
Не узнал перелёстный сват.
Подоконного окошечка.
Колотился перелёстный сват
У кутнего окошечка
Дай боже, господи,
Свату перелёстному
На дворе заблудиться.
Трем столбам поклониться.
На печи, на печном столбе
Киселём подавиться.
Молоком захлебнуться.
Через напыльник свалиться,
На ухват наколотися
И во шах обвариться.
Дай боже, господи,
Свату перелёстному
Сорок дочерей, пятьдесят сыновей.
Сыновей ему не жанивать,
И дочерей не отдавывать.
Сыновей хоть и жанивать –
На Наташках, на Варишпах.
Дочерей-то отдавывать –
За солдатов, за рекрутов.
Дай боже, господи,
Свату перелёстному
Чтобы пашенька не пахалася.
Всё кобыла вылялася.
В борозду закаталася
Дай боже, господи,
Свату перелёстному

Три чирья в бороду,
А четвёртый на горлышко
Вместо красного солнышка.
Красное-то солнышко
Взойдёт и закатится.
А у свата-то чирей
Взорвёт да провалится.
Я возьму свата за ворот,
Поведу свата за двери,
Повалю свата на дровни,
Повезу свата за осек
Вороньям на слетаньце,
Собакам на сбеганьце,
А вовкам на съеданьце.

Каждому из гостей на свадьбе поют песню, когда девки подходят с зайчиком (или с ёлочкой, как в Рубцове) в доме у жениха.

У Иванушки-то во поезде
Есть детинушка хорошенький,
Алексанушка пригоженький.
У него головка гладенька,
Да у него лицо беленько.
У него брови чёрненькие,
У него глаза весёленькие.
Он горазд, горазд девкам говорить,
Он горазд, горазд девушкам дарить.
Не рублём, не полтиною,
А серебряной гривною.

Вторую песню поют.

Нам сказали, что Иван не богат.
Нам сказали, что Иван не богат,
Он богат, богат да денежем.
Он рублями-то мосты мостил,
Трехрублевыми-то крышу крыл,
А пятерки в окошко бросал.
Ах вы, сашки-ломашки мои,
Разменяйте-ка бумажки мои.
А бумажки-то всё новенькие,
Двадцатипятирублёвенькие.

Свадебные причёты

Когда жених и отец невесты придут домой от попа, с которым договорятся о дне венчания, невеста причитает.

Благослови Христос истинный
На сегодняшний белый день.
Я спала, высыпалася
На мягкой, на постеленьке,
На высоком взголовьице,
Под тёплым одеялышком
У родимая матушки.
Подходила ко мне матушка,
Правой ручкой побужаючи,
А левой всё укрываючи.
Ты поспи-поспи дитятко,
Поспи, дочи любимая.
Ты пока, моё дитятко.
На моих, на белых руках.
Я учесала головушку,
Уплела русу косу,
Вплела шелкову ленточку,
Что каталась руса коса
С плечика да на плечико.
С левого да на правое.
Прикатилась руса коса
Да ко сердцу, ко ретивому,
Ко лицу-то бумажному
Вместо камешка серого.
Пораздам свой зычен голос
По деревне, по городу,
По избам да по теремам,
По милым-то подружкам,
По соседкам-голубушкам.
Вы придите, подруженьки,
Ко мне сиротиночке
На горё да на кручину,
На печаль, на великую.
Велико горе слушати,
Горячи слёзы роните.
Да ещё пораздам
Свой зычён голос
Да по путе, по дороженьке
Ко новой, ко божьей церкви,
Ко Егорию милостивому,

К Офонасью великому.
На ограду, на каменну,
На площадь, на печальную.
Во мать, во сыру землю.
Да во родимого батюшку.
Да это дай боже, господи,
Всё бы ветру да вихорю
Да разнесло, да развеяло
Эту гору высокую.
Это дай боже, господи,
Грובה доска открылася,
Сдуло бело полотенечко
Да со родимого батюшки.
Да ты, родимый мой батюшко,
Перексти лицо белое,
Да воспромолви словеченько
Да со мной, сиротиночкой.
Да ты пойдем, родной батюшко,
Да ко мне, сиротиночке.
На горё да на кручину,
На печаль, на великую.
Да ты сними, родной батюшка,
Со родимые матушки
Всю и волю, и большину.
Дай, родной батюшка.
Походить да погуляти,
Да во душах — красных девицах
Со милыми подружками.
Да отдаёт меня матушка
Молодым молодешеньку.
Да у меня, у сироточки
Ручки, ножки тонёхоньки,
В плечах силы малёхонько.
Призакрыла мне матушка
Много свету-то белого,
Укоротила матушка
Много веку-то долгово.

Когда девки водят невесту по деревне, она прощается.

С речкой

Ты прощай, прощай, дивера.
Прощай, Войдуш красивенький.
Как до сюд да доселева

Мы ходили да гуляли
Со милыми подружками.

С качелями

Ты прощай, прощай, дивера,
Прощай, качуля красивая.
Как до сюд да доселева
Мы ходили да гуляли
Со милыми подружками.

Пришли в избу, невеста причитает

Встречай-ка, моя матушка,
Ты меня, сиротиночку.
Я веду к тебе, матушка,
Много дорогих гостей.
Под правой-то рученькой
Родимого батюшку,
А под левой-то рученькой
Жалостливого братевка.
Собирай-ка ты, матушка.
На столы, на дубовые,
Стели скатерти бранные
Неси ести сахарные.
Пива-то пьяного
Вина-то зелёного.
Посади, моя матушка,
Ты моих дорогих гостей
В сутки всё под окошечко.
Да почитай, моя матушка.
Ты моих дорогих гостей,
Уж и пивом-то пьяным,
И вином-то зелёным,
И хлебом-то белым.
Извини, моя матушка,
Ты меня, сиротиночку.
Обманула сироточка
Я родимую матушку.
Ты подумай-ка, матушка:
Из ордов люди выходят,
Из тюрем выкупаются.
А со того света белого
Нет ни вестки, ни грамотки
Ни низка челобитьца.

Когда невеста ходит вокруг стола, то причитает.

Пораздайтесь, добры люди,
Все и гости, и гостеньки,
Мои милые подруженьки.
Дайте мне, сиротиночке,
Походить да погуляти
Во душах – красных девицах,
Вкруг стола-то дубового,
Я возьму свою красоту
На свои руки белые,
Да и оболью свою красоту
Я слезами горячими.

Когда дивью красоту развяжут, невеста причитает

Пораздайтесь, подруженьки,
Дайте мне, сиротиночке,
Пройти до светлого, до окошечка,
Я несу, сиротиночка,
Свою дивью-то красоту.

Подошла к окну, положила что-нибудь из своей дивьей красоты.

Хотела дивья красота
Вспорхнуть да улитите,
Меня младу оставить.
Хорошо, сиротиночка,
За часок ухватилася.

Положив на стол красоту, раздаёт уборы подружкам.

Я возьму, сиротиночка,
Свою дивью-то красоту
Да уж сдам, сиротиночка,
Свою дивью-то красоту
Своей милой-то подруженьке
Катерине Димитровне.

Подружка принимает красоту и отдаёт кому-нибудь, обнимает невесту и запричитает.

Тебе спасибо да спасибо,
Моя милая подруженька.

На твоей дивьей красоте.
Буду носить, молодешенька,
Да я твою-то дивью красоту
Я ко новой, ко божьей церкви.
Да я стояла, подруженька,
Посередь церкви божественной,
Во твоей дивьей красоте.
Как твоя дивья красота
Невесела да нерадостна
Без тебя, сиротиночки,
Крылышка опустилися,
Пёрышка обвалилися
У твоей дивьей красоты.

И так невеста раздает красоту подружкам, потом вещи
опять соберут в кошель и невеста отдаст узел двоюродной
сестре или кому-то из родственников.

Когда родня невесты возвращается с просваток, девки
подгаркивают каждого гостя к столу.

Мне ещё дайте на очи
Мlade очи увидите
Родимого батюшки.
Подойди-ка ты, батюшка,
Ты ко мне, молодёшеньке,
Да подари-ка ты, батюшка,
Ты меня, молодёшеньку.

И так подзывают всю родню, бедко (жалостливо),
называя то «братевко», то ещё как.

Утром свадебного дня, когда девки придут с улицы, то
невеста причитает.

Вы, милые подружки,
Куда ходили да гуляли
Без меня, сиротиночки.

Невеста сажает подружек за стол, одна из них ложится
грудью на стол и причитает.

Ты, милая подруженька,
Мы ходили да гуляли
Всё из светлые светлицы,
Из столовые горницы

На мосты, на калиновы.
На переводы малиновы,
На широкую улицу.
Да по пути, по дороженьке
Да ко новой, ко божьей церкви,
Да к Офонасью великому.
Да привернули подруженьки
Мы во твой, во зелёный сад.
В саде всё не по-старому,
В саде всё не по-прежнему.
Не цветут там цветочки,
Не шумят ветерочки.
И не текут ручейчики.
Твоя яблонь кужлявая
Не весела да нерадостна.
Крылышка опустилися,
Пёрышка обвалилися.
С корешка стала сохнути,
А со вершинушки вянути
Без тебя, молодешеньки.

Когда невесту привезут в избу наряженную, перед венчанием, она причитает.

Ох ты мне да тошнёхонько.
Это всё-то не уехали.
Уж как мне, сиротиночке
Так и ходити, не обходиться,
И сидеть, не отсидиться.

Пройдет ко столу, причитает.

Пораздайтесь, добрые люди,
Вы и гости, и гостеньки,
И милые подруженьки.
Дайте мне, сиротиночке,
Походить да погуляти
При последнем, при времени
Да во душах — красных девицах.

Плачет невеста, рыдает, заливается слезами, а дружка сажает её за стол. Невеста ему.

Уж ты друженька княжая,
Княжая да нанятая.

Что ко мне приступаешься.
У меня, сиротиночки,
Не ты, дружка княжая,
Выпоил да и выкормил
Да ты меня, сиротиночку.
Выпоила меня матушка
Без родимого батюшки.

Все в избе навзрыд плачут. Невеста садится за стол.
За столом сидит её двоюродный брат. Она причитает ему.

Ты свети-ка светлый месяц
Во все три окошечка.
Дай мне пройти, сиротиночке
За столы, за дубовые.
Да к двоюродному братевку.

Прошла, обняла его и запричитала.

Двоюродный мой братевко,
Я об чём тебе побью челом,
Да об чём поконаюсь.
Не пропей меня, братевка,
Да ты чужому чуженину.
Да ты постой-ка, мой братевка,
За меня, сиротиночку
Горою высокою,
Стеною белокаменной
Вместо родимого батюшки.
Как бы был у меня батюшка,
Не эдак бы дело шло,
Не эдак бы и диялось.

Все в избе плачут. Брат плачет навзрыд, вырывается:
«Пусти, Марийка! Руку пусти!» А жених стоит со стаканом
вина. Напомним: Мария Васильевна Муравьёва выросла без
отца.

После венчания причетов уже не было.

Глава вторая Будни и праздники аргановских крестьян

Как одевались, обувались

Верхняя, зимняя одежда (оболочка): шубняк, шуба, тулуп, полушубок, тяжевки (зипун). На ногах катанки (валенки). Сапоги-кожаники. Сапоги шил швец, брал за работу до двух рублей. Валенки изготавливали, катали. Работали по двое, приходили в деревню, как снег выпадет. Останавливались у кого-нибудь в избе — недели на две. На чунках (санках) привозили с собой лучок да решётку, а ещё колодки. Лучок — это длинная струна из сыромятной кожи с палкой на одном конце. Другой конец к стене прибивался. Решётка сделана из дранки. Решётку расстелют, положат на неё овечью шерсть, пересыпанную ржаной мукой, берутся за струну и бьют по ней деревянной лопаткой — тяпкой. Струна звенит так, что далеко слышно, весёлая музыка. Один аргановский мужик и плясал под неё. Налипает хорошая шерсть на струну, её состригают ножницами, а мука с отбивками шерсти сыплется сквозь решётку. На мужицкие катанки надо четыре фунта шерсти, на женские — три с половиной.

На другой день хорошую шерсть выкладывают на столе и накатают в скатерти. На следующий день наливают в кадку воды, бросают в неё горячие камни из топящейся печи, опускают войлок в кипятки и варят. Вываренный войлок вынимают и катают на низком, наклонном столике, суют колодки, опаливают и кладут в вытопленную печь сушить. Утром вынули из печи, колодки вытащили, пенкой (камень-брусом) валенки трут, чтобы они не были хохлатыми.

За день катали успевали сделать только одну пару валенок. Брала такую цену: за маленькие — полтора рубля, за большие — два или три рубля. Или же с одного фунта шерсти пять фунтов хлеба.

Полусапожки с короткими голенищами застегивались на пуговицы — это праздничная женская обувь. Башмаки — это вроде нынешних тапочек. Ни чулок, ни носок не носили. Богатые носили чёрные чулки и больше никаких. Если только кто из городских приедет, пофорсит. Летом все босиком — и бабы, и девки. Даже мужики часто, и в воскресенье даже все босиком.

Летом носили на работу троешовчик из синей холстины — талия, а внизу клинья, на подкладочке из холстины потолще, до колен длиной. Балахончик из шерсти. Сами нарядут из серой шерсти — тоже до колен. Подкладка только кругом спины и под рукавами из холстины. Балахончик из сукманины

(пряденая шерсть). Тоже сборками кругом, у шубняка. Сарафан домотканый, из холстины ниже колен, в полоску или в клетку, всякими нитками. Нитки сами красили – краску в магазинчике покупали. Сарафан на лямочках. Пальтушка – кофта ситцевая. Исподка холщовая. На голове фата белая или серенькая, большая, ситцевая – платок головной. Под подбородком повязывают. Зипун – из серой шерсти; одевают, когда дождь, когда холодно, лён рвут и стелют. Со складочками. Сзади обязательно клин суконный. Зипун бывает и чёрный. Дома какой-нибудь троешовец наложат (оденут), в переднике ситцевом. На дворе обряжаться, коров доить, навоз выкидывать. Жито жнут в ступнях из лыка, вроде лаптей, в избе – босыми.

Праздничная одежда. Пара – казачок и сарафан. Одинаковые цветом. Если цвет разный, то не пара. Покупают эту пару. На работу всё сами делают. Сами и шьют. Казачок ситцевый, канифазовый, гарусный. Канифаз – ситец с шелковыми полосками. Зелёные, бордовые, белые, розовые, жёлтые. Гарусный – шерстяной. Казачок со сборками, с подкладкой. У богачей шелковая пара – казачок и юбка. У бедняков – ситцевая, канифазная.

Сарафаны разные бывают. Чёрный, внизу кайма белая, с подузорником, шерстяной. Подузорник выткан разными нитками внизу по подолу. Шерстяной сарафан с продольными разноцветными полосками называется «дольник». Сарафан холщовый, клетками, называется «портяной». Сарафан ситцевый. Бабы зимой, в праздник одевают дольные. Летом, вындень – в портяных. В воскресенье – в ситцевых. Бабы и девки зимой, вындень носили сарафаны с подузорниками. Девки в праздник носили ситцевые сарафаны.

Мужики работают в пинжаках из ховстины синей, и штаны такие же. Так большинство. Но у кого из сукмянины. А кто в поношенном, ситцевом. Пояски на рубахах из ховстины домотканой. Мало кто в ситцевых. Поясок тканый, рубахи навывпуск. На голове фуражка с кондырем лакированным, чёрная, суконная или холстяная. Если холодно – сапоги, а в лес идти – лапти. Онучи. Многие и пахали в лаптях. В праздник пинжак и штаны купленные, рубаха сатиновая, кумашная. У кого полочки вышитые и рукава. Белая, холстяная. Фуражку с козырем называют «картузом». На ногах у кого сапоги с морщинами, а у кого и нет. Пояс с кисточкой у иных, а у кого и нет. Тканый или купленный из аглицкой шерсти.

Ребятишки до десяти лет бегали без штанов, в рубашонках длинных. Ребятишек стригли «шариком» – наголо. Мужиков – в «кружок». Стригли сами ножницами с гребнем.

Зимой женщины носили казачок, поверх – кошулю – шубняк, покрытый синей холстиной. Сарафаны шерстяные, сами ткали, разного цвета, в полоску, всяко.

На голове большой платок ситцевый с кисточкой. В праздник шерстяную пару, шёлковую, ситцевую. В праздник из магазинного сукна – троешовчик на вате, на шубе.

Во дворе хозяин ходил в кошуле. В лес ехать – в кошуле, а поверх тулуп с воротником. Шуба без рукавов, её не носили, а укутывались. Мужики носили шубняки непокрытые, кошулю. Один мужик носил белую кошулю на мельницу, чтобы мука не так была заметна. Куда поедут, одевают кошулю, поверх тулуп.

Праздничные пояски в магазине покупались – шёлковые, витые. Аглицкая шерсть продавалась мотками – пояски делать бердечком. Моток стоил копеек десять. В магазине покупали мануфактуру: ситец по 12 – 15 копеек за аршин, сатин – 18 копеек. На пару надо аршинов шесть.

Что ели, пили аргановцы

Главная пища крестьян – хлеб. Его пекли из ржаной муки караваем на печном поду, выкладывая тесто на капустный лист. Тесто ставили в квашне на печь, на оставшейся от прошлого раза закваске. Тесто ходило, пучилось, вздыхало, как живое существо. Удачный хлеб получался только из хорошо выхоженного теста. И печь надо умело вытопить, не остудить и рано не скутать. Помелом золу выметали и каравай сажали в печь на деревянной лопате. В деревне были мастерицы выпекать хлеб, а были и неумёхи, получалась у них неудача. Пекли один раз в неделю по 6-7 караваев.

К хлебу полагалась похлёбка. В постные дни (а их в году больше двухсот) варили губницу – грибной суп, кашу яшную с постным маслом. Из гороховой муки заваривали кисель кипятком из самовара. Еда сытная, но без чая и ложку не проглотить. В богатых домах пили чай с сахаром. Сахар продавался в магазине головами – по фунту весом. Цена 20 копеек. На пять копеек четвертушка головы – сто граммов. Чай продавался в маленьких коробочках по пять копеек каждая. В бедных семьях чай пили с мочёной брусничкой.

Картошку в Арганове сажали мало, начальство заставляло, в население бунтовало. Мария Васильевна ещё помнила «картофельные бунты». Много сажать картофеля стали только после голода 1921 года. Картошка многих спасла во время Великой Отечественной войны. Картошку варили в мундире, делали жидкое пюре – «рипняк».

В Арганове много сажали галанки (брюквы). Жёлтые, тяжёлые корнеплоды – по несколько килограммов каждый.

Брюквины чистили, резали на дольки, затем наливали в кадку немного воды, опускали раскалённые камни из печки и на эти камни вываливали нарезанную брюкву. Кадушки сверху закрывали холстом. Это утром. Вечером брюкву вынимали. Она упревала, становилась мягкой и сладкой, как мёд – таяла во рту. Аромат пареной брюквы доносился на улицу.

Пареную брюкву подсушивали в печи – ломтики загибались, подрумянивались, вялились – это и была «сушёная паренца». В таком виде брюкву сохраняли всю зиму. Из сушёной паренцы варили компот, ели так. Сироп в кадке приторно-сладкий, густой, душистый. Это «рассол паренцы», с ним ели толокно. Шла паренца и в начинку для пирогов.

Бруснику тоже парили – насыпали в горшок и ставили в вытопленную печь. Потом вываливали в кадку. Ели с толокном, пили чай с брусникой.

Капусту солили варёную, пластиками. Делали это так. В кадушку наливали воды, опускали горячие камни. Вода закипит, и в неё опускают капусту, нарезанную пластиками. Постоянно переворачивают пластики, подсаливают. Капуста усаливается, становится душистой, мягкой. Капусту ели с квасом и хлебом. Щи варили только из свежей капусты.

Летом много делали квасу. В постные дни крошили в квас зелёный лук, подсаливали, добавляли постного масла и хлебали с хлебом. Тёртая редька с квасом – тоже обычное блюдо. Толокно с квасом. Главное – был бы хлеб на столе.

В мясоед варили мясные шти. В горшок опускали с килограмм мяса, варили до упревания, а потом добавляли овсяную крупу – заспу. В мясоед кашу ели с коровьим маслом. Сметану собирали, хлебали простоквашу, накрошив в неё хлеба. Сметану сбивали на масло мутовкой. Масло берегли до праздников, так же как и куриные яйца. Куры неслись только летом. Зимой они жили в тесноте – в подлавочье или под голбцем.

Праздничная еда аргановцев не отличалась разнообразием. Первым блюдом шёл всегда студень – с него начинался пир. Много пекли пирогов – целые горы. Пироги были разные: наливушки, то есть облитые сверху овсяной крупой на сметане. Преснушки делали так: на сочень из пресного теста клали картофельное пюре, но могли положить и дрожжевое тесто. Пироги с начинкой – загибушки. Начинка была разная и пироги назывались «чиличники» (с грибами), рипняки (с брюквой), ягодники, яблочники (с картошкой), сырники (с творогом), курники, гороховики, но король всех пирогов – рыбник.

На масленой неделе пекли блины и шаньги, варили овсяный кисель целыми кадками и хлебали с молоком. Водку покупали мало, пили на торжествах пиво, которое варили сами.

Новый год приходился на середину святок. Его справляли, но никаких ёлок не ставили и в 12 ночи не встречали. Наутро хозяйка встанет пораньше, обряжается: похлёбку варит, пироги печёт с рисом, с пшеном, но главное – с соломотом. Девки днём у кого-нибудь в избе гуляют – покупают избу по два-три пирога с девки, а с парня – 50 копеек или воз дров. Маленькие девчонки и парнишки тоже собираются в одну избу, но с них брали только пирогами, по три-четыре с каждого, потому как хулиганили, сильно надоедали.

Девки встают в круг, шгук двадцать, за носовые платки ухватятся и поют песенки. Потом парами ходят то в одну сторону, то в другую. Парни сидят на лавочках, бывает, что приходят из других деревень с гармошкой. Если парень гуляет с местной девкой. Парни устраивают «стовбушку», ходят по стовбушке. Парень садиться на лавке у дверей, садит себе на колени девку, которую выберет из круга. Посидят, поговорят, поцелуются. Потом девку ссаживает с колен и сам уходит, пошлёт другого парня. Тот садится на колени к девке, целует её. Потом девка уходит, ведёт из круга другую девку. Та садится на колени парню – и так всё время, пока круги ходят. Другие любимые не пойдут и час сидят, целуются. И невест часто выбирают себе. Собираются в избе с обеда и ходят до паужины. Вечером идут домой поесть, переодеться. Одеваются в пару без жилеток. А песни такие поют.

Лузи

Лузи, лузи да зелёные.
Во лузях травушки шелковые.
Я по той траве да повыхожу,
Я косою кошу да не выкошу.
Себе ровнюшку да сповыберу.
Да брала, выбрала да неровнюшку,
Неровнюшку да не ко сердцу.
Я не ко сердцу да мужа старого.
Уж как старый муж да он ложится спать,
Он ложится спать да стонаючи,
Он стонаючи да плакаючи.
А меня, младу за горё берет.
Горё берет да кручинушка.
Лузи, лузи да зелёные.
Во лузях травы да шелковые.
По траве хожу да не выхожу,

А конём топчу да не вытопчу.
Себе ровнюшку да сповыберу.
Горала, выбрала себе неровнюшку,
Неровнюшку да мужа малого.
Как малый муж он ложится спать,
Он ложится спать всё плакаячи,
А вставаючи так всё рыдаючи.
А меня, младу, за горё берет.
Горё берет да всё кручинушка.
Вы лузи, лузи да зелёные.
Во лузях травы да шелковые.
Я по той траве да повыхожу,
Я конём топчу да не вытопчу.
Себе ровнюшку да сповыберу.
Горала, выбрала да себе ровнюшку.
Уж как ровнюшка да ложится спать.
Он ложится спать да играючи.
И вставаючи да целоваючи.
А меня, младу, да радость берёт.
Радость берёт да весельице.

Во саду

В саду была, в саду была,
В саду была, гуляла,
В саду была, гуляла.
Траву рвала, траву рвала,
Траву рвала со цветами.
Траву рвала со цветами.
Вьюны вила, вьюны вила
Вьюны вила с городками.
Вьюны вила с городками.
Сама себе, сама себе
Сама себе говорила.
Кому же я, кому же я
Кому я достануся,
Кому я достануся.
Доставалася, доставалася,
Доставалась малому,
Доставалась малому.
Это как же мне,
Это как же мне
Малому постелю стлать.
Постеленька, постеленька,
Постеленька мякошенька.

Во три ряда, во три ряда,
Во три ряда каменьяцы,
Во три ряда каменьяцы.
Четвёртый ряд, четвёртый ряд
Шипицы колючие,
Шипицы колючие.
Во пятый ряд,
Во пятый ряд
Крапины жигучие.
Крапины жигучие.
Во зголовице,
Во зголовице
Колоду матёрую,
Колоду матёрую.
Окутаю, окутаю
Коркою еловою
Окутаю, окутаю
Коркою еловою.
Приляпаю, приляпаю
Дубиной вязовою.
Дубиной вязовою.
С молитвами, с молитвами,
С молитвами большими.
Спи, малой, чёрт с тобой!
Спи, малой, чёрт с тобой!

Ту же песню повторяют про старого мужа. А затем уже поют про ровнюшку.

В саду была, в саду была,
Траву рвала, траву рвала.
Траву рвала со цветами,
Траву рвала со цветами.
Вьюны вила, вьюны вила,
Вьюны вила с городками.
Вьюны вила с городками.
Сама себе, сама себе,
Сама себе говорила,
Сама себе говорила.
Кому я достануся,
Кому я достануся.
Доставалася, доставалася,
Доставалась ровнюшке,
Доставалась ровнюшке.
Это как же мне,

Это как же мне,
Про ровню постелю стлать,
Про ровню постелю стлать.
Постелюшка, постелюшка,
Постеля мякошенька,
Постеля мякошенька.
Во три ряда, во три ряда,
Во три ряда соломушка.
Во четвёртый ряд,
Во четвёртый ряд,
Постелько бумажное,
Постелько бумажное.
Во зголовьице, во зголовьице
Подушки парчовые,
Подушки парчовые
Окутаю, окутаю
Шубой соболиною,
Шубой соболиною.
Приляпаю, приляпаю
Своей правой рученькой,
Своей правой рученькой.
С молитвами, с молитвами,
С молитвами большими,
С молитвами большими.
Спи, ровня! Спи, ровня!
Спи, ровня, бог с тобой!
Спи, ровня, бог с тобой!

Вечером, переодевшись, опять собираются в ту же избу: пляшут, поют песни с «перегудкой» (частушки). Но уже не танцуют. Гуляют без прялок, до полуночи. На другой день девки соберутся с пресницами — с прялками. Сидят да прядут. Ребята приходят, из чужой деревни — выражухи. А из этой деревни выражухи (ряженные) уходят в другую. Так обмениваются. За выражухами ребятишки бегут, полная изба наберётся. Придут и пляшут. Выражаются парни и девки только днём, бегают по чужим деревням. Завешиваются платками, парни одеваются девками, и наоборот. Попляшут и убегают. Вечером уже к другой деревне уходят на вечеринку. Поочерёдно ходят к каждой девке в дом. Прядут, песни поют, танцуют до полуночи. В кругах уже не ходят.

По воспоминаниям Марии Васильевны во время зимних вечеров были и срамные обычаи. «Ходили по улице. Вдруг два парня хватают тебя и головой в сугроб воткнут. Все юбки съедут вниз и ты, голая, торчишь из сугроба, как свечка. Штанов ведь женщины не носили тогда».

Хулиганство? Озорство? Да нет. Девицы в старину блюли себя, даже не купались вместе с парнями. Откуда же парням знать, как выглядит на тело будущая невеста? Не кривые ли и волосатые ноги? Не хандырь ли? (Гермафродит). В общем, шла проверка на качество. После свадьбы поздно будет. Женишься – не разженишься, а с нелюбимой женой жить – только мучиться

И такой был обычай. «Сядет парень промеж двух лавок, портки свои приспустит, муде свесит, а они, как у барана. Каждая девка должна подойти и пальцем «часы отбивать». Стыдно! А, поди, откажись – побьют парни-то»,

Этнографы объясняют подобные обычаи тем, что невинных девиц надо было хоть как-то готовить к интимной жизни в замужестве. От дурно проведённой первой брачной ночи у девушки мог случиться шок с тяжёлыми последствиями. Мария Васильевна, к примеру, первого жизнеспособного ребёнка родила только на девятом году замужества. Не зря она не любила своего мужа – насильника.

Святки начинались с Рождества, за неделю до Нового года, и продолжались две недели, до Крещения. На святках бегали выряжухи, молодёжь занималась гаданиям. На вечерки приходили посидеть и взрослые мужики, и бабы. Мужики устраивали такую игру. Двое встают на четвереньки задом друг к другу, их покрывают дерюжкой, как попоной. Третий мужик с плёткой в руке садится верхом «на коня», объезжает всех в избе и требует денег. Того, кто не даст, стегает кнутом. А девки сидят, прядут. Или гадают. И так все святки.

Крещение – последний день святок. Самые хорошие выряды одевают. Народ приносит из церкви святой воды, дома всё кропят, выгоняют бесов. В Крещение в церкви служба ходит по воду. После службы все певчие и поп идут на реку с иконами воду святить в проруби. Крест мочат в воде. После того, как воду освятят, все садятся на сани и едут в церковь. Едут гусем друг за другом, тихонько. Поп без шапки, без рукавиц пешком ходит до реки и обратно, с крестом в руке.

После Крещения начинают ездить сваты. Все святки едят скоромное, всё промежгованье – от Рождества и до Масленицы. После Крещения, через две недели Афонасьев день, к обедне сходят.

После Крещения вечеринки собираются до великого поста, но в кругах не ходят.

Масленица будет десятая неделя от Рождества. Все девять недель едят мясо, пьют молоко, а в масляную неделю мясо не едят уже, только молоко. Мужики всё это время за

дровами в лес ездят, за сеном, в гумно по овсеницу, кормило коровам это. Бабы и девки прядут до великого говенья.

Масляная неделя начинается с воскресенья. В четверг молодых возят в дом невесты. За молодыми приезжает отец или брат невесты. В пятницу все съезжаются в одну деревню кататься. Весь народ катается взад-вперёд по деревне. У лошадей шеркунчики позванивают — они привязаны к ремню штук тридцать, а ремень — на шее у лошади. Это пластиночки. Сани часто задевают друг друга, ломаются.

В субботу едут в другую деревню. Ночевать домой ездят. Молодые которые, тех катает отец или брат и домой ночевать к себе везут. В воскресенье последний день катаются уже в третьей деревне. Подвод сотни две, народу сотни. До вечера катаются и разъезжаются по домам. Сани расписные, сбри светлые, как серебро. Лошади у большинства по одной запряжено.

В чистый понедельник гостятся. Девки ходят по деревне, песни поют. Молодых катают в понедельник. Ребята, большие парни, яму копают в снегу, найдут молодых и в яму бросают. Никто не спрячется. И даже всех девок «катают», называется. Во вторник молодых развозят по домам к жениху. В масляную неделю супу не варят. Каша, яичница, шаньги гороховые, блины пшённые, пироги пекли, рыбники. Рыбу часто привозили купцы, возили на санях в бочке. Треска — по пять копеек, сайра — по три. Кто и на овёс менял — двадцать копеек за фунт.

Масленица кончилась и начинался великий пост с чистого понедельника. Ходят на исповедь. У кого не опрядено, недели две прядут. Перед великим постом, в последний день Масленицы поют:

Завтра великий пост,
Посадят на редечный хвост,
На капустный пласт,
На кислый квас.

Великий пост длится семь недель, до Пасхи. Во время великого поста бабы ткут.

Весна и лето

К Пасхе копят творог, масло коровье, яйца. Пекут пироги и белые, и яшные с наливушкой. Яйца варят, яичницу делают, студень... Христосуются, целуются, яйца друг другу дарят. Поп с дьяконом и псаломщиком ходили по деревне, в каждый

дом заходили, чтобы обойти всю волость (14 деревень) две недели надо. Войдут, поют: «Христос воскрес!» Покропят. Хозяин держит уже блюдо с водой и веник. Это водосвят. Попу давали 10-20 копеек денег и два яйца. Дьякону и псаломщику по одному яйцу. Попу ещё каравай хлеба, а на каравай – пироги. Девки, ребята гуляют по два дня. На колокольню лезят, звонят. Страшная суббота, радостная неделя. В радостное воскресенье гуляют, драки бывают. Фомина неделя начинается. Коров выгоняют, как снег растает – иной год до Пасхи, а бывает и после Пасхи. На фоминой неделе пашут, сеют овёс, ячмень, пшеницу...

Когда выгоняют коров, те как безумные: режут, на колени падают, землю рогами копают, дерутся, даже убивают друг друга. Люди все бегут от них. Как откроют ворота, коровы и побегут. Первые дни хозяева коров сами пасут, а то заколют друг друга. Пасут по полям и пожням. А в покотине сыро пока и снег лежит. Около Николы едут пахать, боронить, сеять. Недели две. И одновременно пожни городят, чинят осек, вырубая кусты. За зиму изгороди ветшают. Пожни огораживают, чтобы луга скотом не травить. Осек – изгородь в лесу, в покотине. Вокруг болота, одна волость от другой отделялись. Забор – жердяные ворота в осеке. И под озимые в это время пашут.

В начале июня навоз возят на пары и разбрасывают. К этому времени все огородные культуры всходят – их пропалывают, в первый раз окучивают картошку. Всё в первой половине июня.

С 5-6 июля начинается сенокос и до конца августа. Навоз за лето в поле перепревает, его запахивают, сеют озимые и заборанивают. Озимые сеют в конце июля – начале августа. Сенокос кончился – начинают рожь жать, потом ячмень, пшеницу. Рожь за неделю выжнут. Потом уж овёс. В конце августа – начале сентября начинают дёргать лён, и одновременно, до середины сентября картошку копают.

Когда хлеб выжнут, он на поле в суслонах стоит. Двенадцать снопов, тринадцатый – шляпка. В начале сентября хлеб начинают свозить в гумно. Там его сушат на овине. Овин – это полати над печкой – «колосники». Около стены, вверх пазушна – большая дыра, тепло идёт туда, а там снопы положены вниз колосьями. За ночь их высушивают. Печь глинобитная, длинная, без трубы. Дрова (овинники) по полтора метра полена. Премь печки спят на самой земле, соломки постелив. От печи отгорожено бревнами место для спанья. Под головой – снопы, а то и подушка, набитая пелёвой от овсеницы. Пелёва – шелуха от овсянного зерна, когда его веют на гумне.

Откроют ворота (а они сквозные), лопатой зерно кидают, и ветром его обдувает. Пелёву сгребают в мешки и домой возят. Кормят скотину весной, когда снег начинает таять, и сами в пост используют.

Когда отсеются, идут дрова готовить. В лесу пилят, колют и около дороги поленницы кладут. По первому снегу возят домой, там складывают. По 30-40 возов на зиму дров готовят. Когда весной начинают готовить в лесу дрова, то молодые рядятся пилить копейки по две за воз. Чтобы купить сатину на новую рубаху, надо сорок копеек. Им-то вдвоём надо напилить и наколоть сорок возов дров. Вот так был дешёв крестьянский труд.

Покров 14 октября. Снегу ещё не бывало, а если и выпадет, то не надолго. В Покров четыре дня с пивом гуляли. Пиво так варили. Рожь сначала замочат, вымоют, потом растят, пока ростков не будет. Свалят в дальнем углу. Сутки преет, делается коричневой, разбухнет. А потом её сушат — расстилают в вытопленной печи на поду тонким слоем. У соседей сушат. Получается солод. Его смелют на ручных жерновках и потом заваривают пиво. Солод кладут в корчагу, заливают водой, закрывают крышкой и на сутки ставят в печь. На другое утро корчагу выставляют, сольют сусло. Оно сладкое. Это сусло переливают в чан и хмелем повеселят. Сусло ходит, пена шапкой. Выходит пиво, его процеживают и пьют. С суслом хлебали кисель овсяный. Сусло чёрное, густое, приторно сладкое.

Власть в деревне

Арганово входило в Рубежскую волость Кадниковского уезда. В Арганове находилось волостное правление. В правлении были староста, писарь. К ним приезжали следователь, земский начальник, становой. С жалобами ходили к старосте, а не поможет — обращались к земскому. Когда земский приезжал, то говорили: «Земский приехал на допросы». Становой тоже мог решить вопрос. Приезжали начальники раза два в месяц. В Рубежской волости был сотский (полицейский) с белой бляхой на груди. В каждой деревне был десятский — он сгонял народ на сходку. А ещё собирал подать, хлеб. Неплативших подати сгоняли со всей волости в одну избу (волостное правление). Там недоимщиков били розгами и всё равно заставляли платить. В год полагалось по четырнадцать рублей с души. Сотский со сборщиком ходил по домам. За недоимки отбирали корову, а то и саму избу. А земли у бедняков было мало — не больше восьми десятин на двор. А то и вовсе ничего.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ВОСПОМИНАНИЯ ГРАДИСЛАВЫ СТЕПАНОВНЫ ЦВЕТКОВОЙ (ПЕРВУНИНСКОЙ) 1912 г.р.

Глава первая Деревня Рубцово и её обитатели

Наша деревня была большая – 110 домов. Куракинская волость, Тотемский уезд. До Тотьмы 90 километров. Соседняя волость – Режская тоже относилась к Тотьме, а вот Рубежская волость входила в Кадниковский уезд. Волость от волости отделяли осеки (пограничные изгороди, шедшие через лес). В Куракинской и Рубежской волостях было по четырнадцать деревень. У каждой волости своя церковь, свой приход, свое кладбище. Рубежаки ходили в Георгиевское, а семенжаки – в Чижово. По большим праздникам самые верующие из Арганова и Рубцова ходили молиться в Тотьму.

Мой отец Степан Васильевич Первунинский родился в 1885 году. Прозвище у него было – Сыска. Деревенская фамилия – Сыскины. А по настоящей фамилии никто и не звал. Его деда прозвали в деревне Гибом. Когда спрашивали мальчика, как его зовут, он отвечал – «Гиб» (видимо, Глеб). Так всю жизнь и звали Гибом, а дети его стали Гибятами. Пятеро сыновей да дочери. Гибята были на славе. Хорошо жили. Двое сыновей ушли в зятья, а трое стали делиться, дома себе выстроили. Богатые были – покосов много, до того, как разделились. Один из сыновей, мой дед Василий, был мастер на все руки – и сапоги шил.

Мне было лет пять. Я прошу деда Василия: «Дедушка, сшей мне сапоги со скрипом». «Сошью, – говорит, – только ты принеси от соседей скрипу». Пошла. А сосед – шутник завернул мне в тряпочку куриного помёту. Все смеялись потом. В деревне любили патрушить друг над другом. Сапоги со скрипом, это когда в подошву вшивали кусок бересты. Модно было носить поскрипывающие сапоги.

Мама моя была из Заврага. Птицина Александра Ивановна. Сестёр у неё было много, а брат один. Отец её делал гармошки, был хорошим гармонистом. Иван Птицин. Дом тоже сам выстроил, выреза (наличники) красивые. Птициных четыре брата было. У дядюшки Фёдора дом крестовый был. Он

собирал кожи-опойки (телячьи), торговал. Деревенская фамилия Птициных – Гармонщиковы. Сын Александр (брат Александры Ивановны) тоже хорошим гармонистом был. В Чижове похоронены и дед Василий с бабушкой моей, и мама моя Александра. С её стороны родители похоронены у Георгиевской церкви. Там же, в Георгиевской, похоронены деды Александра Степановича Цветкова по линии его отца и мать бабушки Марии Васильевны Цветковой (Муравьёвой) лежит рядом с мужем своим, Василием Муравьёвым.

Дом наш на Рубцове был хороший. Сарай с тесовой крышей, въезд хороший на сарай – сено завозили туда. Там и овсянку держали. Скоту под ноги солому стелили. Дом был пятистенок – в одной половине два окна, а в другой пять. Крестовая изба – это когда пятистенок разделён стеной поперёк. Три комнаты и кухня отдельно, с дверью. Рубили крестоватики в лапу, без углов. Внизу под домом подпол.

На сарае – клити вроде чуланов. Рубленные, окошко маленькое на улицу, с ключами. Там держали продукты – в одной клити, а в другой – одежда и обувь. Мост – коридор, сени. Так звали на Реже – сени. А у нас – мост. Летом там стоят кадки с водой, корзины. Под клетями были большие подклеты: в одном овцы с телятами, в другом коровы. Рядом с подклетами лошади стояли. Из сарая в дыру сено им спускали в кормушку. Обе лошади ели из одной кормушки, только отгорожены друг от друга, чтобы не дрались.

У нас были две лошади – Карий и Питя-мерин. Спокойный, ленивый, не кусался и не лягался. А возы возил, сколько ни погрузи. Пукает да тащит. Вся деревня его знала.

Мама наша, Александра Ивановна, умерла сорока двух лет, от давления. Румяная, румяная – прилив крови. Фельдшер Сопоров говорил ей: «Кабы в городе, вы бы не умерли. Крови много». В больницу положили. Домой запросилась. Просит Стёпу: «На сарай меня вынеси». Отец на руках вынес.

Мама умерла летом. На Ильинской неделе, в пятницу. У людей-то рожь всю колосится. А у нас и пожня не кошена. Пожня большая была – надел на семерых. Полосы широкие были – овёс, рожь, ячмень, лён. Это уж при Советской власти. Как маму похоронили, стали нам помогать отцовы двоюродники. Сено стали косить, бесплатно. А жали за деньги – хлебом брали. Сулоны ставили – два нам, а один им, помощникам. Исполу работали, управлялись быстро.

Гумно строили в этот год. С соседями на двоих. Те бесшабашные были, но гумно хорошее вышло.

Мама умерла в 1928 году. Приехала из Москвы божатка (тётушка Анна Васильевна), забрала с собой сестру мою Вириною. Отец привёл мачеху в дом, но она плохо обращалась

с сиротами, и он отправил её обратно домой. Я осталась за старшую, в 16 лет. Да ещё больная сестра Тоня. Кате 11 лет, а брату Володе восемь. Я им всем и за мать, и за сестру. И хозяйка тоже я: и печь топила, и за скотиной ходила, по дому обжалась.

Мне было десять лет, когда отец дал мне косу в руки. Пошли раз с Тоней утром косить, она перешла речку босая, застудила ноги. И стал у неё ревматизм. Долго болела, ходить не могла — на коленках ползала. Смёрточку звала. Опухать стала. «Грань, Грань! Иди-ка сюда! Грудь начинает опухать, скоро я умру». Во сне умерла. Было ей 23 года. Отец пахал в огороде капустные грядки. Накануне первого мая 1929 года. Жаркий день. Отец сам гроб сделал. Утром умерла. В тот же день в церковь возили. Соборовали, когда болела, девица — отроковица. На светлой неделе как раз умерла-то. Люди на демонстрацию идут с флагами, а мы на телеге гроб везём — колокола звонили, встречали покойницу.

Рядом с Рубцовым, за осеком шла уже Режская волость. На Реже богато жили — там две реки — Режа и Вага. Много было водяных мельниц, а мельники зажиточные. Много было торговцев — магазины, склады. Дома высокие, двухэтажные — крестоватики. А какие кони были у режаков! Как печи. Таких коней я и не видывала. Режа Тотемского уезда, как и мы.

В семи километрах от Георгиевской — Фофаница, за болотами. Четыре деревни: Вороново, Погорылец, Товстик. Слободка. Жили бедно. Не у всех были дроги четырёхколесные. Ездили на роспусках — два колеса да площадка, или с бортами. Лес волочили на роспусках. А летом и покойников возили в Георгиевскую. Прямо-то нельзя — вязучее болото, кочи трясучие... Ездили кругом болота за пятнадцать километров. Переходов накидают (гати) и едут. Один мужик так вот вёз гроб-от, а доски-то и разъехались, гроб не заколочен был и покойник выпал на землю. А мужик и не заметил, что потерял покойника-то по дороге.

Народ у нас серый был. В Куракине топили по-чёрному ещё и при колхозах. Полы мыли только раз в году — на Пасху. Так из грязи-то косари выкапывали (большие ножи). Мужики куракинские волос не стригли. Мы, когда уже в Москве жили, смотрим раз, идет парень с волосьями до плеч. «Смотри-ка, как из Куракина». — «Паренёк, — спрашиваем его. — Ты откуда?» — «Из Куракина», — отвечает.

Когда ребёнок рождался слабый, сморщенный, может, недоношенный, то это называли «собачья старость». Новорожденного клали на деревянную лопату и сovali его в жарко вытопленную печь — «запекали» младенца.

В Ескине на всю деревню была одна баня, так мужики и бабы все мылись в один день. Только недавно (уже после войны, в середине 50-х годов) стали мыться по очереди: мужики в пятницу, а бабы в субботу. Если мужик не смог в пятницу помыться, не успел, то идёт в субботу и залезает на полок к бабам, моется с ними.

В двух километрах от Рубцова деревня Арганово. Это уже Рубежская волость. В Рубцове за честь считалось девке выйти замуж за рубежака. В Арганове народ был весёлый, а в Ескине серьёзный. В Арганове по праздникам часто дрались, а то и убийства были. Все с ножами. Пляшут да поют.

Финский ножик в голенище,
Гирюшка на ремешке.
Ты коли, товарищ, в сердце,
А я стукну по башке.

Я уже замужем была. Вот так-то гулянка идет, драка. Мой-то Александр с ножом, а на него другой мужик топором замахнулся. И я, не помня себя, бросилась между ними. Убили бы себя оба.

Арганово-то все «Голодаевкой» звали. А было так. Приехал из города начальник, барин. Ему дали овцу, а в Арганове овцу-то у него украли. Барин рассердился, кричит: «Голоды! Барана украли». Так и стали голодаевцами звать.

До революции земли было мало. Нищих в Рубцове много – куски собирали. У кулаков была земля. Шкетенков деревню всю зерном обсевал, брал с процентами. На три года у него хлеба было, нового ничего не сеял – только старым, под зиму. Кожевенный завод был у них. В колхоз вошёл сначала, но их выгнали, как негодный элемент. Всё-то вспомнили им, как к людям относились. Раскулачили и в Сибирь сослали.

Когда по Декрету кулаков уравнили и землю стали делить по едокам, то бедняков в деревне не стало. Начали все строиться, дома перебирать, сеновалы на покосах ставить. Стали лес вырубать. Новину прятать. Лето лес пролежит – сожгут. На другой год сеют. Хлеба растут хорошие – серп солому не прорежет. Не запрещалось лес-то вырубать, распахивать. Новину не все могли прятать – тяжело.

Плохо жили вдовы. Сбирали куски, на кулаков работали – пряли всю зиму, ткали на людей. У одной было трое детей – ни лошади, ни коровы не было, муж погиб в первую мировую войну. У другой вдовы и коровёнка была, и лошадка. Родственник её Колесов, посадит детей на воз и повезёт куски собирать. За 50 вёрст ездили. Привезут мешки с хлебом,

картошечки. Это пока не сделали широкополосицу. Колесовы потом разжились: три коровы да две лошади. Навозу надо полю-то. Ох, и зажили мы, когда широкополосицу сделали! Никаких нищих, все уравнились.

Ванёнковы — кулаки; самые богаты были в Рубцове. Шестеро сыновей. Ваня. По двенадцать коров держали, по сотне овец. Свой молокозавод имели. Маслозавод — льняное масло били. Магазины были. Торговали красным товаром. Два дома огромных было, а внизу магазины. Мельница была у Ванёнкковых, молотилка с конным приводом. Хлеб у них гнил.

В начале 20-х годов свадьба была у Ванёнкковых. Роскошная, хотя время голодное. Посуда золотая. А пирогов-то! Ножа не хватало (разрезать). С изюмом. У них всё было и в голодный год.

Когда началась коллективизация, кулаков раскулачили. И середняков, которые в колхоз не пошли.

Судов не было, судили своим судом. Окуля Миронова украла холсты с огорода у Шкетенковых, спрятала их в кадку и мукой засыпала. Моя сестра Вера — ей года три-четыре было, рвала в огороде траву для лошади и видела, как Окуля холсты сняла, сказала соседям. Описала, в каком сарафане была тётенька. Пошли по деревне и увидели сарафан-то, вывесила Окуля сушить его. Мужики обыск сделали и нашли холсты. Вывели Окулю из дому. Повесили на неё холсты спереди и сзади — бить не стали. Взяли в руки коровьи колокольчики, печные заслонки и повели Окулю по деревне, барабаня в заслонки и звоня колокольчиками.

Окуля больше не крала. А воровала она от нужды. Вдова. Трое детей, муж на войне погиб. Хотела детей приодеть и сама приодеться. Шкетенковы нашей Вере потом дали холста белого на рубашечку. Люди говорили, могли бы и конец холста дать девочке-то. Да жадные.

Другой случай. Женщина вышла замуж за бедного. Две-три девочки у неё. Муж уехал в город на заработки. Шла эта женщина, Финагишна, с дочкой через гороховое поле и у кого-то из богатых сорвали горсть зелёных стручков. Их увидели и суд устроили. Мать всю обвешали зелёной гороховиной со стручками и повели обеих с барабанным боем по деревне. Обе шли спокойно, не плакали.

Продразвёрстка была. Трое красноармейцев за хлебом приехали. Прошло собрание. А Ванёнкв и ещё десять мужиков насмерть забили двоих солдат. Пальцы им переломали сначала, казнили, а потом на улице камнями добили. Один убежал. Приехали к нам человек сто, отряд. Некоторые наши мужики с винтовками выскочили — с войны принесли, призывали войной идти. Их красноармейцы застрелили.

Потом всех мужиков в деревне, стариков даже, забрали в одну избу. На Егорьев день солдат-то убивали. Стали разбирать. Передачу не принимали. Коробы с сухарями на сарае стояли — сухарями и кормили арестованных. Двое суток сидели, допытывались. Винтовки. Штыки-то до потолка. У хозяев зайчатины было насолёно целые кадки. Отобрали мясо-то, и молоко. Кормить-то надо было солдат.

Привели несколько арестованных, заставили яму копать. Потом расстреляли их, человек десять. Старик Ванёнков упал, а всё ещё кулаком грозил. Сын его убежал, два года в лесу жил. И ещё двое сбежали. На покосах у каждого избушки были, с печкой. В этих избушках и жили. Терешонок бедняк был, а с кулаками оказался. Прошла революция, всё успокоилось и вышли из лесу-то.

Глава вторая Крестьянский быт

Что сеяли? Рожь, ячмень, овёс, лён, горох, пшеницу. Сжатый хлеб оставляли на поле в суслонах, чтобы выстоялся, высох. Потом вывозили на одре. Это такая телега с высокими перилами со всех сторон. Много суслонов укладывали. Снопы свозили в гумно в конце августа — начале сентября. К покрову весь хлеб измолачивали. А начинали уборку со ржи.

В гумне прибрали, вымели долонь — ток. Земля убитая, как асфальт, даже колёса след не оставляют. Заехали с одром — ворота широкие и высокие, через них и свет падал. Один залезет по лесенке на полку — вроде балкончика. Другой подаёт снизу снопы — длинной, пятиметровой жердью с сучком на конце — «металкой». Сучком сноп поддевают за везиво (перевясло). Тот, что наверху, снопы принимает и передаёт третьему человеку — тот укладывает снопы в овине на жерди (колосники).

Вечером отец приходит и затапливает печь — «сеплинку». Ночью спал на полу, постелив солому. По одному не спали на гумне. Редко кто — боялись покойников. А если нет в доме ни отца, ни старшего брата, посылали подростка одного на гумно. Плачет да идёт. Уснёт парнишка, дрова-то и прогорят в печи, опять разжигай огонь.

Утром вымели долонь, скинули с овина высохшие снопы и расстелили их так, чтобы колос упирался в колос. Долонь широкая, длинная — всё гумно застелем. Взяли в руки цепы — «молотила», отец в середине, мы по бокам и начали колотить. По очереди бьют, друг за дружкой (получался ритм). Сначала середку пройдут, потом по бокам, потом перевернут снопы. Потом везива серпом изрежут. Один подаёт снопы, а двое-

трое колотят. Вытрясут граблями, солому уберут. Зерно сметут мягким веничком в большую кучу.

К двум часам дня обмолотили – мы, девки, домой. А отец остаётся. Зерно веять. В гумне-то двое ворот – в одни заезжают, в другие выезжают. Сквозняк. Деревянной лопатой зерно подкидывают, ветерком его обдувает. Провеянное зерно в мешки ссыпают и на одре увозят домой.

Девки после молотбы за грибами в лес идут, с зобнями. Зобня – это корзина из дранки или из лыка. Зобенчик – маленькая корзинка. Кузов тоже из дранки, в нём носили из гумна домой шам, на веревке за плечами.

Вечером снова в овин – снопы сушить, а утром молотить. Недели две шла молотба. Сначала рожь, потом ячмень, потом овёс. Ссыпаем в клетях, в высокие сусеки, мыши не подлезут. Сусеки делали на шпунтах, плотные, с перегородками. Мука в чанах стояла – в больших кадках: ржаная, яшная, овсяная. Сорная мука – это когда рожь, ячмень и овёс мололи вместе. Пироги пекли из сорной муки. Овёс обдирали и толкли в ступе – толокно получалось. Своего хлеба хватало до нового.

* * *

Весной много оводу было, и коров пасли ночью (белые ночи). Пастух с подпаском. Подпаски менялись – из каждой семьи по очереди. У пастуха ружье, в лесу пасли-то. На коровах колокола – у каждой коровы свой голос. В девять утра коровы сами бежали из лесу домой – и хвосты на спине. Тучи оводу за ними. Ворота открывали заранее. Коровы бегом во двор влетали. Как подоят их, спать ложились. Вечером опять выгоняют. Овод не летал в темноте – покрутится у двора и улетит.

В жнитво и в покос овод пропадал, коров гоняли днём. Часа в три утра пастух барабанил. На шее у него на верёвке висела пихтовая доска с провернутыми в ней дырками. В руках две пихтовые палки. Далеко слышно, за много километров. Ещё и солнца нет. Первый раз пастух пройдёт по деревне, будит людей. Идёт к кому-нибудь завтракать, по очереди. Кормили хорошо – яички, творог, молоко. С собой в лес давали яйца и пирогов. Он и картошку сырую брал с собой – в лесу пёк. У него при дороге шалаш был. Сумка через плечо. Пока пастух ест, баба корову доит. Второй раз пастух идёт по деревне, барабанит. Каждая хозяйка гонит свою коровушку прутиком к прогону между избами и огородами.

Коров на новую траву выгоняли рано, когда молодая травка только прощипываться начинает. Скот ел старую ветошь — прошлогоднюю траву. Овечки вместе с коровами. Первый раз выгоняли с вербой. Весной, в вербное воскресенье святаи вербочу, в пучки связывали и хранили у божницы. Вот такой вербочкой и выгоняли скотину на молодую травку. А потом уже обычным прутом.

* * *

На Ивана Постного (в сентябре) случился падёж скота — «ускотье». Сделали обещание и приехали из церкви попы, дьякон, псаломщик. Два мужика несли икону Ивана Постного (на тарелке отрубленная голова). У кулацкого дома прошла служба. Потом попы пошли к прогону. До обеда это было. Скот весь стоит во дворе голодный. Встали попы у прогона. Все в ризах, поют, машут кадилом. Мимо них стали скот прогонять, а скот боится, не идёт. Коровы режут, овцы блеют, кони на дыбы встают — их за уздечку держат. Пастух с барабаном. Кое-как прогнали скот. Тогда попы идут к другому прогону — их два было в деревне. И два пастуха. Чтобы ни одной животины, кроме кур, во дворе не оставалось. Каждый год проводили такой обряд, чтобы от мора.

В Ескине обещание делали (давали обет) и службу проводили, чтобы медведь корову не задрал. Это на Воздвижение (осенью). В это время скот в лес далеко не гоняли. Медведь в это время берлогу ищет, бесится.

* * *

Коров доили всегда два раза — утром и вечером, давали десять литров. Летом часов в шесть вечера пригоняли из покотины. За коровами ходили сами хозяева. Коровы далеко разбредались по лесу, километров за шесть, до осека. Пастух ходил по лесу. Барабанил. Он знал, чья корова где пасётся, в каком углу. Перед концом пастьбы он обходил весь лес. А иногда и не знал. Ходишь-ходишь, слушаешь-слушаешь, где колокол-то боркает. Покуда все коровы не найдутся, пастух из лесу не уйдёт. И наревишься-то. Дотемна искали. А то и ночевать оставались в лесу. Всю ночь бегали, кричали, медведя отпугивали. Были коровы — заблудницы. Одна корова со своим телёнком всё время отдельно от всех паслась, уходила в сторону на приболоток. Переживали за эту коровушку. Вся деревня знала, у кого корова не ночевала дома. Если забудут

закрыть завор на осеке, то и за осек могут коровы-то уйти, в другую волость.

За коровами ходили ребятишки. Не пой, не корми – дай за коровами сходить. Родители отпускали, когда четыре часа было. Сами-то на покосе. Меряют тень от себя. Четыре шага – четыре часа. Тогда и отпускали. Идём по лесу, озоруем, ухаем... И старухи ходили за коровами. А овцы сами прибегали домой. И волки на них нападали. А они не убегали. Отбегут в сторону, встанут и смотрят, как волк овцу-то треплет.

* * *

С полей камни убирали. А сейчас поля заброшены, скот на них пасут.

* * *

После голода-то (1921г.) картошки стали в Рубцове много сажать. Дома в подполе держали, она прорастала. А на семена в яму закладывали на горе вместе с брюквой, репой и кочнями капусты. Тёсом яму-то обкладывали.

* * *

Пахали сохами, плуги появились при НЭПе. Дед Степан поехал в Георгиевское, купил плуг в кредит, с сошниками. Бороны были деревянные с такими же зубьями. Потом пошли бороны железные. Вилы железные. Стога метали трёхзубыми! деревянным вилами.

* * *

Навоз вывозили летом, около Троицы. На пары. Телеги назёмные. Накладывали во дворе взрослые, а на конях вывозили дети, километра за три, на свою полосу. Железными крючьями сгребали навоз через каждые два метра. Перед сенокосом заваливать начнут – раскидают навоз, плугом запашут. Отец пашет, а мы идем впереди да навоз в борозды! заправляем. Озимое поле, под рожь. Когда сеяли, опять пахали.

Когда ячмень уберут, то по осени по жнитву вспашут, заборонят. Навоз вывозят к Троице, чтобы недолго лежал, не сох. Рожь сильная родилась, где навозу больше. Серп не берёт. Торопились жать, пока не легла.

Для чего навоз клали под рожь? Он преет – зерно греет, а то бы зимой вымерзало. Да и удобрение – без навоза не нарастет. Под яровые навоз не клали. Яровые шли после озимых

по тому же полю. Рожь не пололи. Пололи только яровые, особенно лён. Жито взошло яровое – ячмень, пшеница – девки идут с корзинами полоть, траву высыпают на межу. Сорняков мало росло, за два дня прополют полосы-то. Потом за прополку льна возьмутся.

* * *

В начале июля косы в руки брали, скотине на зиму сено готовить. Брали соль с собой, горстями кидали её в стог. Пласт сена – горсть соли, сено не слежится. Как подмёрзнет да снег выпадет, всё сено домой с пожни свозили. Пока не привезут сено, скотину кормят полиной. На ближних лугах и стогах не ставили – сразу домой сено везли.

На дальних пожнях избушки ставили, сеновалы. Неделями там жили. С собой пестерь с едой: хлеб, картошку, дрязды луку, крупы в мешочках. Варили суп – «лесную кашу». Сделают таганку, повесят котелок, начистят картошку, порежут, крупы всякой бросят, луку покрошат – каша готова. Нальют в блюдо, толчёных сухарей туда и топлёного масла. Молока брали с собой и простоквашу. Суп густой выходил.

Косить начинали рано, по росе. Суп варили к обеду. Потом отдыхали. После отдыха вскипятят чаю – чашки брали с собой, напьются и пойдут сено загребать в большие копны. Сделают стожевыще – воткнут жердь в землю, вокруг веток накидают – сено будет не на земле лежать и вода не подойдёт. Стог сметаем и опять косим. А если от дома близко, то суп не варим, домой ходим с косами на плечах.

* * *

Лён. Его сеяли на лучшей земле – на плохой он не растёт. Пашут весной, потом «крючат» – лошадь ведут под узцы и боронят поле – то вдоль, то поперёк. Много раз бороной, а граблями разбивают комья, чтобы не осталось ни травинки, ни корешка на поле. Боронят всегда женщины. Не каждая умела хорошо крючить. Мать идёт с лошадью вперёд, а девки её сзади собирают в подолы траву. Чистота – главное. Отец потом посеет лён вдоль полосы и заборонит.

Лён всходит через неделю, полют его в начале июня, и цветёт в июне. Лён стоит, пока все головки не станут коричневыми, чтобы не было зелёных. Потом его начинают дёргать руками – примерно в середине августа, после покоса. Надёргают горсти две, вяжут в снопики соломенными вязанцами и крест-накрест складывают. Снопики на два

посада. Ставят на корень — долго выстаивается. Потом привезут жердей, вобьют колья в землю, положат на них жерди и вывешают лён недели на две. В Арганове лён развешивали дома на огородах.

Потом приезжают на одрах и увозят подсохший лён на гумно. Затопят теплинку, лён посадят на овин и сушат. Как только лён высохнет, его снимают, стелют на долони вдоль и околачивают колотушкой тяжёлой. Каждый колотит свой сноп. Чтобы не осталось семени.

Околоченный лён называют уже «трестой». Её вывозят на луга и расстилают, чтобы вымокло. Три недели лён лежит — и дождями его мочит, и снегом западёт в раннюю осень.

Около Покрова лён снимут, поставят в бабки на корню, чтобы подсох. Потом собирают в вязенцы (охапки), делают соломенные опоеся, вяжут в толстые снопы и увозят на одре в гумно. Опять жгут теплинку, сушат лён в овине. Ночь просушат, утром вязенцы скинут и деревянной мялкой мнут. Мялки ручные. Это два гладких бревна длиной по два метра. В каждом бревне выдолблено по две глубокие борозды. Верхнее бревно с ручкой. Лён пропускается между этими бревнами.

Мять лён — работа тяжёлая, зовут соседей на помощь. Готовят хороший обед, с пирогами. Кормят в овине. На работу выходили рано. Быстро-быстро всё делали, до сорока куч наминали до обеда. После обеда доминали. В куче сорок повесмов (повесма — горсть, сколько можешь ухватить). Когда лён мнут, отлетает кострица, получается куделя. По сорок повесм свяжут соломой в кучи и отвезут домой, свалят куделю на сарае. Потом куделю носят понемногу в избу, сушат на печи.

Около Покрова лён начинают трепать трепалом — тонкой дощечкой с ручкой, чтобы кострица вылетала. Треплют во дворе, одевшись потеплее с толстым передником. И соседки приходят — каждая со своим льном. Сидят на лавочках, возгудают песни. Лён положат на лавочку, сядут на него, выдергивают из-под себя повесмы и бьют трепалом на колене — кострица вылетает. Лён чистый становится. В колхоз привезли потом машину, но она повесмы раздергивала и в середине кострица оставалась. Всю осень так вот лён трепали. И в дождь под крышей. Ворота настежь, чтобы выдувало кострицу. Работа весёлая, с песнями.

Истрепали лён, опять завязали в кучу по сорок повесм. Уже в избе лён начинают чесать. По одной-две кучи заносят в дом. Чесали щётками. Был в Слободе один мужик, делал их. Брал свиную щеть (щетину на спине), обливал горючей серой — сам добывал, связывал в тяжёлые, жёсткие пучки вроде маленькой кисти, только без ручки. Этой щетью и чесали.

Сидим в избе, берём повесма и чешем их. Верхний слой очешешь — «изгребий» называется. Это плохой лён. Перебираешь, пока не останется одно волокно. Это волокно потом в кудельки завертываем (свитки) и начинаем прясть нитки на самопрялке. Изгребий тоже пряли, но нитки уже низкого сорта, грубые.

Пряжу моют в кадках — слой соломы овсяной — слой мотовья. Заливают водой. Мокнет неделю. Потом вынут и повезут на реку мыть в проруби. Вымоют и дома на огороде развешат. Висит, пока не замёрзнет, не вымерзнет, не сделается мягкой. Мёрзнет несколько дней. Вымерзнет пряжа, несут домой и опять сушат. Высушат, встрясут и будут на трубицы вить. Трубица — палка, на палке втулка из дранки. Рядом баба на четырёх ножках. Это пень суковатый стоит. В середину пня вбит гвоздь, на гвоздь одеваются воробы — накрест сколоченные неширокие доски с отверстиями посередине. Воробы накладываются на гвоздь, на воробы мот напяливают и начинают наматывать на вьюшку (трубицу). Воробы вертятся. Трубица вертится на валике — палке. Трубица (вьюшка) делается из осины — и легче, и середину выдолбить хорошо. Или из липы. Бабы не у всех были. Ходят, просят: «Дай бабы!»

После того, как лён навьют, будут сновать. Сновально — шест вставляется в скобу, а та в матице. На шесте вращаются вроде спиц и на них в несколько рядов навивают. Затем плетут вроде косы и начинают ткать. Кросна — деревянный стан метр высотой, два шириной. Кросна ставят у окна. На навой навьют ниченца из ниток, бёрдо примут, набивки поставят и ткут. Ткут концы по двадцать два аршина, полметра ширины.

Выткали концы, начинают их белить. Бучат в щёлоке. Потом холсты выстилают на снегу и они лежат, пока не сойдёт снег, их переворачивают. Весной, как снег тонок станет, холсты выполощут, высушат и на место складут. На другой год холсты опять белят. Года три белят холсты. Если только один год, то холст серый, суровый.

Льном засевали примерно четверть душевого надела. Чёсеного льну напрядали пуда три. Из этого льна выткут концов шесть. Остальное до другого года остается. Два пуда продавали по восемь рублей за пуд. Купцы ездили осенью, закупали лён, когда его очешут. Ещё при Ленине, при НЭПе купцы ездили. При советской власти льну стали сеять много. Концов по двадцати зимой лежало на снегу-то.

Изба. Избы строили высокие, просторные с подполом и подклетами. Крыши тесовые, со стрехами. К избе пристраивался большой сарай (на Реже – поветь). На сарай вёл взезд, по которому заезжали возы с сеном. Изба и сарай соединялись мостом (на Реже – сени). Летом вся семья спала на сарае. Постель стлали на сене – утром закинут постель-то, а то куры летают, их гнёзда тут.

Войдёшь в избу – передняя, а там вторая половина. Между ними печь и кузь (кухня). Вдоль стен широкие лавки – на них спать можно. Зимой спали на печи и на полатах. Кровати были деревянные, но не у всех. Матрасы на них набиты соломой. Укрывались шубами. Стол тесовый, некрашенный. Его поливали кипятком и скоблили добела. У стола стулья – самоделки, ножки точёные.

В переднем углу божница, лампадка висит. Чердак – подволок. Там горенка с окном. Одежду, сундуки держали. Не спали там – блох много.

Под посуду был шкаф: над шкафом – блюдник. Шкаф назывался «судёнкой». Домотканых половиков почти ни у кого не было, только в богатых домах. После мытья полов стелили свежую солому, через два дня её убирали.

Печь топили круглый год – и летом. Ремонта не требовала. Если под выбьют, заменят новыми кирпичами. Трубу чистили часто – от пожара, чтобы сажа не загорелась. Под печью голубня – там держали ухваты, кочергу, сковородник на длинной ручке. Жар заматали помелом из сосновых веток.

Куры жили в подлабочнике. Их выпускали кормиться из корытца. Козлят и телят зимой держали в избе – отгораживали угол. Бань в Рубцове почти не было – только у богатых. Мылись в печах. Вытопят печь, выметут золу, застелют чистой соломой – вода в горшках. Залезут в печь, заслонкой закроются и парятся с веником. Бывало, старик так запарится, что очумеет и себя не помнит. Маленькие дети мылись в печи вместе с матерью или с бабушкой. Мыла не было – делали щёлок из золы. И бельё бучили в кадках со щёлоком.

Хлеб творили в квашне на 6-7 караваев один раз в неделю, на старой закваске, оставшейся от прошлого раза. Пекли подовики на капустном листе. Квашенку закрывали сверху скатёркой. Тесто на пирог творили с вечера, и на шаньги тоже – из хорошей муки, на молоке. На шаньги творили тесто в кринке. На дрожжах. Как и пироги. Пословица есть: «Сам-то на закваске, а любит-то на дрожжах».

Горшки делали на Усть-Реке. Устречане ходили по домам, принимали заказы. Кому что — горшки, кувшины, кринки, корчаги с крышками. Отец с сыном ходили. А квас на покос носили в берестяных тuesках. И молоко, и простоквашу держали в тuesках. Не протекали они. Из бересты делали солоницы — на столе соль держали. А большие, сапогом, солоники с собой брели в лес или на покос. Липы у нас не было, лыко из березы делали. Срежут березу да и обдерут её.

* * *

Осени тёплые были — в августе хоть уши пали. В октябре самая носка грибов. Уже иней, а в кустах волжанки росли. Лета были тёплые. Помидоров и огурцов не сажали, хотя знали о них. Одна семья только сажала — в городе побывали. Так к Петрову дню у них уже огурцы. А сажали все в огороде картошку, капусту, брюкву, редьку, лук и чеснок. Морковь не знали, укроп тоже. Божатка привезла из Москвы семена красной свёклы, так голодаевцы шли мимо на гулянье, всю свёклу повыдергали. А горох сеяли в поле. Ели щавель и дудки.

А пироги такие пекли. Наливушки — сверху обливали овсяной крупой, замешанной на сметане. Преснушки — на сочень из пресного теста клали картофельное пюре на яйцо и молоко. Загибушки — с разной начинкой: ягодники (с черникой или голубикой), с пареной брюквой (рипники), с кашей, творогом, грибами (чиличники), с картошкой (яблашники), с капустой, с горохом — гороховики. Рыбники.

* * *

Обувь. Ступни — мелкие лапти, без верёвок. В них ходили во двор к скотине, по жнитву ходили во время жатвы — ноги не наколоть, носки у ступней узкие. Лапти с тупыми носками и верёвками. Онучи. И богатые в лаптях ходили новину прятать. Сапоги-то прорвёшь. Праздничные сапоги у богатых были хромовые, лакированные. В калошах — если день сухой, солнечный. В дождь калоши не одевали, берегли. «При калошах, при часах, да девка пёрнула».

Опойковые сапоги (из телячьей кожи) — мягкие, лёгкие. Их шили ребятишкам. Взрослым — из кожи быка, коровины, лошадины. В хромовые сапоги в подошву вшивали куски бересты — сапоги со скрипом, самые модные.

У мужиков были и ботинки, а у баб — башмаки. Из города привозили заготовки и наши сапожники ставили их на подмётки. Женские башмаки с высокими голенищами, голяшки закрывали, со шнурками. Из опойки мужики сами себе шили

ботинки. У женщин – покупные. Вындень все босые ходили. Кожаники брали на покос – по утрам-то холодно. А жали в ступнях.

* * *

Оболочка (одежда). Полушубки, шубняки – длинные, позаколенные. Дублёные корьём. Обшивали холстиной крашеной, кубовой краской. Но не все. Шубы шили из двенадцати овчин. Ими зимой окутывались, не носили. Тулуп до полу, с высоким воротником. Под него поддевали шубняк. В лес за дровами ездили, за сеном. Зимой штаны ватные, холщовые. Под ними портки – подштанники. Летом тоже штаны из холста. Ситцевые берегли. Рубаху на голое тело надевали, в ней и спать ложились. Доносят – колом стоит. На праздник в гости ходили в сатиновых рубахах, в них же и спали.

У женщин юбки широкие, бористые (с оборками), кофты. Старухи звали кофты «пальтушками». Передник, фата (фатка). Сарафан, под ним рубаха – исподка. Верх исподки из тонкого холста. Низ – из грубого холста, становина. Платьев не было. Юбка и кофта – пара, если из одного материала, ситца или сатина. Рукавицы – шубенки, голицы – из холста, на вате шили.

* * *

Пища. Погребов не делали в Рубцове – низко. В Арганове были. Капуста квашенная, грибы солёные в кадушках – всю зиму на сарае, замерзали. Щи постные из свежей капусты, каша яшная, овсяная – с постным маслом. Пшённая да рисовая – по годовым праздникам. Картофельное пюре мешали с яйцом и молоком и запекали в печи – «яичница». Селянку делали, а глазунью – никогда. Соломат месили – овсяную крупу с коровьим маслом – в печи разопревало. Соломатом набивали свиные кишки, но свиней мало кто держал. Кисель гороховый варили. С квасом хлебали студень, тёртую редьку, толокно. Голубику сушили. Малины не было. Мясо ели только по осени да в зимний мясоед – до Великого поста. В пост только и жили тем, что из лесу наносили да на огороде нарастят.

Глава третья В Рубцове отдыхают

Вечерины

Все полевые работы закончены. В конце октября начинались вечерины. Их устраивали в больших домах — хозяевам или деньгами платили, или отработывали: парни дров навозят, а девки ниток напрядут — по моту каждая. Если девок в деревне много (десятка три), то устраивали две вечерины — большую и малую. На большой вечерине собирались взрослые парни и девушки, а на малой — подростки. Но бывали там и почти невесты, так что парни иной раз, к немалой злости девок, уходили на малую вечерину, да и оставались там. Если девчонки понравятся.

На вечерину собирались, как стемнеет, вечериться начнёт — часов в пять вечера. Сначала сходятся девки с прялками и куделей, начинают прядь. Потом ребята собираются партией, с гармошкой. Девки волнуются, ждут. «Вон голодаевские ребята идут». Если какая-либо девушка приморится и уснёт, её разбудят: «Вставай! Ребята идут, а ты спишь. Скажут, на вечерине девка спит».

С шумом вваливается партия за партией в избу и начинается. Сначала двое ребят, кто посмелей, берут пучок лучины, которую девки заранее запасают и начинают игру — «кудри жгать». Под потолком горит керосиновая лампа, а ребята обходят всех девок, сидящих на лавках вдоль стен, и возле каждой зажигают лучину, чтобы лучше было видно, кто сидит за пресницей. Каждая девка отрывала пук кудели, ребята жгли её и спрашивали: «Чьи кудри горят?» И она называла имя своего жениха — «Павла Ивановича кудри горят». Девки, к которым ещё не подошли с лучиной, прихорашиваются, смотрятся в зеркальце, причёсываются. На каждой преснице девки навесят свои фатки.

Как только кончат «жечь кудри», двое ребят — плясанников начинают дробить под гармошку. Потом парень с девкой кружком начинают плясать — и так до тех пор, пока все девки, желающие плясать, не перепляшут с ними.

Часу в двенадцатом, как только отплясались, кто хотел, парни садятся возле девок. Гуляет парень с девкой или не гуляет, всё равно садится рядом. Те, кто гуляют, сидят в обнимку. Парень обнимает девушку, а та прядёт. Бывает, весь вечер и не отходит от неё. До двенадцати ночи, до петухов возгудают песни. Поют и поют. Как только петухи пропоют, девки, как по команде, поднимаются, их ребята провожают —

каждый свою девку домой. По субботам и по праздникам мы не пряли.

В великий пост начинаем ткать. Выткут и на всю весну расстелют холсты на снегу, возле домов. Отбеливали. Бывали случаи, что из соседних деревень приходили их красть. Чтобы этого не случилось, девки делали в огороде «караулы» – шалаши из соломы. Строить караулы помогали девкам ребята. В каждом карауле собиралось девок по пять, приносили тулупы и так спали в соломе всю весну. Вместе с девками спали в карауле и ребята. Они дождаться не могли, когда девки начнут спать в караулах. Это время приходило, и для ребят наступали бессонные ночи. Баловались с девками в соломе всю ночь. С которой девкой парень гуляет, с ней и спит под одним тулупом.

Летом в воскресный день молодёжь из всех окрестных деревень сходилась на широкую луговину с мелким кустарником. Это поле находилось между деревнями и на него собиралось по несколько сот парней и девок. Плясали. Песни, гармошка весь день – потом парами расходились по кусточкам. К вечеру расходились по домам и собирались уже на луговину в своей деревне.

По неписанному закону каждый парень, с которой девушкой гулял, на ней и жениться. Исключения редко бывали.

* * *

Престольный праздник на Рубцове был Покров (14 октября). Варили пиво. Семьи три-четыре договаривались, складывались по пуду ржи. Зерно засыпали в кадушку с водой, потом проращивали. Пророщенное зерно сушили в печи, расстилали тонким слоем, на сутки. Солоделая рожь сладкая. Высушенную рожь мололи на жерновках, получался солод. Потом на огороде, на задах делали подмости деревянные, на них клали железный шест, а на шесте вешали огромный пивной котёл вёдер на 15-20. В этом чану и варили пиво.

Как только сусло сварится, его делили по пять вёдер на каждую семью. Дома уже доваривали пиво, добавляя хмель, приготовленный особым способом. Сусло начинало бродить – шапка пены. Выбродит и станет пиво густое, чёрное, пьяное. Его в кадушках держали. А если для себя только, то варили в печи, в корчагах с плотно закрытой крышкой с дырочкой. Хмель в лесу собирали или возле домов выращивали. На зиму колья выдергивали, а корни навозом присыпали, чтобы не помёрзли. И дрожжи для пирогов из хмеля делали. «Мелом» их называли.

Бабы ночью (в сочельник) всё готовили к празднику – варили мясные щи (без капусты), каши разные, пекли пироги. Филиппов пост кончился – надо разговляться. Пироги с наливушкой. У кого корова не доит, дают друг другу молоко, простоквашу – бесплатно.

Обедают без хмельного. Ложатся спать. Выспались. Молодой народ собирается в одном месте. Ребята снимают избу у хорошего хозяина. Был такой мужик без руки – у него пятистенки. Так он пускал молодёжь. Хозяйство крепкое, семья большая, а работать некому. Так ребята и девки у него отработывали по одному дню – кто воз дров привезёт, кто их переколет, а кто на покос сходит или хлеб пожнёт... Хороший был хозяин, его побаивались – не расхулиганишься. Зимой в пятистенках не жили – вот их и сдавали. В Арганове же молодые нанимали избу у самых бедных – там свобода, вольно.

Избу в Рождество снимали на два дня. На Новый год тоже на два дня, а в Крещение – на один. Собирались с гармошками, плясали. Часов до двенадцати ночи. Обедать домой ходили. Девки плясали кружком, и по две девки, и по четыре. Припевали частушки, дробили. Как из кузова частушки сыпались. Бывали парни и выпимши, но не дрались. Парень с девкой шли на перепляс, и два парня по очереди.

В простые дни девки держали вечеринки по очереди. А если людно, то снимали избу. Приходили с прялками. Приходили ребята из других деревень. До двенадцати часов ночи девки прядут, а парни пляшут да поют. На вечеринки уходили в шесть вечера, с прялкой. Мороз 40 градусов, а ты в одной кофточке да юбке. На голове платочек. И без чулок – валенки на босу ногу, рейтузы не носили. Бежишь через всю деревню. Прибежишь, а в избе-то хоть волков морозь. На шестке жгли лучины – грелись. Девки приходили раньше парней, все нарядные. Парни тоже, в валенках дробят.

Гадали – больше девки. В бане закрывается ночью, руку выставит из окошка и ждёт. Если схватит голая рука – за бедного замуж выйдет, а мохнатая – за богатого. Озорники-ребята оденут рукавицу овчиной вверх, подкрадутся да и схватят девку за руку. Та памяти лишалась. На росстани ходили в полночь, слушали – с какой стороны прозвенит колокольчик, в ту деревню замуж выдадут. В подпол парни лазили – смотрели через хомут в зеркало, при свече, – свою суженую высматривали. И так две недели – до Крещения.

Крещение

В субботу перед Крещением все идут в церковь за святой водой – с туесками и котелками. В церкви большой чан стоит, туда крест окунали. Вечером разводят святую воду в шайке и начинают кропить. В первую очередь – гумно. Отец мой, Степан, и на овин слазит, и в овин.

На другой день все на лошадях ехали к реке. Которые мужики обещались, окунаются в прорубь. Им дают водки, кутают в тулуп и на санях везут домой (обещаться – дать в церкви обет). Мария Васильевна обещалась отправить сына своего, Александра, когда он вырастет, на год в Соловки. У мальчика была золотуха, бросилась на глаза. Александр Степанович спустя полвека всё выговаривал старухе-матери: «Если бы не Советская власть, ты бы на целый год упекла меня в Соловки на монахов работать».

Пасха

В субботу на страстной неделе все ходили в церковь на исповедь. Детей тоже исповедовали. Поп спрашивал:

- Грешна ли, раба божия? Горох воровала?
- Слушалась ли отца с матерью?
- Не обижала ли старших?

В воскресенье шли в церковь на причастие. Мужики всегда стояли справа, женщины – слева. Мальчики на мужской стороне, девочки – на женской. Сначала поп причащал мужиков, а потом женщин.

Народный юмор об исповеди. Поп спрашивает девчонку: «Горох воровала ли?» – «Нет, батюшка». – «Слушалась ли отца с матерью?» – «Да, батюшка». – «А с ребятами спала, раба божия?» – «Ну что ты, батюшка, разве они дадут уснуть-то?»

Служба в церкви всю ночь идёт. В двенадцать часов провозглашают: «Христос воскрес! Воистину воскрес!»

Перед Пасхой всю избу мыли, даже потолки. И ложки другие на стол клали, праздничные – новые, деревянные. Потом их убирали до следующей Пасхи. Хозяйки в церковь не ходили – пироги пекли, всё готовили. Пришли люди из церкви, за стол садятся. Разговленье. Каша с молоком, творог, яичница. Вина не пили, куличи не пекли, только пироги. Поедят и все спать лягут – кто на голбце, кто на печи, кто на лавке... В Пасху гости не приходили, дома только свои.

Выспались, победали и разошлись: мужики к мужикам, бабы к бабам – человек по десять. В пасху не пьянствовали –

и понятия не было. Молодой народ на гулянку пошёл в Георгиевскую. Деревень из двадцати сходились, с гармошками. Ребята выпьют немного, пляшут, толкаются... Дрались. Из-за ничего. Одна партия пляшет, другая пришла – выталкивают прежних.

На другой день после Пасхи все выраженные шли на гулянье. Качуля была, вверх поднималась (вроде «чёртового колеса?»). Карусель с конями. Мужики крутили карусель – за деньги, за яйца.

Два дня поп не собирает, а потом вместе с дьяконом и псаломщиком ходит по деревне. С иконами, у попа в руке крест. Зайдут в избу: «Христос воскрес!» Покропят святой водой. На столе скатерть, два караваев хлеба друг на друге. Соль в солонице и свеча в ней горит. В богатых домах кормят. Все грое снимут ризы и садятся за стол. Без вина. Поп уйдёт. Один каравай уносят для попа. Восемьдесят домов – восемьдесят караваев. Но не все носили и не каждый раз. «Грех не носить-то», – думаешь. На Рубцове было 110 домов, два дня поп обходил деревню.

Троица

Красили яйца, ходили на луга. В одном месте народу собиралось тьма. Яйца катали. Венки по воде не пускали. На Троицу каждый хозяин привозил из лесу воз берёзок. Насадят вокруг дома, польют. В церкви весь пол берёзками закидают. Потом берёзки завянут, они ведь без корней, срублены,

В деревне кое-у кого посажены были берёзки, но больше – черёмуха и рябина.

Одним из самых любимых праздников была Масленица. Катались на расписных санях по деревне, жгли костры, пекли блины и шаньги.

Глава четвертая **Побег из колхозной неволи**

Когда стала широкополосица, мы хорошо зажили. У нас две лошади было, две коровы да овцы. Всё свое. И топоры и косы, и ножи – всё наточено. Своё точило было. Хлеба хватало. Одевались сами, из своей шерсти валенки катали. Яички дорогие были, сдашь в магазин два-три десятка – на платье материалу принесёшь. Ситец дешёвый, копейки стоил.

Дед наш, Василий, овчины квасил, сапоги шил, валенки катал. А отец зимой и весной, когда работы мало, в водополь,

подрабатывал – тѣс пилил продольной пилой. Платили и деньгами, и коровьим маслом, хлебом... На своих конях и на лесозаготовку ездил отец. Привезѣт трески соленой, пшена мешок, ситного хлеба.

Пшеничная мука и своя была. Не такая белая, как сейчас, но зато душистая. Пшеницу обдирали сначала, опихивали на мельницах в ступах, а потом уже мололи. Пирогов напечѣшь – по всей избе запах. Теперь пшеница пустая, дикая, запаху нет. Да, хорошо жили при единоличном хозяйстве. И в мыслях не было уезжать из деревни-то. Главное, землю получили при Советской власти. По едокам уравнили.

Колхозам мы сначала обрадовались – на работу с гармошками ходили, лён дѣргать. Дотемна суслоны ставили. А потом не заладилось. Раньше как? Рожь торопились жать, пока не легла. А колхозы начались – хоть вся ложись. Жнейка только поверху пройдет – не то, что серпами. Как выжнут, половина колосу на земле, зерна-то. С корзинами выгоняли собирать колоски. Управители-то плохие – мамтырили, сеяли, где не положено. Бобыли, нищие, бездомники стали председателями. Ничего не знали, нигде ничего не росло. Картошка-то на возвышенном месте должна, на песчаном месте. Пожня была на низком месте, цветов – аромату! На этой низине заставили посадить картошку. Место сырое – сгнила в земле вся. Тошно глядеть было. Были и хорошие хозяева, да отказывались от председательства-то. Народ на работу не идѣт, с барабанным боем выгоняли. Считали – не для себя работают.

Налогами задушили, трудодень пустой стал. Надо было сдавать молоко, яички, шерсть, мясо... Бери, где хочешь, а если нет – покупай. Задушили налогами. На лесозаготовки гоняли в принудительном порядке – и мужиков, и женщин. Жили в лесу в бараках – истопках. И есть ничего. До колхозов тоже налоги платили, но немного. Никто бы не уехал из деревни-то, если бы не колхозы. А тут народ побежал, кто куда.

В 1935-1936 годах колхозников – кто помоложе стали насильно отправлять каждую зиму на лесозаготовки. Мой Александр отработал в лесу два года. Сначала лесорубом, сплавщиком и сломал спину. Стал возчиком, развозил хлеб в лесопункте. А 36-й год голодный был в Вологде, всё погнило. И коров кормить нечем. Колхозники сдавали скот по дешѣвке на мясопункты. Килограмм хлеба стоил много дороже килограмма мяса. Но отец был сыт – по дороге сбрасывал буханку хлеба в снег (а она четыре килограмма). Сушил сухари. За недостачу с отца вычитали по казѣнной цене, а не по коммерческой. Жил он в своей комнатке на втором этаже.

Однажды председатель колхоза приехал проводить своих колхозников. А те встретили его матом – не угостили даже чаем с дороги. А человек-то приехал за сорок километров в мороз. Тогда председатель завернул к Александру. Тот накормил его, напоил чаем с сахаром и спать уложил на свою койку, а сам лёг на полу. Председатель, уезжая, сказал: «Век тебе это не забуду, Цветков. Как только будут вербовать, первый попадёшь. Жди! Скоро тебя отсюда заберу!» И слово сдержал.

Паспортов в то время у колхозников не было, так что не уедешь. Если только завербоваться на лесозаготовки. Тогда паспорт получишь. Все тогда стремились завербоваться и бежать из деревни от голода. Полгода отработаешь на лесозаготовках и валяй на все четыре стороны! Вербовались по жеребьёвке, но сначала кандидатуры обсуждались на общем колхозном собрании. Жеребьёвки проходили летом, когда колхозники возвращались из лесопунктов домой.

Летом 1937-го года опять состоялась такая вербовка. Из района приехал в Арганово вербовщик. Мы зарезали поросёнка, купили мёду, и Александр позвал в гости председателя колхоза и вербовщика. Пировали всю ночь.

На общем собрании вся деревня поднялась против Цветкова. Он, мол, два года был на лесозаготовках, сытый был, а мы тут голодали... Тогда на другой день вербовщик и председатель колхоза поехали в сельсовет. Снова собрание. Председатель говорит: «Вы не хотите, чтобы Цветков завербовался. Я был в сельсовете и мне объяснили. Раз я вызвал Цветкова из лесопункта, тряхнул его с места, то имею право выдать ему документы без вашего согласия». Все рты разинули. Тут же была написана справка – разрешение на получение документов, а счетовод поставил подпись и поставил штамп.

Мне паспорт выдали сразу, а Александр поехал за ним в райцентр – в Сямжу. Там уже собралось много завербованных. Все в одной избе. Каждый подходил по очереди к столу, получал паспорт и тут же сдавал его вербовщику. И получал подъёмные. Александр, не будь дурак, паспорт получил и в карман его, а деньги брать не стал. В дверях ещё один вербовщик стоял – старик. Александр, малый дюжий, оттолкнул его и дал дёру, крикнув на прощанье: «Денег я не взял, вам не должен. Я птичка вольная».

И полетела птичка домой, в Арганово. А это сорок километров. Прибежал ночью, разбудил меня: «Собирайся!» А у меня ты на руках, четырёх дней отроду. Ну, сложили вещи в сундук, сосед – родственник запряг в телегу лошадь, бросил соломы охапку и на рассвете мы тронулись в дорогу, на станцию Харовская. Это сто километров.

Через каждые 25 километров делали остановку – кормили лошадь, пеленали младенца. Отец обегает всю деревню, найдёт бабку, чтобы помыть ребенка, платит не торгуясь. Бабка поставит самовар и лезет в печь мыть младенца. Так и доехали до Харевска. А я никогда раньше не видела железной дороги. Как паровоз-то взухал, так сердце в пятки ушло. Я всё боялась, что нас настигнут. Успокоилась, когда в вагон сели и поезд тронулся.

* * *

Путь беглецов лежал на Москву. Там начиналась для моих родителей новая жизнь. Но до седых волос они не забывали родную деревню, долгими зимними вечерами без конца вспоминали Арганово и Рубцово. В начале 60-х годов XX века они оба съездили на свою родину и попрощались с местами, где прошла их молодость, сходили на погост к дорогим могилам. Свёглая им память!

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ ПРИЛОЖЕНИЯ

Словарь аргановского говора

Астрадым – человек большого роста. «С Астрадыма вырос, а ума не вынес».

Баять – говорить.

Батог – посох, палка.

Блюдник – полка для блюд и плошек.

Бачеруха – большуха, хозяйка. Бачерушничать – заниматься хозяйством.

Брюшина – живот. Забрюшно – тяжело, трудно.

Баской – красивый. «Машина баская, железо насвичено».

Блазнить – мерещиться.

Ботало – коровий колокольчик.

Бористый – с оборками.

Брилы – губы. «Брилы отвисив». Бриластый.

Бажить – желать.

Божатка – тётка родная.

Буровить – нести околёсицу.

Баушка – бабушка.

Боркать – стучать, греметь.

Бутыскаться – бодаться.

Братина – большой ковш.

Бедко – жалостливо, жалобно.

Бучить – кипятить в кадушке бельё, пряжу.

Выставляться – ломаться, строить из себя.

Виски – лохмотья. Вискотряс – оборванец.

Вопроход – то и дело, постоянно.

Верхосытка – последнее блюдо, десерт.

Вёдро – ясный, солнечный день.

Взбужать – бить (бутузить).

Веньгать – канючить (о детях).

Выстегнуть (стекло) – выбить.

Вьюшка – втулка в колесе.

Вершки – сметана.

Выть – есть по вытям, то есть в определенное время.

Вындень – будний день.

Вовненцы – волнушки.

Вьюнок – венок из цветов.
Воплоть – вплотную.
Витень – кнут.
Взыондывать – о порывах ветра.
Выряды – наряды.
Вызнять голову – поднять.
Верея – воротный столб.
Волоком случилось – в дороге.
Возгудать – громко петь.
Вязенка – вязаный платок.
Вар – зной.
Вича – прут. «Вича не изувичит, а память даёт».
Везиво – перевясло.
Водополь – половодье.
Выреза – наличники.
Горнушки – печурки.
Голубня – подпечье.
Голицы – руковицы из холста.
Глибка сахара – кусочек.
Глядельце – зеркальце.
Галанка – брюква.
Говорко – шумно в избе.
Губница – грибной суп. Губы – грибы.
Гущаной – насквозь промокший.
Голбец – припечье, ступеньки.
Голоды – нахалы, бессовестные люди.
Грудка – костерок.
Дикариться – выламываться. «Полно дикариться-то»!
Доспелось – «Ничего тебе не доспелется», то есть не сделается.
Довзаболи – всерьёз.
Доброхотко – домовой.
Допраха – много.
Дряховщина – болтунья, сплетница.
Дыдло – дылда.
Долонишнего – в позапрошлом году.
Довелась рыба – протухла.
Досажать – надоедать, мешать. Не досажай!
Домоседка – большой платок.
Дивья – девичья.
Долгий – длинный.
Долонь – ладонь, ток на гумне.
Духмяный – запашистый.
Дряньё – мусор.
Дресва – крупный речной песок.
Есвенно – явственно.

Евшина – ольха.
Жавкой – жалкий.
Жалость – любовь.
Жолоба – тесины на крыше.
Жарина – жарыща.
Жито – всё зерно.
Жнитвина – стерня.
Жови в рот! – Типун тебе на язык!
Жубрить – жевать.
Жировая изба – жилая.
Жамки – лакомства, гостинцы.
Жоркой – прожорливый.
Закропать – зашить.
Застегнуть – убить (от «стегать»).
Загнетать – загонять, принуждать (в колхоз вступать).
Загрузнуть – увязнуть в грязи.
Закрываашка – крышка.
Заласкивать – улещивать.
Застать – закрыть корову во дворе, не пускать пастись.
Заспа – овсяная крупа.
Захряснуть – во рту от черёмухи оскомины.
Зеленица – неспелая ягода.
Золить – докучать, надоедать.
Задоски – перегородка.
Заход – нужник.
Заворотить – загнуть, приврать.
Завор – жердяные ворота в осеке.
Зазнать – изведать. «Ты не зазнал войну-то!».
Зобня – корзина из дранки.
Закочурилась – загнулась.
Зимогор – хулиган, вор, шпана.
Застоя – защита, защитник (муж, сын, брат).
Забрать пору – вызреть.
Захарчел – задыхается.
Заварзать – загрязнить.
Завиденье – «И в завиденьи нет в магазине-то туфель»).
Запалишки – подгорелые корки.
Запуки – суеверия.
Задышка – одышка.
Загривок – шея.
Заборка – деревянная стенка, отделяющая кухню.
Знатьё – Кабы знатьё! Если бы знать!
Загибушки – пироги с начинкой.
Изгаляться – выламываться.
Изгваздаться – выпачкаться.

Исподка – нижняя женская рубашка.

Извара – кадка.

Копыло – сиденье у прялки. «Не бойся семи топоров, а бойся семи копылов».

Корчага – большой, на полтора ведра, глиняный сосуд с крышкой.

Кутило – беспутный человек.

Кожаники – яловые сапоги.

Катанки – валенки.

Кляс – лягушачья икра. «Трясется со страху, как лягуший кляс».

Кастить – портить воздух (от «кость»). Гниющие кости под ногами.

Кладутся куры. Отсюда поклад.

Косица – висок.

Крыльча – лопатки у человека.

Кубышки – кувшинки.

Княжица – красная смородина.

Камидить – смешить людей, валять ваньку.

Кислица – щавель.

Куть – кухня.

Кошелёк – табачный кисет.

Клюка – кочерга.

Косарь – нож для щипания лучины. Обломок косы.

Клеть (клить) – чулан, кладовка.

Коровина – коровья шкура.

Кусничать – оставлять недоеденные куски.

Кумоха ты тряслая! (Кумох, трясовиц, лихорадок – двенадцать).

Крестоватик – крестовый дом, пятистенки, разделённый ещё одной стеной.

Косточка (милая косточка есть у кл. – вызывает симпатию).

Краски – женские регулы.

Кондырь – козырек фуражки.

Круто говорить – быстро.

Катанцы – колобки из дрожжевого теста.

Кокова – кончик носа.

Кокоры – корточки. Сидеть на кокорах.

Коробковатый – коренастый, широкогрудый.

Кукситься – ребёнок куксится, спать хочет.

Конаться – Не конайся, не проси! Не дам денег.

Кавкать – кашлять.

Квилиться – капризничать (о ребёнке).

Крючить – оборонять поле под лён.

Кросна – ткацкий стан.

Караул – шалаш в огороде.

Лава – мост через речку.

Лонись – в прошлом году.
Лежанка – подтопок.
Лить не вылить – полное сходство двух человек.
Липушник – лопух.
Ловконькая девушка – симпатичная, красивая. Неловким голосом кричать. – Заполошно.
Лабаз – скрад на дереве при охоте на медведя.
Лешааться – ругаться, поминая лешего.
Мявкать – мяучить. «Не мявкой!» – на ребёнка, канючащего о чём-либо.
Малавить – помалавило. Привиделось, показалось, померещилось.
Мост – сени, коридор.
Мститься – помстилось, помалавило, померещилось.
Металка – длинный шест с сучком на конце для подачи снопов на овин.
Медуница – пчела.
Макушка – затылок.
Мучники – преснушки, только вместо картошки загибают в сочень дрожжевое тесто.
Мизгирь – паук.
Мрачить (в цирке) – гипнотизировать.
Мозговитый – умный.
Молотило – цеп.
Мел – дрожжи.
Мякушки – головки клевера.
Новой раз – иной раз.
Напостылило – надоело, опостылило.
Неподкультурена – необразованна, невежда.
Наокотюживаться – наесться до отвала.
Незамог – занемог.
Невознай – нечаянно, ненарочно.
Нечередницей кричать – дурным голосом, со страху.
Навыскырдык одеться – модно.
Навыезжают гости – понаедут.
Напрокудить – набаловать, набедокурить (кудь-чудь).
Нахлобучить брови – нахмурить.
Нарушить – сломать, испортить (Сон нарушили).
Назола – докучливый человек.
Нужник – уборная.
Наливушки – пироги, облитые овсяной крупой, замешанной на сметане.
Неприморчивый – терпеливый на еду.
Наровень – с крайми на ровень, до краёв.
Наохобачивать – есть за обе щеки.

Ночесь – ночью.
Напужиться – надуться.
Нестоена – недостойна.
Наподразку делать – нарочно, на зло.
Намедни – недавно.
Неловкой – некрасивый.
Немтырь – немой.
Немовать – долго не говорить (о ребенке).
Наволока – туча.
Новину прятать – вводить в оборот новую землю подсечно-огневым способом.
Непокошно бить кого-либо – безжалостно, чем попадая (от слова Покошь (Макошь) – финское божество добра и милосердия.
Одиначка – один сын в семье, не считая сестёр.
Окошеливаться – ошиваться.
Ой, па! Ой, дева! – восклицание, относящееся и к мужчине, и к женщине.
Обряжаться – заниматься хозяйством по дому.
Обряжуха – домохозяйка.
Обрадел – обрадовался.
Оттягать – отвлекать от работы.
Оживило, время есть – хорошо, что есть время.
Ономедки – недавно.
Отсед – отсюда.
Отсанец – ломать хлеба.
Отвод – ворота в околице деревни.
Отказывать – завещать.
Обрать – сбруя.
Опушенный дом – обитый тёсом.
Оболочка – верхняя одежда.
Опосясь – перевясла, соломенные жгуты.
Олелюшки – рогульки, преснушки.
Отрепё – пакля.
Осмокотать кость – обсосать, обглодать (смак).
Осек – изгородь в лесу, отделяющая поскотину от глухого леса.
Овинники – дрова для овинной печи, длинные поленья.
Одёр – телега с высокими перилами для перевозки снопов.
Ослобониться – освободиться.
Одножира – эгоист, себялюбец.
Откачнулся – отошёл (от семьи).
Озевать – проротозить.
Ожарить – стегнуть кнутом, прутом.
Обличье – лицо.
Огладить – обокрасть.
Обутка – обувь.

Отопок – чёрный таракан.
Оковалок – краюха хлеба.
Оксти жопу лучинкой! – Не мели чепуху!
Ополоски – помои.
Отпышкаться – отдышаться.
Обсевок – огрех в поле, незасеянный клочок земли. «Он не в поле обсевок», то есть имеет право.
Огроза – авторитет, власть. «Отца-то нет у парня, нет угрозы».
Опаздёрки – расхристанные, неухоженные ребяташки.
Опихивать овёс, пшеницу – обдирать.
Прытко – бойко.
Помрав – нрав.
Плоть – кожа на голове.
Премь – в одну премь работает. Настойчиво, упорно.
Протащить – прогнать. «Протащи его!»
Присталисто – лучше выглядеть. «Вот так-то присталистей будет?»
Пазло – глотка.
Передник – фартук.
Перелаз – изгородь.
Полоротый – горластый.
Пазгать – рвать, трепать.
Поманить – погодить. «Помани меня маленько!»
Потемнеть – ослепнуть.
Пущее место – болезненное, чувствительное.
Перегаркнуть – громко позвать.
Патрушить – озорничать, устраивать проделки (от ярмарочного Петрушки).
Приворотье – наружная дверь. «Приворотье затвори!».
Пужить – пучить живот.
Перевала – грозная туча.
Пелиться – мозолить глаза. «Не пелься тут!»
Перелитить дрова – сложить в поленницу на всё лето.
Причитальница – причётница, плакальщица.
Поезжане – участники свадебного поезда.
Перелёстный сват – лстивый, расхваливающий жениха.
Поварёшка – уполовник.
Подволох – чердак.
Подклет – хлев.
Пальтушка – кофта.
Приемчи – вилки.
Проводопеть – пропитаться водой.
Пушить – ругать.
Пожня – покосный луг.
Поскотина – место выпаса скота в лесу.

Приболоток – место вокруг болота.
Праздный! – Так тебе и надо! Заслужил.
Пувко – больно.
Поглянулось – понравилось.
Пышкать – дышать.
Поповзуха – печная задвижка.
Постухмянный – послушный (о ребёнке).
Просужий – рассудительный.
Прозвитель – проницательный человек, прозорливый.
Подели – проделки.
Почеломкаться – поцеловаться.
Пелёва – полова.
Посыкнуться – попытаться.
Полица – полка.
Пестун – подросток, присматривающий за младшими в семье.
Пестерь – заплечный мешок из лыка.
Поймите меня! – Возьмите меня с собой!
Простодырый – простак, лох, олух.
Промызглое молоко – прокисшее.
Простокиша – простокваша.
Пустокормок – иждивенец.
Поманивает на дождь.
Поврозь – порознь.
Перегудки – частушки.
Причинковатый – болезненно чувствительный.
Писконосый – коротконосый.
Перестарок – жених в возрасте.
Повесма – пук кудели, льна.
Пресница – самопрялка.
Рябины – веснушки.
Рябиноватый – веснушчатый.
Рассади́ть – разморить на жаре.
Ряха́ть – что-нибудь делать. «Седня чего ряха́ть-то будешь? Чем заниматься?» (Отсюда – неряха).
Растёп – разбил (чашку).
Рыльник – горшок с рыльцем.
Робить – работать.
Разглуздаться – сон прошёл.
Роспуска – телега на двух колесах.
Рипняк – картофельное пюре.
Рылиться – дуться на кого-либо.
Рохманный – пушистый, махровый.
Распояской – без пояса.
Студеница – холодная вода.
Ставушка – молочная крынка.

Судёнка – шкафчик для посуды.
Скудаться – болеть.
Спен – Беспросыпу. «На один спен спала».
Ступни – мелкие лапти без верёвок.
Солоной – солёный.
Сырь – сырость.
Спороть – съесть всё без остатка.
Скутать печь - закрыть трубу.
Сугревушка – зазноба.
Стожевыище – стожары, остожье.
Съёвниться – скрючиться.
Севогода – в этом году.
Следно – как следно быть. Как нужно.
Сэстолько – столько.
Седни – сегодня.
Спасу нет – нет спасения.
Стистить – схватить.
Счеснуть кожу – ссадить.
Сгибки – творог.
Соломат – овсяная крупа на скоромном масле, томившаяся в печи.
Солоница – солонка.
Солоник – коробочка из бересты под соль в виде сапога.
Стреха – лоток под крышей, водосток.
Сполстить – сбить одеяло с себя, раскутаться.
Становина – нижняя часть исподки.
Стибрить – схватить.
Сутки – красный угол в избе.
Слезеняться глаза – слезятся.
Сумёты – сугробы.
Солощий – жадный.
Свороб – чесотка.
Своробатый – чесоточный.
Становую жилу тряхнул – сорвал спину.
Сухмень – сушь, засуха.
Стукманку дать – поколотить.
Сосковатый – встрёпанные волосы.
Скыркать – скоблить.
Сенница – сеновал.
Серёдыш – пенис.
Стих подошёл – позыв, вдохновение.
Самоправный – с характером.
Самоходка – девушка, ушедшая в дом жениха против воли своих родителей.
Смород – угарный газ.

Серники – спички.
Сарай – повесть.
Тупор – в ту пору.
Труп – перхоть.
Трубить – работать без отдыха.
Трякать – болтать.
Тоскует нога – болит.
Теплинка – печь в овине.
Гароватый – разговорчивый, щедрый.
Груньё – тряпье.
Труноватый – оборванный.
Тепёшься с коровой-то! – мучишься.
Тяжёвки – зипун.
Тожно – тогда.
Токот – сейчас.
Тайга – большой лес без жилья, километров на сто.
Тряхнуться с места – сорваться, тронуться.
Тенета – паутина.
Тыркаться – совокупляться, трахаться.
Тук – жир.
Торгованы – торговцы.
Ускотье – падеж скота, мор.
Устой – сливки.
Устосать – потерять вещь, сломать её.
Убавить овцу – зарезать.
Уповод – короткий отрезок времени. На один уповод забежала.
Упакидаться – устать (о ребенке).
Ужижто – толстая верёвка.
Ухайдакаться – устать, умориться.
Усторонье – на усторонье, в стороне.
Фата – головной платок.
Худерба – тощий человек.
Хрящить – сорить под ноги.
Худой – плохой.
Хавосить – сорить. Нахавосить.
Хрунка – подживающая ранка.
Хвостаник – веник банный. «У тебя душа, а у него хвостаник?»
Не будь эгоистом.
Ходко – быстро.
Хандырь – гермафродит.
Хрушкой – крупный. Хрушкомольный жернов.
Целоздравый – живой и невредимый.
Чиличник – пирог с грибами.
Чикнуть – ударить.
Час от часу не легче.

Черепеня – разбитая посуда. Черепок.
Чекалистый – говорливый.
Чилик – подберёзовик.
Чунки – санки.
Чепаться – качаться. Стол чепается.
Черёва – кишки. «Ткнул ножом – у него и черёва выехали».
Чуять – слышать.
Шадровитый – рябой.
Шнуражить – лазить по карманам.
Шоптаница – ворожея, знахарка.
Шкапотина – проныра (по шкапам лазит).
Шам – мусор, отходы зерна. Хлеб пекли с шамом.
Шубинки – овчинные рукавицы.
Шубняк – крытый полушубок.
Шуба – шубное одеяло.
Шаньги – оладьи.
Шаять – тлеть.
Шириться – раздражаться, проявлять гнев. Не ширься!
Шатун – бабник.
Шальненький – дурачок.
Шалаги – бельё.
Ши – Жидкий ши против меня!
Экое место! – Пустяки!
Юста – снег с грязью, слякоть.
Яблашник – пирог с картошкой.

Исповедь старого совка

Я родился 9 июля 1937-го года в деревне Арганово Сямженского р-на Вологодской области. Матушка моя разрешилась от бремени, лёжа на соломенной постели, на сарае (повети). Роль повитухи играла её свекровь, моя бабушка Мария Васильевна. Печь была вытоплена заранее, нагрета вода в корчаге. Было два часа пополудни, солнце светило ярко и когда младенец вышел из материнского лона, солнечный луч, пробившийся через щель в крыше, ударил ему в глаза. Новорожденный закричал – то ли от радости, то ли от страха перед тем огромным и непонятным миром, в который он пришёл.

Бабка перевязала пуповину, закутала новорожденного в мягкую холстинку и полезла с ним в печь на свежую, разостланную по всему поду, солому. Потом она вернула дитя счастливой матери, присовокупив при этом: «Жить будет. Живущой. Я его мою, а он ручками за солому хватается». Первенец-то умер у моей мамы за год до этого, прожив всего два месяца. В то далёкое время, при отсутствии медицинской помощи, слабые, нежизнеспособные дети шансов не имели. Может, оно и к лучшему – не противоречить природе, не насиловать её мудрые законы.

Чем я только не болел в раннем детстве, до четырёх лет! Весь набор положенных недугов – корь, коклюш, ветрянка, даже дизентерией заразили кроху, так что из него хлестала одна алая кровь. Зато быстро выработался иммунитет и к пяти годам все болезни кончились.

Зимой придёшь, бывало, с улицы весь насквозь заледенелый и валенки полные снегом. Мать быстренько разденет тебя и отправит в печь. А там овёс сушился. Зароешься в горячее зерно и никакой простуды потом! За семьдесят лет жизни только дважды болел с температурой – в 1957 году при пандемии гриппа, и зимой 1968 года в Елабуге переболел ангиной. При -48 градусах поехал в Казань на семинар в летних брючках и ботиночках.

Что я знаю о предках своих дальше дедов? Почти ничего. Не принято у крестьян вести свою родословную, мы чёрная кость. В молодые годы мне и в голову не приходило расспросить бабушку Марию Васильевну поподробнее о её родителях. Спохватился потом да поздно – умерла старушка. Знаю только, что её мать рано овдовела. Слышал и о её молитвенном подвиге – вместе с другими богомольцами она пешком ходила в Киев, к святым местам. Целое лето проходила, питалась именем Христовым, как все странники.

Запомнил я и забавную историю, поведанную бабкой. Было ей от роду пять годков. Умирал её дед, а может, прадед девяноста лет. У постели отходящего собрались близкие родственники. Умиравший каждому что-нибудь отказывал (завещал) из своих вещей – кому полушубок, кому голенища на сапоги... Подошла и внучка: «А тебе что отказать, Марийка?» – спрашивает дед. – «Откажи мне, дедко, свои зубы». А у старика и в девяносто был полон рот зубов. Тот захохотал да так, смеясь, и отдал Богу душу.

Счастливые люди! Жили долго и умирали дома, окружённые близкими. В патриархальных семьях старики не ведали, что такое одиночество. И не кончали свои дни в богадельнях. Да и нынешние Дома престарелых, кроме элитных, – это кошмар и тихий ужас. Бывал я там, собирал материал для газеты, и без содрогания вспомнить об этом визите не могу.

Отец мой Александр Степанович Цветков родился в 1910 году. Окончил два класса церковно-приходской школы и «третий коридор», как он выражался. Не до учебы – работать надо. Его отец Степан Цветков, 1869 (1870) г.р. пришёл в Арганово «в зятя», из деревни Завраг. Фамилия священническая, видимо, поповского рода. Был он старше своей юной жены на десять лет. Бабник был тот ещё.

В 1914 году Степана Цветкова призвали в действующую армию – в 45-летним возрасте, отца троих детей от 4 и до 10 лет. Сурово, однако. Степан успел проявить себя храбрым солдатом, заслужил георгиевский крест, но угодил под газовую атаку немцев и попал к ним в плен. Три года Степан Цветков провёл в Германии и очень даже неплохо, как он потом хвастался. Ходил по бабам-немкам, обслуживал вдов и солдаток.

Вернулся домой из плена Степан в 1918 году, после Брестского мира. Революция для крестьян была благом – они получили землю, отнятую у кулаков. У Степана голова и руки были на месте, и он взялся за хозяйство, стал быстро развиваться. Завели двух лошадей, четырёх коров, овец... Своими руками Степан выстроил ветряную мельницу. Типичный середняк. Но не зажил на свете – умер ещё во время НЭПа.

Отец мой Александр Степанович стал за главного в доме, как только подрос. В колхоз вступил одним из первых, тем и избежал раскулачивания. Сдал в коллективное хозяйство и мельницу, и лошадей. Мельницу и новое гумно быстро сожгли, а лошадей испортили. Запалили. На конях стали ездить те, кто никогда и вожжей в руках не держал – лодыри да нищие. И спустя полвека папаня вспоминал с горечью о том, как колхозы

порушили его крепкое единоличное хозяйство. А он уже стал расторгиваться семечками подсолнухов и мечтал о собственной лавочке. А я так радуюсь – не пришлось мне, как Антоше Чехову, торговать керосином, пряниками и ржавыми селёдками.

Мама моя Градислава Степановна Цветкова (в девичестве Первунинская) родилась 5 июля 1912 года в деревне Рубцово. Мать её Птицина Александра Ивановна из деревни Завраг. Её супруг, мой дедушка, Иван Птицин был мастером по изготовлению гармоний, хорошим гармонистом. Уличная фамилия – Гармонщикovy. Отец моей мамы (мой дед) Степан Васильевич Первунинский родился в 1885 году. Юношей уехал в Москву и поступил на одну из ткацких фабрик на Пресне. Во время декабрьского вооружённого восстания был на баррикадах. Как он сам вспоминал: «Товарищи по работе говорят мне: «Стёпа, пойдем с нами». Я и пошёл». За что и был потом уволен с фабрики. Степан вернулся на родину и вскоре женился.

Мама моя в школе вовсе не училась. В 20-е годы, уже взрослой девушкой её направили в ликбез учиться грамоте. За полгода она выучилась читать и писать. На занятия ходили с грифельными досками и кусочками мела. И заучивали наизусть стихи. Она помнила их до конца жизни. Например, такие вирши.

Старый дед слезает с печи.
«Ну-ка, внучек-пионер,
Почитай-ка мне газету.
Как живет СССР».
Захотелось старичку
Разузнать секреты.
Повалились пятачки.
Эй! Давай газету!

И ещё один стих.

Эх, земля моя, земляца,
Ты корява и суха.
Знать, ни к чёрту не годится
Моя старая соха.
Городской один детина
Во все уши натрубил,
Будто где-то есть машина,
Что сильнее ста кобыл.
Привезли в село машину.
Посбирался весь народ.

Мужичок приняться хочет –
Никак дело не поймёт.
Что за чёртова игрушка?
Это будто паровоз.
Нет нигде таких колёс.
Эй, товарищ, брось возиться.
Ты, наверно, городской.
Подскажи, как нам учиться
С этой пушкою чудной.
Прочитай, так будет ясно.
Это всё ты здесь найдёшь.
А неграмотным напрасно,
Дело это не поймёшь.

О фамилии «Первунинский». Окончание «ский» указывает на её польское, более того, дворянское происхождение. В справочниках русских фамилий таковая отсутствует. От имени «Первуня» образованы фамилии Первунин и Первушин. Но не Первунинский. Известен исторический факт, когда польскому композитору Шопену было отказано в женитьбе на аристократке Марии Водзинской по такому мотиву, изложенному матерью девицы самому композитору: «Жалею, что ваша фамилия не Шопиньский».

Но откуда, спрашивается, в глухой вологодской деревне, где никогда не было помещичьего землевладения, появилась дворянская фамилия? Причём, по воспоминаниям моей мамы, Первунинских было чуть ли не полдеревни. Единственное разумное объяснение этому феномену я вижу только в том, что родоначальником Первунинских был ссыльный поляк. После варшавского восстания 1830–31 гг. поляков много сослали в Вологодскую губернию, как и после восстания 1863 года.

По существующей при царизме традиции политических ссыльнопоселенцев распределяли по сёлам и деревням в те дома, где жили одинокие женщины – в основном, вдовы. В хозяйстве нужны мужские руки. Как побочный результат такой практики – появление на свет внебрачных детей. Пример – внебрачный сын Иосифа Сталина, появившийся в Туруханской ссылке.

Рубцово было большой и богатой деревней. Почему бы там и не поселить одного из поляков, депортированных с родины? По фамилии, скажем. Першинский. Новорожденного младенца поп записал в церковную книгу уже с изменённой на русский лад фамилией – Первунинский. Всё это легко проверить по архивам, будь я лет на десять помоложе. Раньше не интересовался, а сейчас уже поздно.

Есть косвенное подтверждение моей версии. В моей семье по линии матери заметно пристрастие к именам, распространённым у католиков. Дед Степан (Стефан). Его двух сестёр, доживших до 60-х годов XX в., звали Анна и Агния (у поляков Агнешка). Трёх своих дочерей Степан (Стефан) назвал так: Градислава (моя мать), Вириная и Екатерина. А ещё любопытно, что в деревне Рубцово почти не было распространённых русских имён вроде Авдотий, Матрён, Иванов, Лукерий... Зато там жило двадцать пять Екатерины и двадцать пять Александров. Много было Валентинов. А были на Рубцове и в Арганове и такие редкие у крестьян имена как Платон и Аполлон. Странно. Или там поп был начитанный?

Бежав из колхозной неволи, родители мои поселились в Подмоскovie, на Репиховсклй фабрике. Отец устроился возчиком-грузчиком, а мать ткачихой. Место живописное: речка Воря, рядом знаменитое Абрамцево. Заезжие художники бродили по окрестностям с мольбертом на плече.

Жили мы в маленькой холодной комнате с печкой-голландкой. Уходя на работу, родители оставляли меня, трёхлетнего, одного, а чтобы ребёнок не был голоден, на столе его ждал стакан остывшего сладкого чая с баранкой. Да, да, именно баранка, а не бутерброд с колбасой или сыром, была на завтрак. Жили-то скудно, хотя мои старики и вспоминали с восторгом: «А перед войной мы зажили хорошо. Карточки отменили».

Какой там хорошо? Дефицит жуткий. У мамы весь гардероб – три ситцевых платья, а на ноги она обувала, как и все, парусиновые туфли, которые надо было каждый раз начищать зубным порошком. Стояла она как-то в очереди за эмалированной посудой. Ей надо было кастрюлю, а достался ночной горшок. Удалось с кем-то поменяться. Так и тридцать лет спустя мать радовалась, как ей тогда, в сороковом году, крупно повезло.

Грянула война. Наш посёлок расположен был близко к железной дороге. Начались бомбёжки. Население пряталось в лесу или в спешно отрытых землянках, по стенам которых сочилась дождевая вода, и ползали жирные черви. Я боялся их больше бомб. Ребята постарше приносили домой, как сувениры, тяжёлые осколки от фугасок. Подбирали мы и листовки, щедро разбрасываемые немецкими самолетами. Текст примитивный, вроде «Щи да каша – Россия будет наша».

Осенью, когда фашисты подошли к Москве, население стали эвакуировать в принудительном порядке, выдавая подъёмные и узел муки. Нашу семью должны были эвакуировать в Чебоксары, но папаня-проньера с кем-то из

знакомых начальников договорился, и документы переписали на Вологодскую область, в родную Сямжу. Ехали с приключениями, поезд разбомбили, вагоны горели, но мы добрались до станции Харовская целыми и невредимыми. Кроме меня, на руках у мамы была моя сестричка, родившаяся в первый день войны.

Приехав в Сямжу, мы там и остались, поселившись в деревне Горка, что в версте от райцентра. Отца скоро отправили на «трудовой фронт» – на Горьковский автозавод (Н.Новгород). Мама осталась с двумя малышами на руках. Было трудно, но до настоящего голода всё-таки дело не дошло. Эвакуированным полагались хлебные карточки – по 200 граммов на ребёнка и по 400 граммов на взрослого. До конца жизни не забуду я хлеб военных лет. Огромные, четырёхкилограммовые буханки коричневого цвета. Сырые, как глина. Пополам с картошкой – жёлтые куски её видны были на срезе. Ножом резать такой хлеб невозможно, и продавщицы делили буханки на пайки крепкой, суровой ниткой. Но и этот «хлеб» шёл за лакомство. У местных, деревенских не было и такого. Со мной в школе сидел за одной партой мальчик по фамилии Крохин. Он был не просто бледным, а синюшного цвета. До весны не дожил, умер с голоду.

Мама нигде не работала, сидела дома и вязала знаменитые вологодские кружева. Потом сдавала их и получала сколько-то денег. Удивительное дело: неужели и в войну находились покупатели на кружева? Отец из Горького тоже присылал денег – надо отдать ему должное. А ещё родители мои сумели привезти с собой и не потерять по дороге, сундук с вещами. Там были и подушки перовые, и два пикейных покрывала, одежда. На вещи удалось выменять козу и у детей появилось молоко. На берегу реки мать раскопала целину и посадила картошку.

Молодая, тридцатилетняя женщина совершала и самые настоящие подвиги во имя своих детей. Раз в месяц она в одиночку отправлялась пешком в город Сокол (а это километров сто). Там мама покупала несколько бутылок водки и возвращалась домой – длинными, пустынными волоками. «Иду и боюсь, – вспоминала она. – Ограбят, убьют». Но всё обошлось благополучно. Водку мама меняла на зерно у шофёров, вывозивших урожай из глубинки на мощных американских «студебеккерах».

С благодарностью вспоминаю своих школьных учителей и первую из них Анну Николаевну Игнашеву (Финагину). Ей было не больше 22 лет. Но она относилась к своим первоклашкам, как к собственным детям. Каждого

встретит, поможет расстегнуть тугие пуговицы на пальтишке. А в лютые морозы (занятия не отменяли даже при -45 градусах) поверх пальтишка мама одевала на меня ещё и полушубок, доходивший до земли.

Электричества в Сямже не было. Уроки мы делали при тусклом свете керосиновой лампы. Если керосина не удавалось достать, лампу заправляли бензином, смешанным с солью. Фитиль трещал, но лампы не взрывались, как ни странно. Писали первоклашки в самодельных тетрадах, сшитых из старых газет — между печатных строк. Чернила носили с собой в школу в чернильницах — невыливайках.

Через плечо холщовая сумка, к ней подвязан мешочек с чернильницей. В сумке букварь, газетная тетрадка, ручка с пёрышком «рондо» и одна варёная картофелина на обед. И Филиппок пошагал в школу, волоча по снегу тяжёлый отцовский полушубок. Учился, между прочим, хорошо. Читать выучился лет шести.

Учителя придумали способ, как поддержать силы своих недоедающих питомцев. В сентябре был организован коллективный сбор грибов в окрестных лесах. Всю зиму потом в школьной столовой варили губницу — грибы да соль и больше ничего. Варёво из «лесного мяса» подавали в глиняных плошках. Первоклашки, как воробы на жёрдочке, сидели на длинных скамьях за длинным тёмным столом и под приглядом нашей «второй мамы» Анны Николаевны наворачивали за обе щеки деревянными ложками дымящийся, ароматный суп. Вместо хлеба — картофелина. Но и эта роскошь не у каждого была. Во многих семьях и картофельные очистки съедали дочиста. И головки клевера — мякушки в пищу шли, и крапива с лебедой. А что делать? Хлеб шёл на фронт. Голодный солдат много не навоюет. Мы, дети, и колоски в поле собирали не из-под палки, а из чувства долга. Так нас воспитывали старшие.

Навсегда врезался в память День победы. Тёплое майское утро. Окно открыто. Сидим за столом, пьём чай из самовара, похрустывая солёными груздочками вместо сахара. Вдруг видим: бежит по улице женщина — платок сбит, волосы растрепались. Бежит с поднятыми руками и кричит: «Победа! Победа!» Полураздетые люди выскакивали из домов — растерянные и не верящие собственным ушам. Народ стал собираться на площади, в центре деревни. Взвизгнула гармошка. Кто-то смеётся. Кто-то рыдает. Инвалид на деревянной ноге скрипнул зубами, матюгнулся и затопал здоровой ногой. Молодая, задорная деваха выскочила на круг, задорила каблуками и запела:

Из-под сахара мешок,
Из-под соли сумка.
Четыре года шла война,
Отдыхала кунка.

Давно это было, но зарубки в душе и в памяти не стираются. Шрамы войны никогда не исчезают полностью – след остаётся. Да, было тяжело – особенно взрослым. Дети беззаботны. Сямжа для меня – это бездонное голубое небо над головой. Это блестящая на солнце, тихая, красивая река, на берегах которой мы, ребятишки, пропадали целыми днями. Это старая деревянная школа, в стенах которой я сделал первый шаг в необозримый мир знаний. Благословенная пора детства! Только в это время мы и бываем по-настоящему счастливы, невзирая на все внешние обстоятельства.

Как только отгремел гром победных салютов, матушка наша Градислава Степановна начала собираться в обратный путь. Её неудержимо потянуло в Подмоскovie – жизнь в деревне её больше не прельщала. И мы вернулись в Репихово, на речку Ворю. Вчетвером. Бабушка Мария Васильевна запросилась с нами. И вот тут мы хватили лиха. Много ли платили ткачихе? А у неё на руках трое иждивенцев – двое маленьких детей и старуха-свекровь, не получавшая ни копейки пенсии. А первый послевоенный год был тяжёлым – неурожай.

В девять лет я стал добытчиком и помощником матери. Лишь только сошёл снег с колхозных полей, берём в руки заступ, ведро и отправляемся выкапывать из земли гнилую, прошлогоднюю картошку. Мама в нескольких водах промывала это месиво, добывала крахмал и пекла из него что-то похожее на лепёшки с отвратительным вкусом, синего цвета. В народе прозвали эти лепёшки «тошнотиками» и «удавленниками».

И снова мать пошла на смертельный риск, чтобы прокормить детей. Она, честнейший человек, стала красть с фабрики шпульки ниток. Выбрасывала их со второго этажа из туалетного окна, а я приходил в условленное время и забирал добычу. Мы были осторожны и ни разу не попались. А если бы попались, Градислава Степановна, по тогдашнему суровому закону, схлопотала бы до десяти лет лагерей. Товарищ Сталин беспощадно карал расхитителей социалистической собственности.

Приходилось мне, девятилетнему, участвовать и в набегах на колхозный капустный огород. Вокруг колючая проволока, сторож с ружьем, заряженным не солью, а свинцовой дробью – взрослый не решится посягнуть. Родители поручали нам, детишкам, обеспечить капустные щи. В глухую полночь,

под покровом осенней темноты, три-четыре пацана отправлялись на промысел – в руках сумка, в кармане нож. Долго ползли по-пластунски в канаве, потом осторожно подлезали под колючую проволоку, срезали два-три кочана и также бесшумно покидали поле боя. Как разведчики. Почему сторож был без собаки, ума не приложу. Может, потому, что собак в войну приели. Мой друг Федька, сосед, стрелял из рогатки воробьёв, и его мать варила «мясной суп». Хотя что там есть-то, в этой птахе? Но когда в семье пятеро детей, а отец не вернулся с фронта, и лягушки сойдут за дичь. Но до амфибий все-таки дело не дошло даже в войну. Не блокадный Ленинград. В тылу полегче.

1946-й год запомнился мне тем, что Мария Васильевна основательно взялась за религиозное воспитание своего внука. Она была глубоко верующей старушкой. Под её койкой стоял обшарпанный чемоданчик. В нём бабушка держала своё «смертное» – шерстяной, домотканый сарафан, чистый головной платочек, носки, связанные из белой шерсти – то, во что надо было одеть покойницу. А еще образок Божьей матери – его надо было положить в гроб, и потрёпанное, зачитанное до дыр Евангелие. Мария Васильевна ни одного класса не кончала. Но грамоте выучилась, глядя на своих детей, ходивших в ЦПШ. Читала по слогам и даже писала письма печатными буквами.

Мама вечно на работе, и я оказывался в полной власти своей бабули. Прежде всего она выучила меня молитвам – и «Отче наш» и «Воскрёсшую» я знал наизусть. И опускался на колени рядом с бабушкой, отбивал по сорок поклонов на сон грядущий. И каждое воскресенье сопровождал Марию Васильевну в её поездках в Загорск, в знаменитую Троице-Сергиевскую Лавру. Обитель отстояла от нас всего на двенадцать километров. Так как же не испить водицы из святого ключа и не приложиться губами к раке с мощами преподобного?

Не было вопроса со стороны любознательного внука, на который бабушка не могла бы дать исчерпывающий ответ. Что такое звёзды? – Это окошечки, которые ангелы открывают ночью. – А упавшая звезда? – Кто-то умер, душа его закатилась. Когда человек рождается на свет, на небе загорается звёздочка, а после его смерти скатывается вниз. – Что такое гром? – Илья-пророк проехал на колеснице. – Почему горит радуга? – Господь даёт знать, что больше не будет всемирного потопа.

К десяти годам я всё знал: о грехопадении Адама и Евы, о Ноевом ковчеге, где спаслись семь пар чистых животных

и семь пар нечистых. Я знал об избииении младенцев царём Иродом, о бедном и богатом Лазаре, о распятии Христа и его воскресении из мёртвых. О том, как воробей подносил в клюве гвозди палачам, за что эту птичку считают нечистой и обзывают «жидом». Особенно часто и со смаком верующая старушка рассказывала мне о двадцати мытарствах, которые должна пройти каждая душа после смерти – о негаснущих адских кострах, о котлах с кипящей серой, в которых мучатся души грешников. Мне снились порой эти котлы, и я просыпался в страхе. А иногда резко хватал сзади себя за воздух, чтобы поймать беса, который, как уверяла моя наставница, неотступно следует за мной и толкает меня на дурные дела

Этот кошмар продолжался до четвёртого класса, пока не появился изумительный школьный предмет «Неживая природа». Я впервые узнал о круговороте воды в природе, о происхождении грома и молнии, о солнце, звёздах и планетах. Оказалось, что весь окружающий мир живёт, движется и развивается по законам природы, а вовсе не по воле бога. Это открытие потрясло меня – словно тяжкий груз упал с моих плеч, стало легко дышать. И я однажды прямо с порога заявил своей бабушке: «Бога нет!» Марию Васильевну аж подбросило на стуле, она закричала: «Типун тебе на язык! Отсеките мне голову, я все равно скажу, что бог есть». С этого момента наши идейные позиции кардинально разошлись. С двенадцати лет я перешел в лагерь убеждённых атеистов.

Стал ли я счастливее со своим просвещённым разумом? Трудно сказать. Жить, конечно, намного интереснее образованному человеку, чем тёмному, верящему в Творца, но зато и чувствуешь себя в этом мире не так комфортно. Пугает смерть, твоё неизбежное превращение в ничто, в горсть праха. Соломон прав: «Во многой мудрости много печали». Блажен, кто верует – тепло ему на свете.

Весной 1947-го года отец Александр Степанович забрал нас из Репихова к себе в Горький. Долгих семнадцать лет, вся моя юность связана с этим городом на Волге. Светлый след в памяти оставила только студенческая пора, а в остальном картина довольно сумрачная. Город тяжёлый, грубый. Не зря же возникла поговорка: «В Нижнем дома каменные, а люди железные». Здесь всегда царила спёртая, густая атмосфера мещанства. Максим Горький впервые познал «свинцовые мерзости жизни» именно здесь, на высоких волжских откосах, откуда открывается не только великолепная панорама, но и вид на унылое Канавино, на густо застроенное купеческими базами обширное пространство гремевшей некогда Нижегородской (Макарьевской) ярмарки. А дальше вверх по

Волге угрюмое Сормово и окутанный в ядовитую дымку химкомбината Дзержинск, на улицах которого не могло выжить ни одно дерево.

Ничем не лучше Сормова оказался и рабочий посёлок Северный, где поселилась наша семья. Вокруг автозавода раскинулось несколько таких посёлков, построенных на скорую руку в начале 30-х годов XX в. Население – 36 тысяч человек. Начальная школа, две семилетки – мужская и женская, одна средняя школа. А ещё амбулатория – что-то вроде ФАПа, два магазина с пустыми полками. Правда, всегда в свободной продаже, без карточек, была красная икра в кадушках. Стоила сорок рублей килограмм, что равнялось двадцати буханкам хлеба. Казалось, очень дорого. Да, был ещё клуб, где шли исключительно трофейные фильмы – о мушкетёрах, пиратах и приключениях Тарзана в джунглях.

Все работники жили в бараках. На четыре барака полагалась общественная уборная с мужским и женским отделениями, каждое на семь очков. Дошатая стенка между отделениями была исписана народными афоризмами типа «Для царя здесь кабинет. Для царицы спальня. Для буфетчика буфет, а для рабочих сральня». И по всей перегородке шли аккуратно вырезанные дырки для любителей понаблюдать за процессом.

Рядом с уборной – ничем не огороженная громадная помойка с тучами мух. Не мудрено, что бараки кишели крысами. Они даже бегали по спящим. На каждую семью (а были и многодетные) полагалась одна комнатуха 14 кв.м. Ни кухни, никаких кладовок и подсобок. Пищу готовили в коридоре, на керогазе или примусе. Печку топили древесной стружкой, привезенной из заводской столярки. Летом сами заготавливали торфяные брикеты. Или воровали каменный уголь из вагонов на сортировочной.

Жили бедно, голодно – за большую удачу считалось привезти с городской бойни коровью голову. Самое большое лакомство – ломоть черняги, политый растительным маслом и слегка присыпанный сахарным песком. Хлеб вволю стали есть только после отмены продуктовых карточек осенью 1947-го года.

Тем не менее, рабочий люд жил весело, не унывая. Все ждали и надеялись, что дальше будет лучше. Тем более что при жизни Сталина в послевоенные годы регулярно снижались розничные цены на продукты и товары. Все прилипали к репродукторам, когда знаменитый диктор Левитан своим рокоchущим баритоном сообщал обрадованному населению об очередном снижении цен. Воспринималась эта акция как забота товарища Сталина о советском народе, его благополучии.

Выборы в Верховный и местные советы народных депутатов проходили празднично. Мужчины, отправляясь на избирательный участок, надевали свои выходные, шевитовые костюмы, а женщины – маркизетовые платья. Шли с гармошками и песнями. Домой возвращались, отдав свой голос за нерушимый союз коммунистов и беспартийных, с кулками глазированных пряников.

Хотя наш посёлок и был «рабочей окраиной», но разгула преступности всё же не наблюдалось. Да, случались драки, попойки, выяснение отношений с помощью кулаков, а то и ножа, шпаны хватало... Но очень редко случалось, чтобы кого-то ограбили и убили, редки были изнасилования, а чтобы педофилы на детей посягали – мы такого и не слыхивали. Дети играли на улицах без всякого присмотра. И не пропадали бесследно, как сегодня. За ограбление прохожего можно было схлопотать до 15-20 лет тюрьмы, за убийство полагалась смертная казнь. Даже бывалые урки боялись «вышки» и на «мокрые дела» шли неохотно. Отмена смертной казни – величайшая глупость демократического режима. Жизнь человека перестала цениться. Можно прихлопнуть кого угодно по заказу и не бояться возмездия.

На весь посёлок Северный был только один участковый милиционер дядя Ваня. Бывший фронтовик, лет под шестьдесят – с планшетом на плече и наганом в кобуре. Он был неподкупен, честен и храбр. Нам, мальчишкам, не давал играть на деньги. Стоит ему увидеть, что наша компания опять затеяла орлянку или чеканку, налетит ястребом, схватит в горсть монеты с кону и швырнет их так, что и копейку потом не найдёшь. А мог бы и в карман себе положить. Зарплата участкового была мизерной, а жил он, как и все, в бараке.

Несколько слов о школе. Начиная с пятого класса обучение девочек и мальчиков было раздельным. Ничего не могу сказать о женских школах, но наша мужская семилетка была для учителей кошмаром. В классе было много переростков, второгодников – уже кутивших и кравших папиросы из портфелей наших педагогов. На уроках стоял шум, стреляли из рогаток по классной доске и по затылкам впереди сидящих. Если хотели сорвать урок по ненавистной математике, натирали доску воском или устраивали в классе дымовую завесу, сжигая целлулоидные гребёнки. Пожалуй, и сам Антон Макаренко не справился бы с этой подростковой бандой. Мы вредили нелюбимым учителям, а они били нас, отнимали портфели, вынуждая родителей приходить за ними. У меня сохранились школьные дневники – они испещрены записями о том, что я плохо вёл себя на уроках. А я ведь был, по сравнению

с другими, довольно тихим мальчиком. Преобладающие оценки по всем предметам – единица или пятерка. Получу «кол», а на другой день с блеском исправлю его на пятерку. Так и учился.

Завершая рассказ о поре своего детства, я хотел бы подчеркнуть один весьма существенный момент. И во время эвакуации, и в десятилетний период нашего барачного бытия выжить, остаться на плаву помогала общность людей. Соседи делились последним куском хлеба, давали денег взаймы без всяких расписок. Устраивали коллективные гулянки по случаю праздников. Наварят браги не одно ведро и пируют потом чуть не всем баракком.

Помню случай. Чья-то корова провалилась в выгребную яму (а на посёлке некоторые держали скотину по деревенской привычке), так набежали сразу мужики с верёвками и досками, и общими усилиями вытащили несчастную буренку из дерьма, в котором она стояла по самую шею. И с хозяина даже на бутылку водки не спросили. Подвиг совершили «за спасибо».

Недавно по телевидению прошел сюжет. В Астрахани рухнул целый подъезд многоэтажки. На глазах многочисленных очевидцев. Было сказано, что лишь несколько человек побежали к дому на крик о помощи. Остальные спокойно достали свои мобильники и стали снимать картинку. Типичный случай для наших дней.

Грустно, но приходится признать: у нас теперь не только другая страна, но и другой народ. Это уже не те русские, которых я знал 30-40 лет назад. Те были наивными, доверчивыми и готовыми прийти на помощь. Новое поколение русских руководствуется холодным расчётом. Это компьютерные люди, живущие по двоичной системе «выгодно-невыгодно». Идеология личного успеха разобщает людей, атомизирует общество. «Каждый за себя – один без всех». Чистоган ведет к коррозии нравственных и духовных ценностей. А результат? Россия превратилась в «больное общество». Никакие призывы к инновациям и модернизации не спасут загнившее изнутри общество от кризиса и распада. Так случилось уже с СССР, но должные уроки не были извлечены.

Забыл упомянуть о друзьях-товарищах, в компании с которыми прошли беззаботные годы отрочества. Нас было шестеро в дворовой команде. Зимой мы гоняли резиновую шайбу на ледовом пятачке между бараками, летом гоняли тряпичный мяч, пока не наскребли сообща четыре рубля на кожаный. Это были огромные деньги – билет в кино стоил всего десять копеек. Собирали на свалке металлолом, кости, тряпье и сдавали в утильсырьё. Спиртное уже пробовали – взрослые сами подносили нам стаканы с мутной брагой.

Жизнь у всех нас сложилась по-разному. Двое стали инженерами, я пошел ещё дальше – в науку. Двое спились и умерли, не дотянув до пятидесяти. Одному засветила тюрьма. Из школьных товарищей тоже немало пошло по кривой дорожке.

Меня спасла от влияния улицы любовь к чтению. Я был заядлый книголюб и могу повторить вслед за Максимом Горьким: «Всею хорошим во мне я обязан книгам». Бывало, друзья на реку, а я в районную детскую библиотеку. Часами сидел в прохладном читальном зале с громадными фикусами в кадках и запоем читал Фенимора Купера, Майн Рида, Жюль Верна... Робинзон Крузо стал моим спутником на долгие годы. В последний раз прочитал Дефо едва ли не в пятидесятилетнем возрасте. Так сформировался мой духовный мир – романтика, мечтателя, фантазера с необузданным воображением. Таким в жизни трудно, они не от мира сего. Много разочарований ждёт их на жизненном пути.

В седьмом классе увлекся астрономией, вёл наблюдения за небесными светилами и перечитал о звёздах всё, что было в райбиблиотеке. А потом пришло увлечение биологией, интерес к муравьям и прочим букашкам. И минералы собирал – геология очень увлекательная, романтическая наука.

Мне бы среднюю школу закончить, но материальная нужда (семь человек в семье) заставила меня после семилетки идти по стопам родителей. В шестнадцать лет я получил паспорт и устроился слесарем по ремонту оборудования в цех кабин и профилей Горьковского автозавода им. В.М.Молотова. Технику я не любил и не понимал, а работа без любви к своему делу превращалась в каторгу. Неслучайно же работники пьют по-чёрному, стараясь залить водкой своё глубокое неудовлетворение жизнью и собственной судьбой.

Я не спился лишь потому, что мой организм плохо переносит алкоголь. Сказалась та капля финской крови, что течёт во мне. У финских народов организм недостаточно вырабатывает фермента, расщепляющего спирт. Я всегда жутко страдал с похмелья, так что волей-неволей приучил себя не перепивать лишнего, знать свою норму. Иначе бы мне хана.

Нашлась и отдушина – цеховая стенгазета, где я стал регулярно помещать свои стихи. Меня заметили и предложили вступить в комсомол. В стенах семилетки я не стал комсомольцем из чувства противоречия – там в ряды ВЛКСМ загоняли гуртом. Для меня же комсомол был овеян дымкой романтики – подвиги молодых коммунистов во время гражданской войны, строительство Комсомольска на Амуре, Олег Кошевой и его боевые друзья-подпольщики...

Я стал комсомольцем и дал клятву верно служить делу Ленина-Сталина, быть надёжным помощником Коммунистической партии. На профсоюзном собрании бригады меня избрали страх-делегатом, в обязанности которого входило посещение на дому и в больнице заболевших товарищей по работе. Послали на заводскую профсоюзную конференцию делегатом, где я и выступил с горячей речью о том, что слесари-ремонтники имеют такое же право получать бесплатные рабочие ботинки, как и наладчики. Не помню, возымело ли выступление комсомольца действие на сознание начальства, стали мы получать ботинки или нет. Но это выступление мне всё-таки зачлось попозже. О чём речь ниже.

Подошёл 1956-й год. Двадцатый съезд партии, разоблачение культа личности Сталина. Это был поворотный пункт в новейшей истории нашей страны. Потянуло свежим ветром перемен. Незабываемое ощущение свободы – легче стало дышать, уходил в прошлое гнетущий страх не сказать бы лишнего. Началась «оттепель». В толстых журналах стали появляться рассказы и повести на запретную тему – о сталинских лагерях. В библиотеках выстраивались очереди за книгой В.Дудинцева «Не хлебом единым». Вскоре появилось имя А.Солженицина, захрипел Владимир Высоцкий, общими кумирами стали поэты А.Вознесенский, Е.Евтушенко, Р.Рождественский. Формировалось поколение «шестидесятников» – под знамёнами XX-го съезда партии.

Страна менялась, и у меня созрело решение – продолжить учёбу без отрыва от производства, поступить в ШРМ. Тогда начался настоящий бум вокруг «вечёрки». В восьмом классе, куда я поступил, числилось больше восьмидесяти учеников, среди которых были даже лысые, сорокалетние дядьки. До аттестата дошли только десять человек из класса. Остальные побросали – многие засыпали на уроках после ночной смены.

Шесть лет я вставал по заводскому гудку. Три года пахал, как раб на галерах. Спал по 4-5 часов в сутки. Когда истощались силы, неделями пропускал школьные занятия, а потом быстро навёрстывал благодаря исключительной памяти. В классе даже говорили: «Раз Цветков начал ходить на уроки, значит, скоро конец четверти». Окончил я школу с одной четвёркой в аттестате (по химии). Остальные – пятёрки.

Встал вопрос: в какой вуз поступать? О политехническом и мысли не было. Чтобы я снова вернулся в дымный, грохочущий цех? Завод, этот «молох» вызывал у меня чувство отторжения, почти ненависти. Как я сейчас понимаю, для гуманитария по складу ума мир железа был изначально чужд.

Останься я там ещё на 5-10 лет и погиб бы, наверное. Или начал пить, или впал бы в глубокий стресс с тяжкими последствиями для здоровья.

Я стал подумывать о юридическом образовании. Тем более что в кармане у меня лежала серенькая книжница кандидата в члены КПСС. Помню: подходит ко мне наш бригадир, фронтовик и говорит: «Такие люди, как ты, Валентин, должны находиться в партии. Подавай заявление». И я подал. Бороться за справедливость, быть похожим на моего любимого героя — Овода из романа Войнич, легче всё-таки и эффективнее, если ты состоишь в рядах Коммунистической партии. И я чуть не пошёл в адвокаты, но один умный человек сказал мне: «Что ты делаешь? Через двадцать лет в стране будет коммунизм, преступность исчезнет, и ты останешься без работы. Чем семью будешь кормить?»

Подумывал я и об историко-филологическом факультете Горьковского университета. С двенадцати лет баловался стихами, в пятнадцать начал сочинять приключенческую повесть в стиле Майн Рида. Стать писателем или журналистом — это здорово, но кто возьмет в университет простого рабочего парня? Мечта казалась недостижимой. Струсил, не хватило духу, а ведь именно там, в мире литературы, и было моё призвание. Журналистом и писателем я всё-таки стал спустя многие десятилетия, когда поезд ушёл. Грустно.

Выход подсказала мне учительница немецкого языка. «Ну что ты колеблешься, Цветков? Что ты не можешь никак выбрать подходящий вуз? Поступай в Институт иностранных языков. Скоро коммунизм победит во всем мире, и знание иностранных языков будет востребовано». Прекрасный вариант! Переводчик. Как я сам не додумался?

Ты смеешься, читатель? Над нашей глупостью, наивностью. Макар Нагульнов из «Поднятой целины» взялся за английский по тем же мотивам — в ожидании мировой революции. Мы, люди 50-х годов, верили в то, что окончательная гибель капитализма не за горами. В гражданскую войну большевики победили, в Великую Отечественную тоже, социализм построили, искусственный спутник Земли запустили, первым в Космос вышел наш человек — Юрий Гагарин... Так почему бы не поверить твёрдым гарантиям партии, что всего лишь за двадцать лет в стране будет построено коммунистическое общество в основном?

Развенчание культа личности Сталина породило первую трещину в фундаменте народной веры в мудрость коммунистических вождей. Ошибки и глупости, наделанные Н.С.Хрущовым, ещё больше подорвали доверие к партии.

Посыпались анекдоты, насмешки в адрес лидера страны, при котором впервые в истории пришлось закупать хлеб за рубежом. Из уст в уста передавали слова, якобы сказанные У.Черчиллем: «Надо быть гениальным дураком, чтобы оставить Россию без хлеба». Начался закат коммунистической идеи, но до агонии было ещё далеко, целых двадцать лет.

Что сказать о своих студенческих годах? Едва ли не лучшая пора в жизни человека. Студенческое братство – с чем его сравнишь? Общежитие. Балдёж далеко за полночь. Летние туристические походы. Новогодние балы-маскарады. «От сессии до сессии студент бывает весел, а сессия всего два раза в год». Полуголодные, но весёлые годы. С хорошей памятью никаких проблем в учёбе. С вечера засел за учебник, а утром, не сомкнувши глаз за ночь, идёшь и сдаёшь на «пять» «Историю КПСС» или «Политэкономия». Кстаги, история партии была главным предметом – на её изучение отводилось аж четыре семестра. Надо было знать наизусть все съезды с их программами, все идейно-политические платформы, все уклоны – и правые, и левые. Отчеканил, вышел с экзамена и тут же выбросил из головы весь этот ненужный хлам.

На студенческой скамье, после первого курса, в турпоходе по реке Керженец я познакомился со своей будущей женой – скромной девушкой Валерией Ефимовой. Она в составе группы из 25 человек была откомандирована из г. Омска на учебу в г. Горький. Училась на курс старше меня. Два года дружили, потом поженились и сняли комнатуху в частном доме. Её родители присылали по пятнадцать рублей в месяц, мои давали десятку. Этого хватало на оплату квартиры, а жили, точнее, перебивались на две наши скудные стипендии. Но жизнь в начале 60-х была недорогая – на стипендию можно было прокормиться. А когда в 1962-м году в столовых хлеб стал бесплатным, то нищим студентам и вовсе задышалось легче.

В 1964-м году я окончил вуз (с двумя четвёрками) и мне было предложено поступить в очную аспирантуру при кафедре марксизма-ленинизма. Я отказался. Где и на что жить? Опять стипендия? Как найти работу жене? В городских школах вакансий не было, а переводчики не требовались – город был закрыт для иностранных туристов. Да и надоело мне пять лет грызть гранит науки, хотелось поработать педагогом, попробовать себя в роли Песталоцци и Антона Макаренко.

По распределению мы с Валерией попали в Пошатовскую восьмилетнюю школу-интернат Арзамасского района. Место чудесное. Школа располагалась в сосновом бору, на берегу живописной речки Сережи. Река впадает в глубокие

озёра карстового происхождения. В лесу натыкаешься на провалы и воронки, куда с шумом уходят воды лесных ручьёв. По берегам озёр разбежались домики Старой Пустыни – старообрядческого скита. Бородатые местные мужики плавают по озеру на челнах, выдолбленных из цельных стволов могучих осин. Прямо-таки картина С. Рериха «Гонец. И восстал род на род».

В лесу жили зайцы, белки, лисы, ласки... Росли всевозможные грибы. С пустой корзиной домой никогда не возвращались. Хороша была и рыбалка – под берегом в летний зной стояли язи, как поленья.

Школьное начальство встретило нас вполне благожелательно, отдали под жильё половину старого, деревянного особняка. Мы с Валерией раскопали участок, посадили картошку, грядки с овощами, завели кроликов и кур. Возможно, так бы и прижились в Пошатове, тем более что с учениками ладили, проблемы с дисциплиной у нас не было. Дети нас любили, но это и сыграло роковую роль.

Как-то из интерната сбежали трое мальчишек и добрались аж до областного центра. С жалобой на директора школы, его жену и некоторых воспитателей. Беглецов спросили в Облоно: «Что же, у вас в школе совсем нет хороших учителей и воспитателей?» – «Есть, – ответили ребята». И назвали нас с женой. На этом и закончилось хорошее отношение дирекции к молодым педагогам. Начались придирки.

Второй случай ещё серьезнее. Меня избрали в состав партбюро руководителем народного контроля. Приходят ко мне как-то раз воспитатели и жалуются: «Подростки не наедаются в столовой, уходят голодными». Странно. Каждому воспитаннику полагается 800 граммов хлеба ежедневно, кроме приварка. Пошёл проверять. Каждое утро встану до рассвета и в столовую – вместе с шеф-поваром взвешиваю сыр, масло, муку – хлеб сами пекли. И быстро выяснил большую недостачу. Мука белая уходила со склада на сторону. Но куда? Школа находилась в изоляции, вдали от населённых пунктов. Подозрение пало на директора и его окружение. Пошёл к нему и прямо выложил результаты своей проверки. На другой же день повар был уволен и исчез в неизвестном направлении. Директор дело замаял. Значит, рыльце было в пушку.

Я был потрясён. Как же так? Разве можно объедать детей? Ведь многие из них круглые сироты. И разве может человек с партийным билетом поступать нечестно? Зачем же он тогда вступал в партию? Глупый романтик, пламенный революционер не мог понять, что люди могут лгать и

лицемерить, оставаясь коммунистами только для проформы, из шкурных интересов. Мне стало противно находиться в таком коллективе. Отработав положенные три года, мы с женой свернули хозяйство и уехали в районный посёлок Савино Ивановской области.

Савино запомнилось тем, что там было очень голодно, дефицит продуктов жуткий. Быстренько взяли участок земли, чтобы обеспечить себя картошкой. Из школы меня взяли на работу в РОНО, инспектором – я даже успел приобрести мотоцикл для поездок по району, но тут, глубокой осенью, пришло приглашение из Елабужского пединститута. И мы опять стали паковать чемоданы.

Елабуга на Каме. Старинный русский городок с величественными православными соборами, с пузатыми купеческими особняками, с гудками паромов и буксиров на реке... Елабугу я застал в первозданном виде, ничуть не изменившуюся за полвека советской власти. Разве что молчали церковные колокола, а на территории бывшего монастыря разместилась школа милиции. В доме художника И.Шишкина открыт музей. Купцы Шишкины проложили в городе водопровод ещё в 70-х годах XIX века. Вода текла из естественных родников по дубовым колодам. Они и сегодня лежат в земле несгнившие. Вода поступала и в деревянные сараи с надписью «Портомойня», чего я не видывал ни в одном городе.

В центре Елабуги сохранился добротный двухэтажный дом, в котором жила до своей кончины кавалерист-девица Надежда Дурова. В старинном городском парке установлен на постаменте бюст героини 1812 года, якобы на могиле Дуровой. Но мне доверительно шепнули в райкоме партии, что никакого захоронения там нет. Могила Дуровой потеряна. Когда через заброшенное древнее кладбище прокладывали водопровод, я видел куски тканей ярко-синего цвета, выброшенные из могил. А ведь Дурова завещала похоронить её в гусарском мундире. Но никому и в голову не пришло собрать останки и перезахоронить их. А там и девичьи косы с остатками засохшей кожи валялись. Кладбище располагалось на сухом, песчаном пригорке, на краю города.

Потеряна и могила Марины Цветаевой. Её хозяйка, в доме которой поэтесса свела счеты с жизнью, спустя двадцать лет, когда казанские писатели решили поставить скромный памятник Марине, смогла только указать примерно то место, где похоронили несчастную. Я застал ещё в живых очевидцев тех событий. Цветаеву эвакуировали в Елабугу где-то в августе 1941-го года. Она просилась в Казань, но ей отказали. Марина

привезла с собой девять американских брезентовых мешков с барахлом, но так и не распечатала их. Получив отказ из Казани, Марина пошла к местным властям просить место переводчицы с французского. Но откуда французы в Елабуге? Ей предложили место судомойки в столовой. Завидная должность в военное, голодное время — на стенках котлов всегда что-нибудь остается. Поэтессу хотели спасти, но она восприняла предложение как оскорбление — вернулась домой и повесилась. Ссоры с подростком-сыном лишь добавили решимость Марине Цветаевой расстаться с враждебным миром.

Во время войны в стенах бывших монастырей разместили лагерь для военнопленных немецких офицеров высокого ранга. Один из них, генерал, осевший в ГДР, даже книгу воспоминаний написал с красноречивым названием «Исцеление в Елабуге». Были там и пленные японские офицеры.

В Елабуге выходила районная газета «Новая Кама» на русском и татарском языках. С ней-то я и начал активно сотрудничать, всё больше увлекаясь журналистикой. А дебют мой состоялся ещё на студенческой скамье, когда я впервые заработал четыре рубля за небольшую заметку в областной газете. В Савине меня даже звали на постоянную работу в редакцию районки, радиожурналистом, но я почему-то не прельстился. Тем более что мне светила карьера в РОНО, вплоть до должности заведующего. Я тогда ещё не понимал, что не пригоден к административной, руководящей работе.

Большого ваныку я сваял, когда дал себя уговорить и перешёл в Горком партии на должность заведующего отделом пропаганды и агитации. Это был 1970-й год, надо было готовиться к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. Работы по горло, а мой шеф, третий секретарь, заболел на несколько месяцев. И я, щенок, крутился один. Без совета и поддержки. В довершение ко всему сняли с работы бывшего первого, который меня и сосватал, а вместо него прислали «крутого» с наказом согнуть в бараний рог елабужскую фронду. Я впервые в жизни видел, как рядовые коммунисты не хотели подчиняться указу сверху. Бывший первый, отличный мужик, пользовался в районе большим авторитетом и на партконференции коммунисты голосовали против снятия его с должности. Пока сам первый не встал и не приказал проголосовать против себя.

Работая в горкоме, я опять же впервые увидел, как партсовноменклатура заботится о собственном благосостоянии. В магазинах пустые прилавки, а спецсклады и базы ломились от продуктов и товаров. Я попал в обойму тех, на кого распространялись льготы, и, сгорая от стыда, стал

пользоваться ими. Что я успел за те полгода, что проработал в парторгане? Купить мясорубку из-под прилавка. Дешёвый летний костюм. Ковёр на стену. В канун 1-го мая мне говорят: «Идите в гараж, Валентин Александрович!» Я пошёл, недоумевая. Зашёл и ахнул. На полу, на расстеленном брезенте лежала гора свеженарубленного мяса. А я уж забыл, как оно выглядит. Мне навесили три килограмма. Вот когда я понял, что иметь в кармане красную книжечку и занимать должность — дело выгодное. Жена обрадовалась мясу, а мне было не по себе — изменил своим принципам и взглядам.

Угнетала потрясающая партийная субординация. Распоряжения вышестоящих выполнялись без обсуждения. Щёлкнул каблуками и пошёл из кабинета. Никакого творческого начала, никакого коллективного мнения. Как в армии. У инструкторов вообще было прозвище «Ко мне, Мухтар!» Короче, я не выдержал, сцепился со своим непосредственным начальником — секретарём по идеологии. Из двоих один должен был уйти. И когда ректор института на одном из заседаний подсел ко мне и спросил, нет ли у меня желания вернуться в институт, я с радостью согласился. Позже узнал, что ректор действовал по подсказке партийного шефа. Но вернулся я не на факультет иностранных языков, а на кафедру марксизма-ленинизма. Меня жутко занимали проблемы строительства коммунистического общества. Имена основоположников научного коммунизма я произносил с трепетом.

В августе 1972-го года я поступил в очную аспирантуру при кафедре научного коммунизма МГПИ им. В.И. Ленина. Москва середины 70-х — один из самых спокойных, комфортных для жизни городов мира. Иностранные туристы тысячами ехали сюда полюбоваться Кремлём и повосхищаться лучшим в мире метрополитеном. Театры работали с полной загрузкой, за билетами на Таганку или в «Современник» стояли сутками. Уличная преступность была сведена к минимуму. Мы, аспиранты, вместе с молодыми женщинами глубокой ночью, после спектакля, возвращались в своё общежитие пешком через весь город, не опасаясь хулиганов или грабителей. Людей с судимостью лишали столичной прописки, бомжей отлавливали и отправляли куда подальше.

Магазинные полки ломились от снеди — новозеландская баранина по рубль десять за килограмм, жирные голландские и французские утки, селедка четырёх сортов, колбаса на любой вкус... В Москве уже был построен коммунизм за счёт необъятной российской провинции. Весь европейский центр страны отоваривался в Москве. Сюда за

мясом ездили даже из Казани, благо проезд на любом виде транспорта был дешёв, а за коммуналку люди вообще платили копейки. Киловатт энергии стоил от двух до четырёх копеек, проезд на метро – пятак, на трамвае – три копейки, буханка хлеба стоила 16 копеек. А зарплаты на заводах были вполне приличными – не меньше доцентских ставок.

Возможно, московское изобилие и незнание жизни в глубинке породили у преподавателей нашей кафедры иллюзии о том, что в недалёком будущем коммунизм станет реальностью. Умные вроде бы люди – профессора, доценты на полном серьёзе обсуждали проблемы о стирании граней между городом и деревней, умственным и физическим трудом. Они свято верили в незыблемость теории, созданной Марксом и Энгельсом. Они не видели порочности сложившейся в СССР общественно-политической системы, её изъяны считали временными недостатками. Ни Политбюро, ни многотысячная армия общественных деятелей не догадывались, что социализм советского образца уже поражён гнилью и клонится к закату. Никто не знал, что «Титаник» уже обречён, что на Ставрополье работает молодой комбайнёр Мишка Горбачёв, который, став капитаном гигантского лайнера, утопит его, затеяв Перестройку. До трагедии оставалось ровно десять лет.

Защитив диссертацию, я вернулся в Елабугу на белом коне и тут же был избран секретарём партбюро пединститута. И стал наводить партийную дисциплину, бороться за чистоту рядов КПСС. И столкнулся, естественно, с администрацией института. Конфликт дошёл до Горкома КПСС, до разбирательства в кабинете третьего секретаря. Стыдно вспомнить, каким же я был глупцом, не понимал простых вещей – того, что никто не живёт по Уставу КПСС, что моральный кодекс строителя коммунизма – всего лишь декларация, бумажка, с которой можно сходить в туалет. Слепой, наивный щенок, хотя возраст подошёл уже к сорока.

Елабуга – это Татарстан, национальная республика. Проявлялся ли там в открытой форме национализм в 60-70-х годах прошлого века? Нет, не проявлялся. Ползучий национализм был, в кадровой политике, прежде всего. Как только увольнялся русский или еврей, на его место сразу же ставили специалиста – татарина. Наглядный пример – пединститут. Когда я начинал там работать, на двенадцать членов кафедры марксизма-ленинизма приходилось пять национальностей, а десять лет спустя я оказался единственным преподавателем нетитульной нации. Дело дошло до того, что факультет русского языка и литературы возглавила женщина-татарка плохо говорившая по-русски.

Первыми стали уезжать из Елабуги евреи, как самые умные. За ними потянулись русские и представители национальных меньшинств. Мы с женой тоже стали подумывать об отъезде, тем паче, что меня давно звал в Калугу друг по аспирантуре, будущий профессор А.П. Черников. Скажу честно, можно было и не покидать Елабугу – татары относились ко мне хорошо. Да и студенты – выходцы из татарских деревень нам нравились – очень трудолюбивые, скромные, дисциплинированные... Крестьяне-татары на редкость трудолюбивы и гостеприимны. И никаких признаков национальной нетерпимости. Национализм зарождается в сфере творческой интеллигенции, а не в народной гуще.

Да, можно было оставаться и не дёргаться с места. Квартира есть, сад – огород завели, кандидатская защищена... Дело оставалось за малым – взять учебник татарского языка и научиться разговаривать по-татарски. Если ты живёшь в национальной республике, то просто обязан владеть языком коренного населения. Иначе ты проявляешь неуважительное отношение к этим людям. Мы, русские, не хотели этого понимать и предпочитали покинуть нацреспублику. И очень часто в ущерб себе.

Да и я тоже почти пожалел о своем решении уехать из Елабуги. Поначалу Калуга очаровала нас. Тихий, на редкость чистый город, наполовину состоявший из старых деревянных домиков. Город сытый по сравнению с Елабугой. У нас глаза округлились, когда мы увидели, что на каждом углу, прямо на улицах продают полупудовые тушки индеек – такая же редкость для провинции, как и экзотические ананасы. И калужане понравились – спокойные, доброжелательные люди; никакого внутреннего напряжения не чувствовалось.

Шок наступил скоро. Я ведь приезжал в Калугу на предварительные переговоры, вёл беседу с ректором пединститута и крупным партийным чиновником. Глядя мне в глаза, оба клятвенно заверили, что я получу квартиру в трёхмесячный срок. И обманули, ударили мордой об стол. С тех пор я уже больше не верил партийным чиновникам. Началось обивание порогов начальственных кабинетов, я увидел свору равнодушных, закоснелых бюрократов. Умные люди разъяснили мне, что в Калуге царит местечковая психология, чёткие опознавательные знаки «свой – чужой». И полтора века спустя не устарели слова Ивана Аксакова: «Удивительный город Калуга. Общественное мнение столь слабо, что мошенник сидит на мошеннике, играет видную, важную роль».

Чтобы вырваться из общежития со своей семьёй (сыну Дмитрию было всего три годика), заслужить обещанное мне приличное жильё, пришлось пахать больше двух лет. Я не вылезал из районов, читал до двухсот публичных лекций в год, не отказывался ни от каких партийных поручений. В общем, был «белым негром».

На работе свои сложности. Я читал курс «Основы научного коммунизма» студентам из ГДР – сто человек. Они недоумённо спрашивали меня: «Если в СССР развитой социализм, то почему в магазинах нет колбасы?» Доказывать немцам-колбасникам, что наш советский социализм выше и качественней немецкого с их изобилием сарделек – дело бесполезное. Семь лет я угробил впустую – ни уму, ни сердцу. Псу под хвост мои знания теории. Практика разрушала их, коммунистические утопии становились всё очевиднее даже таким фанатам коммунизма, как я.

Когда Политбюро и М.С.Горбачёв провозгласили о начале перестройки, я сразу же записался в её прорабы. Как и после XX-го съезда, в стране опять подул свежий ветер перемен. Я, как и многие коммунисты, верил в то, что реальный социализм способен к обновлению, что великая идея построения справедливого общества обретёт второе дыхание. Увы! Перестройка очень скоро перешла в перестрелку и огромное здание СССР зашаталось. У нас не оказалось среди партийных лидеров человека столь же мудрого, как Дэн Сяопин. Бездарный, малообразованный политик Горбачёв со своей командой повели «Титаник» опасным фарватером – гибель СССР, его распад стали неотвратимыми. О чём остаётся только скорбеть. Великое государство стало расползаться, как лоскутная империя. Люди потеряли ощущение надёжности своего общего дома.

Распад СССР, гибель социалистической системы закономерны и predetermined самим ходом исторического развития. Горбачёв своими неуклюжими действиями только подтолкнул негативные процессы, зародившиеся в обществе уже в первые послевоенные годы. СССР – сугубо идеологическое государство, и когда идея умерла, начался распад. Пока у власти стояли политики-аскеты во главе со Сталиным, система держалась – с их уходом она начала разрушаться.

Кошмар 90-х, бандитский капитализм стали возможны потому, что народ в массе своей устал от уравниловки и на «ура» воспринял лозунг реформаторов «Обогащайтесь!» Безумие стяжательства охватило миллионы, наступил рай для мошенников, создавших финансовые пирамиды – «МММ»,

«Русский дом Селенга», «Хопёр-инвест» и прочие. Я не купил ни единого билетика, ибо не верил в возможность разбогатеть, не прилагая к этому никаких усилий.

Однако шесть тысяч наших накоплений пропали, мы стали жить с колёс и встал вопрос, что дальше? У русских есть давняя традиция – в лихолетье возвращаться в деревню, быть поближе к земле-кормилице. Да и призыв Ж.Ж.Руссо «Назад, к природе!» всегда манил меня. И мы решили перебраться в деревню, как только доживём до пенсии. Да и работать в вузе мне уже осточертело. Вместо почившего в бозе научного коммунизма я разработал и читал два новых курса – «Историю мировых религий» и «Культуру семейно-брачных отношений». Появилось платное обучение, бездари с деньгами хлынули в широко распахнутые двери института и работать с ними, отдавать им душу стало неинтересно.

Два года строили дом на мою доцентскую зарплату, жили втроем на жалкую пенсию Валерии. Даже хлеб пекли сами – дешевле выходило. Ранней весной 1997-го года состоялось наше великое переселение в д. Собакино, что на Воре. Разработали огород, завели кур, кроликов, а потом и стадо коз. И стали почти независимыми от милостей государства – жили натуральным хозяйством,

Пятнадцать замечательных лет мы провели на лоне природы. Наши крестьянские корни дали о себе знать. Имея клочок земли, с голоду пухнуть не будешь – только не ленись! А мы оба трудоголики – встаём с восходом солнца. Мы с Валерией никогда ни от кого не зависели, ничего ни у кого не просили – всегда надеялись только на самих себя. До поликлиники 15 км? Что ж, освоим народную медицину и займёмся самолечением. В деревне я научился с помощью реторты, по принципу самогонного аппарата, гнать дёготь из бересты, а попутно – берёзовый уксус. И уголь шёл в дело. Нет такого недуга, который нельзя было бы вылечить с помощью берёзы. Даже рак, что я и проделал на самом себе. Деготь убивает раковый вирус. Это единственное природное средство, способное справиться со страшным недугом. Снаружи – мазь, внутрь – дегтярная вода. Книга ведущего фитотерапевта, доктора Н.И. Даникова о целебных свойствах берёзы стала моей настольной.

А ещё я изобрел собственный бальзам «Молодость». Рецепт прост для желающих: спиртово-водочная настойка корня одуванчика – этого русского «женишеня», зверобоя, плодов каштана конского, можно и полынь добавить. Красное виноградное вино, мёд – желательно майский и 400 гр берёзового уксуса на четыре литра настоя. Бальзам готов, можно пить по столовой ложке утром с кофе. Во-первых, для

профилактики раковых заболеваний. Во-вторых, бальзам гасит все воспалительные процессы в организме, а с них-то и начинаются почти все болезни.

Жизнь в деревне, наблюдения за живой природой пробудили во мне долго спавшие литературные задатки. Я пишу в разных жанрах – лирическом, сатирическом, детективно-приключенческом. Но больше всего мне удаются сказки – детские и философские притчи. Минобр Калужской области издал два сборника, пять пьес лежат не востребованными. Театр умирает. Две книжки (в соавторстве) религиозоведческого характера находятся в библиотеке Ватикана в Риме.

В 70 лет человек выходит на финишную прямую своей жизни. В 75 пора шить белые тапочки и подбивать бабки – каков итог твоего пребывания на земле? Как жил? Зачем жил? Сумел ли реализовать себя или бездарно промотал таланты и способности, данные тебе матерью-природой?

С точки зрения обывателя я неудачник, лузер – ни солидного счёта в банке, ни машины, ни трёхкомнатной квартиры... А мог бы всё это иметь, пойдя я по стезе служебной карьеры, куда меня усиленно заманивали как молодого, энергичного коммуниста с дипломом в кармане. Но я не пошёл – чуял свою погибель.

Чтобы находиться в «системе» и подниматься вверх по служебной лестнице, надо ходить на полусогнутых, прогибаться перед начальством и уметь превращаться из восклицательного знака в вопросительный – «Чего изволите?» А это не по мне. В моих жилах всё ещё течет частица крови вольнолюбивых ушкунников – покорителей Русского Севера. Я не люблю ни командовать, ни подчиняться. Я кошка, которая гуляет сама по себе

Чиновник, особенно взяточник, несчастный человек – он плохо спит, судорога ночью сводит ему ноги, мучат кошмары... Чтобы снять постоянное напряжение, чиновник много пьёт. Но водка не спасает от стресса. Идёт разрушение нервной системы, падение иммунитета и как следствие – инфаркт, инсульт или рак задолго до наступления старости.

За всё нужно платить – и за «красивую жизнь» тоже. Я вообще не понимаю, почему вокруг шмоток, модной электроники и престижных иномарок так много ажиотажа? Разве вещи делают человека счастливее? Сенека прав: «И под соломенной крышей можно быть счастливее, чем под золотой». Только глупцы завидуют долларовым миллионерам. Богачи – заложники собственного богатства. Не смей сходить в кусты побрызгать без усиленной охраны! Понастроили особняков с трёхметровыми заборами и волкодавами внутри.

Не дом, а тюрьма. Выйти за ворота и прогуляться по вечерней улице, как все нормальные граждане, – смертельный риск; за углом тебя давно уже караулит киллер, нанятый твоим конкурентом.

Да, я беден, но неудачником себя не считаю. Начал ведь слесарем в замызганном комбинезоне, а на пенсию ушёл с профессорской должности. Для крестьянского сына не так уж мало. Спасибо Советской власти – она создала равные для всех стартовые условия. Попробуй сегодня, при торжестве демократии, пробиться от станка или плуга до университетской кафедры!

Сегодня в обществе доминирует идеология личного успеха. Да разве в этом смысл жизни? Главное – оставить добрый след на земле, чтобы на твою могилу люди не плевались, а приносили свежие цветы. Ещё в молодости я вычитал мудрый совет: «Живи так, чтобы людям было легче от того, что ты живёшь».

Я старался следовать этому правилу, оставаться порядочным при любых обстоятельствах. Увы, не всегда это получалось. Человек слаб, а нечистый силен. Много ошибок наделал, натворил глупостей, за которые и сегодня стыдно. А кто их не делал в молодости, когда кипит кровь в жилах и страсти затемняют разум? Мой кумир А.Пушкин с горечью говорил о себе: «И с отвращением листаю жизнь свою». Главное – не упорствовать в своих ошибках, а осознавать их и судить себя судом собственной совести. Тогда человек небезнадёжен.

Самое страшное в старости – не осиный рой недугов, жалящих тебя со всех боков. К ним можно притерпеться. Куда хуже – одиночество, стальным обручем сжимающее сердце, дышащее холодом и в знойный день. У пожилых людей слабеют связи с внешним миром, с друзьями и приятелями. Уже не тянет на тусовки, встречи и презентации с их фальшью, лицемерием и плохо скрываемой завистью к юбиляру, получившему премию, а то и медальку из рук самого губернатора.

У старости есть и плюсы. Становишься мудрее, лучше понимаешь людей, не строишь больше воздушных замков, а главное, куда больше ценишь семейные узы, чем в молодости. Пожилые супруги – самая надёжная опора друг для друга. По русской пословице: «Две головёшки и в поле горят, а одна и в печи гаснет».

Лично мне помогают коротать вечер жизни книги. Я их полюбил ещё в нежном возрасте. В кино не пойду, от мороженого откажусь, а куплю какую-нибудь брошюрку на свои жалкие копейки, заработанные на сборе утильсырья. Мой отец

– тёмный, малограмотный крестьянин считал, что от книг один вред, так что я читал украдкой, ночами – при тусклом свете коридорной лампочки. Однажды я потерял бдительность и папаня застукал меня за чтением в нашем деревянном сарае. Ни слова не говоря, схватил топор и изрубил библиотечные книги в куски. Но от книжной страсти меня всё-таки не вылечил.

Всю жизнь покупаю книги. Много потерял их во время переездов, часть проели, когда строили дом в деревне в начале 90-х. Но любимые авторы остались со мной. Вот они стоят рядышком на книжных полках: Екклезиаст и Конфуций, Марк Аврелий и Сенека, Монтень и Бальтасар Грасиан, Вольтер и Ж.Ж. Руссо, Шекспир и Гёте, Ганс Христиан Андерсен и Антуан де Сент-Экзюпери, А.Пушкин и Ф.Тютчев, А.Чехов, М.Горький и Лев Толстой... Я часто перечитываю эти книги, советуюсь с великими покойниками. Да и умереть хотел бы рядом с книжными полками, а не в реанимации под капельницей.

Вот и всё. Свеча моей жизни догорает. Я всё чаще повторяю слова Ландора:

Презрев людей, врагов я не имел.
Любил природу. В песнях славил бога.
Я у камина жизни руки грел.
Камин погас, и мне пора в дорогу.

Жизнь прекрасна, но стоит ли цепляться за неё, умолять врачей продлить твоё никчемное существование? «Уходя, не оглядывайся!» – говорит философ. А другой мудрец добавляет: «Когда есть я, то смерти нет. Когда есть смерть, то меня нет». Как спокойно и красиво ушли из жизни Чарльз Дарвин, академик И.П.Павлов, Илья Мечников... Они были естествоиспытателями и прекрасно понимали, что смерть есть всего лишь логическое завершение жизни, переход материи в другое состояние. Миф о рае выдумали рабы и трусы.

Ничто не вечно в этом мире, даже звёзды. Что уж говорить о бренном существовании отдельно взятого человека – этой жалкой былинки в пучине пространства и времени! Надо смириться перед неизбежным и не биться в истерику, когда завершится последний акт и упадёт занавес.

Финита ля комедия.

Мыслящий человек подобен
дереву на вершине горы – он
всегда одинок.

Ф. Ницше

Вместо послесловия Рубцоведам на заметку

Эти строки я пишу в надежде на то, что их прочтёт кто-нибудь из многочисленных исследователей жизни и творчества Николая Михайловича Рубцова. К великому сожалению, сам я только недавно узнал, что у поэта, хотя он и родился на территории Архангельской области, родовые корни уходят в вологодскую землю. Оказывается, и отец, и дед Николая Рубцова – из Биряковской волости, что граничит с Куракинской волостью Тотемского уезда. Деревня Рубцово, как я пишу в этой книге, была самой большой в нашей округе, центром расселения славян на Верховажье. От Рубцова до села Биряково в старину шёл волок, лесная дорога.

Естественно, у меня возникло предположение: не от названия ли нашей деревни пошла фамилия Рубцовых? По русской традиции, выходцы из села Беляево становились Беляевыми, из Новосёлков – Новосёлковыми, из Москвы – Москвины и т.д. Сам я уже в преклонном возрасте, чтобы поехать в Вологду и поработать в архивах, дабы подтвердить или опровергнуть эту версию.

Могу лишь назвать опорные пункты для биографов Н.М. Рубцова, будь у них желание составить родословную выдающегося русского поэта.

Как я говорил выше, деревни Арганово и Рубцово относятся к древнейшим славянским поселениям на вологодской земле. Рубцово насчитывало 110 домов. Это много для таёжной деревни, где каждый клочок пашни приходилось отвоёвывать у леса. А обширные болота и вовсе были непригодны для ведения сельского хозяйства. Страдая от малоземелья, люди уходили из Арганова и Рубцова на сторону – в Ярославль, Питер и даже в Москву.

Но не все забирались так далеко от дома. Молодых парней привлекал к себе и почтовый тракт Вологда – Тотьма, проходивший через соседнюю, Биряковскую волость. Тракт – это почтовые станции с трактирами, магазинами и купеческими лабазами... Крестьянский парень мог устроиться в услуги, а если повезёт, то и ямщиком на лихую почтовую тройку. Те, кто приезжал в Биряново на своей лошадке, занимались извозом.

Выходцы из Арганова основали свое собственное Арганово рядом с Биряковым. Переселенцы из Рубцова и близлежащей деревеньки Самылково построили новое Самылково опять же под боком села Биряково. Какую фамилию носили первые поселенцы биряковского Самылкова, мы не знаем. Их стали называть по уличной фамилии Рубцовы, которая и стала их основной. Паспортов и прочих удостоверений личности в сельской местности в старину не существовало.

От кого же Рубцовы ведут свой род? В самом Рубцове такой фамилии не было. Но зато половина жителей относилась к Первунинским. Может, покопаться в этом направлении? Почему бы не проверить, для начала, не является ли Василий Первунинский отцом Андриана Васильевича Рубцова – деда поэта? Андриан мог ещё в юности уехать в Биряково или Самылково, поселиться у родственников Рубцовых и дальше писаться уже под этой фамилией. Какие документы надо просмотреть? Во-первых, церковные книги, где велись записи актов гражданского состояния. Рубцово входило в Чижевский приход. Во-вторых, данные переписи 1897 года. А ещё ревизские списки.

Андриан Рубцов мог быть также сыном одной из сестёр Василия Первунинского, вышедшей замуж за парня по имени Василий. Но в какую деревню? Это уже намного усложняет поиски. Род Рубцовых мог уходить своими корнями не в семью Первунинских, а в другую. Не идет ли линия от Ивана Птицина – гармонного мастера? Сын его, Александр, тоже был отменным гармонистом. Поэт Николай Рубцов не расставался с гармошкой. От кого у него такая любовь к этому инструменту?

Поиски в архивах могут и не принести ощутимых результатов, а могут сулить и открытия. В любом случае – это увлекательная работа, требующая не только великого терпения, но и навыков архивного дела, а главное – надо быть горячим поклонником творчества и личности замечательного поэта Николая Михайловича Рубцова. Если удастся составить его родословную, хотя бы до четвёртого-пятого колена – это уже научный подвиг. Нет сомнения, что поэт Николай Рубцов – гордость вологодской земли – заслужил такую честь.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
От автора.....	3
Часть первая. Вглубь тысячелетий	
Таежные аборигены или тайны географических названий.....	5
Первопроходцы Севера.....	12
Забывтый волок.....	17
Часть вторая. Воспоминания Марии Васильевны Цветковой (Муравьёвой) 1879 (1880) г.р.	
Свадьба в Арганове. 1895г.....	23
Будни и праздники аргановских крестьян.....	50
Часть третья. Воспоминания Градиславы Степановны Цветковой (Первунинской) 1912 г.р.	
Деревня Рубцово и её обитатели.....	62
Крестьянский быт.....	67
В Рубцове отдыхают.....	77
Побег из колхозной неволи.....	81
Часть четвёртая. Приложения	
Словарь аргановского говора.....	85
Исповедь старого совка.....	96
Вместо послесловия. Рубцоведам на заметку.....	124

ОБ АВТОРЕ

Цветков Валентин Александрович родился в 1937 году в деревне Арганово Сямженского района Вологодской области в семье крестьян. Окончил Нижегородский лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова. Доцент, кандидат философских наук. Член Союза журналистов России. Писатель. Лауреат премии «Золотой телёнок» «Литературной газеты» за 2006 г. Живёт в Калуге.

Отзывы и пожелания присылать по адресу: 248000, г. Калуга, пер. Воскресенский, 22-6

Валентин Александрович Цветков

НА ДРЕВНЕМ ВОЛОКЕ

**(Быт и нравы крестьян Тотемского края Вологодской
губернии конца XIX – начала XX века)**

Книга издана в авторской редакции

Компьютерная вёрстка М.В. Бендрышевой

Подписано в печать 28.04.2012. Формат 60х84 1/16.
Гарнитура «Time New Roman CYR». Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объем 8 п.ч. Тираж 100 экз.

Издательство «Эйдос»

Отпечатано в типографии «Наша Полиграфия»
г. Калуга, Грабцевское шоссе, 126

Дом Цветковых (Муравьёвых) в д. Арганово

Цветков Степан (фото 1914г.) Цветкова Мария (фото 1940 г.)

*Перкунинский
Стенан Васильевич*

*Цветков Валентин
17 лет*

*Супруги Цветковы (Александр Степанович и
Градислава Степановна) с детьми*

*Первунинская Анна Васильевна и
Первунинская Виринея Степановна*

Цветков Валентин с женой Валерией. Студенты

Цветков Дмитрий с семьёй

На закате жизни

С племянницей Натальей (Пархоменко)

С московским поэтом Юрием Куковым

В часы досуга

*В гостях редактор газеты
«Крестьянская Русь»
Константин Лысенко*

Родные просторы